

ТАМБОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НЕОФИЛОЛОГИЯ

NEORHIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

2017

ТОМ 3

№ 3(11)

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное
образовательное
учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина»
(392000, г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33)

Главный редактор
д. филол. н., проф. А.С. Щербак
(г. Тамбов, Российская Федерация)

Научный редактор
д. филол. н., д. ист. н. А.А. Бурыкин
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Ответственный секретарь
И.В. Ильина (г. Тамбов, Российская Федерация)

Редакционная коллегия:
д. филол. н., проф. К.М. Абишева
(г. Астана, Республика Казахстан)
д. филол. н., проф. Н.Н. Болдырев
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. М.В. Горбаневский
(г. Москва, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Р. Гольдт
(г. Майнц, Федеративная Республика Германия)
д. культурологии, проф. Е.И. Григорьева
(г. Москва, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Е.Г. Задворная
(г. Минск, Республика Беларусь)
д. философии, доц. Дж. Куртис
(г. Оксфорд, Великобритания)
д. филол. н., доц. О.Н. Новикова
(г. Уфа, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.В. Полякова
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Н.Л. Потанина
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филос. н., проф. Л.А. Пронина
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.В. Рацибурская
(г. Н. Новгород, Российская Федерация)
д. филос. н., проф. Н.В. Розенберг
(г. Пенза, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. В.И. Супрун
(г. Волгоград, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. З.К. Темиргазина
(г. Павлодар, Республика Казахстан)
д. филол. н., доц. А.Б. Туманова
(г. Алматы, Республика Казахстан)
д. филол. н., проф. В.К. Харченко
(г. Белгород, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. А.Л. Шарандин
(г. Тамбов, Российская Федерация)

Адрес редакции: 392000, г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33.
Тел. редакции: (4752)-72-34-34 доб. 0440.
E-mail: vestnik@tsu.tmb.ru
<http://www.journals.tsutmb.ru>

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС 77-70137
от 16.06.2017 г.

Подписной индекс 80303 в каталоге
АО Агентства «Роспечать».

© ФГБОУ ВО «Тамбовский госу-
дарственный университет име-
ни Г.Р. Державина», 2017
© Журнал «Неофилология», 2017

НЕОФИЛОЛОГИЯ

2017
Т. 3. № 3 (11)

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С МАРТА 2015 Г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS 3

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА 5

ЛИНГВИСТИКА

Шарандин А.Л. Междисциплинарный характер оппози-
ционного метода 7

Солодовникова Н.Г. Эмоции, с которыми не хочется
расставаться, или произвольность/непроизвольность
эмоциональной памяти 20

Сапиева С.К. Языковая картина мира как экспликация
национальной ментальности адыгского этноса 28

Айдарбекова А.С., Мусабекова У.А. Символические
признаки в структуре концептов 'душа' и 'жан' 38

МЕТОДИКА И МЕТОДОЛОГИЯ

Жеребцова Ж.И. «Россиеведение» в аспекте изучения
русского языка и культуры 44

Редакторы:

А.А. Манаенкова,

М.И. Филатова

Редакторы английских текстов:

Т.А. Сустина, Е.А. Финаева

Компьютерное макетирование

Т.Ю. Молчановой

Дизайн обложки

Т.О. Прокофьевой

Для цитирования:

Неофилология. 2017. Т. 3. № 3 (11). 84 с.

Для повышения авторитета журнала и продвижения в международные наукометрические базы данных (Scopus и др.) результатов научных исследований университета и его партнеров журнал «Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки» был переименован на «Неофилология» в соответствии с Приказом № 228 от 11 апреля 2017 г.

Подписано в печать 28.08.2017.

Выход в свет 14.11.2017.

Формат 60×84 1/8.

Усл. печ. л. 9,76.

Тираж 1000 экз.

Заказ № 17295.

Свободная цена.

Адрес издателя:

392000, г. Тамбов,

ул. Интернациональная, д. 33.

ФГБОУ ВО «Тамбовский

государственный университет

имени Г.Р. Державина».

Отпечатано в Издательском доме

Тамбовского государственного

университета имени Г.Р. Державина.

392008, г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Бирюков С.Е. Рецепции творчества Велимира Хлебникова в современной русской поэзии 52

Колчанов В.В. «Сквозь магический кристалл»: образ А.К. Воронского в сатирической повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» 61

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Соегов М. Кого соизволил принять Его Величество Государь Император России 19 мая 1881 года ровно в один час пополудни 75

ПЕРСОНАЛИИ

Щербак А.С. Поздравляем юбиляра! К 85-летию со дня рождения В.Г. Руделева 83

Founder:

Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education "Tambov State University
named after G.R. Derzhavin"
(392000, Tambov, 33 Internatsionalnaya St.)

Editor-in-Chief

Doctor of Philology, Professor A.S. Shcherbak,
(Tambov, Russian Federation)

Scientific Editor

Doctor of Philology, Doctor of History
A.A. Burykin
(St. Petersburg, Russian Federation)

Executive Editor

I.V. Ilyina (Tambov, Russian Federation)

Editorial Board

Doctor of Philology, Professor K.M. Abisheva
(Astana, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Philology, Professor N.N. Boldyrev
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor
M.V. Gorbanevskiy
(Moscow, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor R. Goldt
(Mainz, Federal Republic of Germany)
Doctor of Culturology, Professor E.I. Grigorieva
(Moscow, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor E.G. Zadornaya
(Minsk, Republic of Belarus)
Doctor of Philosophy, Associate Professor
J. Curtis
(Oxford, Great Britain)
Doctor of Philology, Associate Professor
O.N. Novikova
(Ufa, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor L.V. Polyakova
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor N.L. Potanina
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philosophy, Professor L.A. Pronina
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor L.V. Ratsiburskaya
(Nizhny Novgorod, Russian Federation)
Doctor of Philosophy, Professor N.V. Rozenberg
(Penza, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor V.I. Suprun
(Volgograd, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor Z.K. Temirgazina
(Pavlodar, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Philology, Associate Professor
A.B. Tumanova
(Almaty, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Philology, Professor V.K. Kharchenko
(Belgorod, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor A.L. Sharandin
(Tambov, Russian Federation)

Editors address: 33 Internatsionalnaya St.,
Tambov, 392000.
Tel. number: (4752)-72-34-34 extension 0440.
E-mail: vestnik@tsu.tmb.ru
<http://www.journals.tsutmb.ru>

Certificate of registration of mass information
mean ПИИ № ФС 77-70137
from June 16, 2017.

Subscription index 80303 in the catalogue
of the Stock company Agency "Rospechat"

© FSBEI of HE "Tambov State Uni-
versity named after G.R. Derz-
havin", 2017
© The journal "Neophilology", 2017

NEOPHILOLOGY

2017
T. 3. № 3 (11)

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

PUBLISHED SINCE MARCH 2015
ISSUED 4 TIMES IN YEAR

CONTENTS

EDITOR-IN-CHIEF'S WORD 5

LINGUISTICS

Sharandin A.L. Interdisciplinary nature of opposition method	7
Solodovnikova N.G. Emotions you do not want to part with, or willfulness/randomness of emotional memory	20
Sapieva S.K. Linguistic view of the world as explication of national way of thinking of Adyghe ethnos	28
Aydarbekova A.S., Musabekova U.A. Symbolic features in the structure of the concepts 'soul' and 'jan'	38

METHODS AND METHODOLOGY

Zherebtsova Z.I. "Russian studies" in the aspect of Russian language and culture studies	44
---	----

Editors:

A.A. Manaenkova, M.I. Filatova

English texts editors:

T.A. Sustina, E.A. Finaeva

Computer layout

T.Y. Molchanova

Cover design

T.O. Prokofeva

For citation:

Neophilology. 2017. Vol. 3. № 3 (11). 84 p.

To raise the journal's credibility and to advance the results of scientific research of the university and its partners in the international scientometrical data bases (Scopus and others) the journal "Tambov University Review. Series Philology and Culturology" was renamed "Neophilology" in accordance with the Order no. 228 of April 11, 2017.

Подписано в печать 28.08.2017.

Выход в свет 14.11.2017.

Формат 60×84 1/8.

Усл. печ. л. 9,76.

Тираж 1000 экз.

Заказ № 17295.

Свободная цена.

Адрес издателя:

392000, г. Тамбов,

ул. Интернациональная, д. 33.

ФГБОУ ВО «Тамбовский

государственный университет

имени Г.Р. Державина».

Отпечатано в Издательском доме

Тамбовского государственного

университета имени Г.Р. Державина.

392008, г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г.

STUDIES OF LITERATURE

Biryukov S.E. Receptions in creative work of Velimir Khlebnikov in modern Russian poetry 52

Kolchanov V.V. "Through crystal ball": the image of A.K. Voronskiy in satirical story of M.A. Bulgakov "The Fatal Eggs" 61

CULTUROLOGY

Soyegov M. Whom the Sovereign Emperor His Majesty of Russia has deigned to accept on May 19, 1881 exactly at one o'clock p.m. 75

PERSONALIA

Shcherbak A.S. Congratulations to the hero of the anniversary! To the 85th anniversary of the birth of V.G. Rudelev 83

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Предлагая обновленное название журнала «Неофилология», редакция стремится приблизить его к новейшим научным исследованиям проблемного и научно-практического характера в области языкознания, литературоведения и культурологии, поддержать новое, яркое, необычное.

Изменения, которые происходят в обществе, в образе жизни и мышлении человека, и языковая ситуация создают предпосылки для появления новых качеств русского литературного языка. Все активнее появляются новые научные термины, редкостные слова, различного типа словари, научные методы, за которыми стоит языковая и жизненная реальность.

Смысл содержания издания «Неофилология» отождествляется с *пользой* для профессиональных филологов и культурологов. В славянских языках, например, в чешском слово «смысл» может означать *ощущение*. В церковнославянском переводе Библии «смыслом» именуется то, что в синодальном переводе обозначено *разумом*. Слово «неофилология» в этом плане уникально, поскольку оно является отражением осмысленных носителей новых образов и различных представлений.

И надежда на успех издания связана с *пользой* для представителей гуманитарного сообщества – познакомить читателей с новейшими достижениями актуальных направлений исследований, отразить результаты оригинальных исследований, ощущение культурообразующей роли филологии, оказывающей мощное воздействие на развитие сферы общественного сознания, приблизить филологов и культурологов к практическим интересам, познакомить читателей с новейшими научными мыслями, отражающими интеллектуальную независимость ученых-мэтров и молодых ученых.

Подчеркивая важность данного журнала, хотелось бы обратить внимание на то, что

нужно понимать, что главная идея философско-филологической культуры заключена в первых словах Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово». И слово в изменяющийся мир XXI века вносит свои коррективы.

Мы призываем всех к сотрудничеству, стать носителями творческого, ноосферного мышления, к чему призывал выдающийся ученый М.И. Вернадский, тесно связанный с Тамбовским краем. Мы стремимся сделать журнал успешным и эффективным.

Цель журнала – широкое освещение научных достижений гуманитарной направленности, распространение результатов научных исследований в области современного гуманитарного знания. В настоящее время в России сочетаются две важные языковые ипостаси. С одной стороны, наша страна обладает уникальным и сохраняющимся языковым разнообразием, какого в мире осталось мало. С другой стороны, Россия сохраняет и несет перед собой и перед миром ответственность за один из немногих национальных языков, без которого невозможно представить мировую культуру и современную цивилизацию. Вот почему в журнале преобладают статьи на русском языке. Сохранить ценностную картину мира русской лингвокультуры – это дело поистине государственной важности, поскольку, как было сказано Л.А. Вербицкой на Совместном заседании Совета по межнациональным отношениям и Совета по русскому языку (май 2015 г.), «проблема русского языка – это проблема безопасности нашей великой Родины». В связи с этим важнейшими задачами журнала являются не только пропаганда науки, но и продвижение русского языка как языка межкультурной коммуникации. Журнал отражает результаты научных изысканий, осуществляемых российскими и зарубежными учеными ведущих научных школ и направлений.

В журнале планируется раздел «Межкультурная коммуникация» для иностранных

партнеров в целях эффективного развития международной деятельности Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина и развития международных связей сотрудничества.

В каждом номере представлены разнообразные рубрики, большинство из которых фокусируются вокруг современных проблем гуманитарного знания. Основные рубрики журнала по направлениям:

10.00.00 – филологические науки

Русский язык;

Языкознание;

Лингвистика;

Ономастика;

Литературоведение;

Текстология;

Русская литература;

24.00.00 – культурология

Языки и литература народов Российской Федерации;

Межкультурная коммуникация;

Культурология;

Культурное наследие.

Издание рассчитано на научных работников, преподавателей высшей школы, докторантов, аспирантов, магистрантов, студентов и всех, кто интересуется достижениями современной российской науки, включая и международное научное сообщество.

К публикации принимаются оригинальные научные статьи, имеющие научную и практическую ценность для академической общественности, научные обзоры, рецензии, персоналии, информационные материалы о научных мероприятиях.

Предпочтение отдается научно-исследовательским работам, содержащим новые результаты теоретических и прикладных исследований в рамках представленных рубрик журнала. Редакцией приветствуются обзоры, в которых проводится анализ современных зарубежных публикаций, позволяющий оценить состояние рассматриваемой проблемы.

Информация об опубликованных статьях в журнале регулярно предоставляется в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Журнал распространяется по подписке, включен в каталог АО Агентства «Роспечать». Подписной индекс 80303.

*А.С. Щербак,
доктор филологических наук, профессор,
главный редактор
журнала «Неофилология»*

Издатель: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
Почтовый адрес редакции: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33
Фактический адрес редакции: 392008, г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г
Телефон главного редактора +7(910)7577036
Телефон редакции +7(4752)723434 доб. 0440
E-mail главного редактора: ant_scherbak@mail.ru
E-mail редакции: vestnik@tsu.tmb.ru
Сайт журнала: <http://www.journals.tsutmb.ru>

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81:1; 81:13

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ХАРАКТЕР ОППОЗИЦИОННОГО МЕТОДА

© Анатолий Леонидович ШАРАНДИН

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: sharandin@list.ru

Аннотация. Рассмотрен актуальный вопрос о статусе оппозиционного метода, который сформировался в рамках фонологии как научной дисциплины. Обоснован подход, согласно которому данный метод имеет междисциплинарный характер, методологическую значимость и характеризуется фундаментальностью. Это обусловлено тем, что по своему назначению оппозиционный метод сориентирован на реализацию диалектического закона единства и борьбы противоположностей. Использование оппозиционного метода как одного из основных в рамках междисциплинарных исследований позволяет включать его в комплексную методологию разных наук и теорий, поскольку он оказывается не только инструментарием познания объекта, но и принципом исследования разных дисциплин. С этих позиций проанализированы возможности оппозиционного метода на материале классификации разных типов знаний и в сфере поэтического языка. В результате определены отношения между членами различных оппозиций, которые свидетельствуют о взаимодействии оппозитивов и характеризуют данные отношения как динамические. В частности, система знания, построенная на основе оппозиций, представлена как иерархия типов знаний, которые отражают разные типы сознания и имеют различную информационную значимость. Концептуальным выводом явилось положение о том, что оппозиционный метод не является только фонологическим методом, а приобрел статус междисциплинарного и общенаучного метода, который связан с отражением диалектических законов познания.

Ключевые слова: методология; оппозиционный метод; междисциплинарность; типы знаний; поэтический язык

Междисциплинарность как особый аспект исследования и описания языковых объектов во многом обусловлена произошедшей сменой научных парадигм в лингвистике – системоцентрической на антропоцентрическую и развитием лингвистики в конце XX – начале XXI века. Поэтому, наряду с изучением и описанием поуровневого устройства языка, лежащего в основе системно-структурного подхода к языку и определившего описание ядерных языковых средств, на первый план выдвигается изучение языковых способностей носителя языка, его знаний, зафиксированных в языке и обуславливающих социально-культурные и коммуникативно-дискурсивные компетенции человека. А это уже требовало обращения к междисциплинарным связям, к областям

знаний, которые лежат на стыке лингвистики с другими науками, в рамках которых человеческий опыт позволил выделить и осмыслить взаимосвязь и взаимодействие разных типов знаний. Но при этом междисциплинарные связи осмысливались и в рамках одной науки между разными ее дисциплинами, сориентированными на уровни языковой системы, что получило обоснование в теории и практике межуровневого взаимодействия языковых единиц. Это естественно, учитывая, что новая парадигма не отменяет предыдущую, а активно использует ее результаты и достижения, обращает внимание на те аспекты языка, которые в системоцентрической (системно-структурной) парадигме не были объектом глубокого и целенаправленного языкового исследования. В результате ранее

полученные знания экстраполируются в другую область с целью осмысления системности и комплексности объекта исследования в целом. Поэтому каждая из существующих парадигм содержит то единственное и неповторимое, что определяет ее выделение и реализацию в исследованиях. Однако ни одна из них не может охватить все аспекты изучения и описания языка. В результате сейчас принято говорить о полипарадигмальном подходе к языковым явлениям, который позволяет сочетать знания разных подходов и дисциплин.

Таким образом, в принципе, междисциплинарность выражает интегративный характер современного этапа научного познания. Это проявляется, в частности, в стремлении многих ученых увидеть универсальный характер в каких-то идеях и методах, которые обнаруживают признаки фундаментальности. Одним из ее проявлений является достаточно распространенный в современной науке перенос способов исследования, возникших в рамках одной дисциплины, в другие. Как отмечает С.С. Гусев, междисциплинарный характер современного познания во многом обусловлен тем, что наука из «дисциплинарной» сферы деятельности превращается в «проблемно ориентированную» [1]. Например, проблема языковой личности оказалась объектом (предметом) исследования не только лингвистов, но и психологов, педагогов, философов, социологов и др. Однако при этом мы не получаем универсальную науку, а имеем интеграцию знаний, например, в лингвистике или психологии. В сущности, мы имеем дело с отношениями разных знаний, которые представляют собой разные аспекты. Они осмысливаются во взаимосвязи и взаимодействии в целях создания целостной исследовательской «картины» по отношению к тому объекту, который оказывается по своей природе многопризнаковым и многоаспектным в его восприятии и понимании на том или ином этапе развития науки, в данном случае лингвистической.

Сегодняшняя эпоха изучения языка – это эпоха междисциплинарного подхода к описанию языка, эпоха рассмотрения взаимосвязей и взаимодействия результатов, полученных в них при общем согласованном подходе. Он предполагает, что в центре внимания

должен быть субъект, языковая личность в диалектическом единстве ее структурных уровней. Поэтому междисциплинарность определяется антропоцентризмом как основным принципом описания языка на современном этапе его познания.

В настоящее время термин «междисциплинарность» и его понятийное содержание имеет неоднозначное представление в науковедении. Во многих случаях под междисциплинарностью имеют в виду то, что раньше называлось «комплексным подходом» или «системным подходом» и основывалось на диалектическом принципе всесторонности описания объекта. Но междисциплинарность может обуславливать и создание новых наук, которые в результате интеграции получают качественно иное состояние, которое может определить самостоятельный статус интегративной, междисциплинарной науки по отношению к представленным в ней научным дисциплинам (наукам). Важнейшим моментом, определяющим статус дисциплины – самостоятельный или несамостоятельный, – оказывается наличие метода исследования, который лежит в основе ее теории. Если мы имеем дело с общим методом, то это, скорее всего, показатель междисциплинарности, обусловленной разными дисциплинами в рамках общей науки. В этом случае мы имеем применение метода (методов) одной научной дисциплины для решения задач другой научной дисциплины с соответствующей целью исследования объекта. Если же интегративные знания создали и новый метод, который реализует свои возможности познания объекта, то по существу данный метод определяет существование новой теории, не сводимой к простой сумме знаний как составляющих междисциплинарной дисциплины. В этом плане можно рассматривать когнитивную лингвистику, имеющей свой предмет, свою терминологию и методы исследования [2], отличные от предмета, терминологии и методов в тех дисциплинах, которые образуют ее «зонтиковую» природу. Можно говорить, что в случае с когнитивной лингвистикой количество интегративных знаний перешло в новое качество сформировавшегося интегративного знания, получаемого в результате когнитивного описания языка.

На методологическом уровне междисциплинарность значима и востребована как инструментарий, позволяющий получить новые знания не только в новой, сформировавшейся на стыке дисциплин, интегративной области, но и в рамках той дисциплины, которая оказалась одной из составляющих нового интегративного дисциплинарного единства (науки). В последнем случае «старые» дисциплины обогащаются новыми принципами описания их объектов и получают развитие в плане перспективного видения традиционных для них вопросов и проблем.

Рассматриваемый нами в рамках настоящей статьи оппозиционный (оппозитивный) метод относится к общенаучным (общим, по крайней мере, для гуманитарных дисциплин) методам, которые позволяют их применять в разных дисциплинах и тем самым видеть в них междисциплинарный характер.

Как известно, термин «метод» и его понятийное содержание определяет понятие методологии, которая является важнейшей частью любого научного исследования, а также научных школ и направлений. Именно методология обуславливает основной вектор их формирования и развития. В учении о методологии отмечается, что первоначально она была неявно представлена в практических формах взаимоотношений людей с реальной действительностью. В дальнейшем методология вычленяется в специальный предмет рационального (теоретического) познания и фиксируется как система принципов и способов познания, которые соотносятся со свойствами и законами действительности.

В настоящее время методология представляет собой систему философских знаний, репрезентация которых конкретизируется применительно к различным сферам теоретической и практической деятельности человека, представленным той или иной наукой. В результате, наряду с методологией как системой философских знаний о действительности, в этих сферах деятельности (дисциплинах, науках) были сформулированы частные методологии, в соответствии с целями, задачами и условиями этих сфер. Частные методологии отражают опыт и знания, передаваемые тем или иным специализиро-

ванным методом. Так, осознание языка не только в качестве средства познания действительности, но и в качестве специфического объекта действительности привело к методам описания языковой системы как системы знаний о языке.

Исходным *методологическим принципом* современного отечественного языкознания является положение о том, что язык представляет собой один из видов когнитивной деятельности человека и связан с его сознанием. Реальный (естественный) язык представлен конкретной речевой деятельностью, реализуемой в коммуникативном процессе. Наряду с реальным языком можно выделить язык как абстрактную (идеальную) систему, которая создается с целью его познания и строится на основе результатов речевой деятельности. Определяющее значение для методологии языкознания имеют *принципы и законы материалистической диалектики*.

По отношению к лингвистике как сфере научных знаний о языке **методология** – это системно упорядоченный набор концептуальных принципов, отражающих философскую, логическую, собственно лингвистическую и практическую составляющие в исследовании языкового объекта, а также набор принятых положений (постулатов) для их реализации в когнитивно-коммуникативной деятельности человека [3].

Любой крупный этап в развитии языкознания, характеризующийся изменением взглядов на язык, изменением лингвистической теории, сопровождается коренным изменением методов, стремлением создать новый метод. При этом, в отличие от исчезновения старых взглядов на язык и замены их новыми, методы, унаследованные от предыдущего этапа, не исчезают полностью, а сохраняют свое значение на новом этапе в качестве частных, специальных, но при этом основных методов. Таким образом, современное языкознание обладает несколькими основными общими научными методами, восходящими к различным эпохам и дисциплинам (наукам). *Единым философским методом* современного русского языкознания является *диалектико-материалистический метод*. Что же касается основных методов лингвистики, то создать универсальный метод в изучении лингвистики не удалось. По-

этому лингвистическая методология представляет собой совокупность научно-исследовательских методов и приемов, с помощью которых изучают разные стороны языковой системы, ее развитие и функционирование. Это находит отражение в существовании различных лингвистических наук (структурно-семантическая лингвистика, функциональная лингвистика, когнитивная лингвистика, сопоставительная и сравнительная лингвистика и т. д.).

Оппозиционный метод впервые был применен к описанию фонем и определил возникновение и развитие фонологии как самостоятельной науки или особого аспекта в описании звукового строя языка (фонетики). Именно в рамках фонологии получили свое первичное содержательное наполнение такие понятия, как «оппозиция», «нейтрализация», «дифференциальный» и «интегральный» признаки как показатели взаимосвязи оппозиций. Но впоследствии фонология с ее первоначальным оппозиционным методом и понятийным аппаратом оказалась не только самостоятельной дисциплиной, но и «методом исследования языкового материала вообще» [4, с. 9], поскольку сам по себе оппозиционный метод не заключал в себе ничего специально фонологического (см.: [5, с. 142-162]). Более того, фонология с ее методом стала определять «современное лингвистическое мировоззрение» [6, с. 172]. Это было ожидаемо и закономерно, учитывая, что понятие противопоставления (противоположения), лежащее в основе оппозиции, отражает общий диалектический закон познания. Его сущность не часто цитируемый ныне В.И. Ленин определил как «раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношения между ними» [7, с. 317]. Поэтому методологическая значимость оппозиционного метода обусловлена диалектическим законом единства и борьбы противоположностей. Он раскрывает природу и закономерности диалектического познания человеком окружающего мира, его динамического развития, позволяющего увидеть не только результаты познания, но и его процессуальную сторону. В сущности, и само познание предполагает взаимодействие единства и борьбы противоположностей (ср.: объективное и субъективное познание, анализ и син-

тез и т. д.). Как отмечают исследователи, слово *борьба* в формулировке закона единства и борьбы противоположностей нельзя понимать буквально – как столкновение. Поэтому в «Большом энциклопедическом словаре» (2000) по отношению к слову *борьба* дается уточнение – *взаимодействие*: «основу всякого развития составляет *противоречие – борьба (взаимодействие)* противоположных сторон и тенденций, находящихся вместе с тем во внутреннем единстве и взаимопроникновении» [8]. Понять диалектическое противоречие – значит понять, как оно развивается и разрешается.

Оппозиционный метод лежит в основе структурирования системы языка и его единиц, поскольку структура – это один из атрибутов системы, это своего рода форма представления и существования системы, это то, что обуславливает внутреннее единство и целостность системы. В этом смысле представляется интересным мнение Г.П. Мельникова: «Под системой следует понимать любое сложное единство, состоящее из взаимосвязанных или взаимообусловленных частей-элементов, воплощенных в реальную субстанцию и имеющих конкретную схему взаимосвязей (отношений), то есть структуру» [9, с. 98]. Оппозиционный метод в этом случае позволяет осознать систему в связи с развитием науки, обобщением в ней новых достижений познания и практической деятельности. Это, в конечном счете, и привело к тому, что в настоящее время большинством лингвистов признается фундаментальный характер основных фонологических понятий. При этом фундаментальность определяется как «то, что работает и в других областях знания, на чем может строиться здание науки в целом, что обладает концептуальной универсальностью» [6, с. 172]. По этому поводу В.К. Журавлев писал: «Фонология как демиург, создает лингвистику XX века по образцу и подобию своему» [6, с. 172].

Оппозиционный метод, таким образом, оказался не только собственным методом, но и принципом исследования, имеющим методологический статус. Принцип противопоставленности, лежащий в основе данного метода, позволяет осмысливать и описывать определенную упорядоченность языковых единиц с учетом их взаимоотношений между собой.

Вследствие этого характер данных отношений может быть различным, но сам факт наличия противопоставленности не вызывает сомнений, ибо она обусловлена отражением сущностного характера связей и отношений как явлений внешнего мира, так и самого процесса познания [10, с. 77]. Понятия «связь», «отношение» всегда предполагают, как минимум, «парность» рассматриваемых объектов. Нет категорий, которые, по выражению М.И. Конкина, формировались бы «в одиночестве», без одновременного становления сопряженной категории, отражающей те стороны или связи и отношения реальной действительности, которые и взаимно обуславливают друг друга и в то же время выступают противоположностями по отношению друг к другу [10, с. 75].

Оппозиционный метод наиболее ярко и наглядно демонстрирует таксономическую (классификационную) деятельность человека, связанную с его определенной когнитивной способностью – способностью категоризировать мир. По мнению Е.С. Кубряковой, это «главный способ придать воспринимаемому миру упорядоченный характер, систематизировать как-то наблюдаемое и увидеть в нем сходство одних явлений в противовес различий других» [11, с. 85]. В настоящее время роль классификаций оценивается неоднозначно, поскольку часто языковые факты не укладываются в их «прокрустово ложе». Несомненно, классификация не может рассматриваться как конечный результат работы исследователя. Но, тем не менее, она является необходимой основой для объяснения языковых фактов, «методом научного исследования, направленного на организацию и представление в обозримой форме больших массивов эмпирического материала, подлежащего дальнейшему исследованию» [12, с. 214], методом познания, позволяющим выявить существенные свойства объектов и тем самым закономерности их функционирования.

Рассмотрим возможности применения междисциплинарного оппозиционного метода в наших работах на различном материале, который свидетельствует также о методологическом статусе и фундаментальном характере данного метода. Конечно, экстраполяция фонологических понятий в другие облас-

ти науки не означает, что исследователями должна игнорироваться специфика их предметов. Причем специфичность следует обнаруживать не только в различиях между объектами исследования, но и в характере тех отношений, которые возникают внутри объекта, то есть в системе сближений и различий, лежащих в основе различного рода оппозиций. Именно оппозиция позволяет увидеть системный и функциональный характер объекта, определить значимость и место того или иного члена оппозиции, да и самой оппозиции в целом, в системе языка. По мнению В.Г. Руделева, самым ценным в оппозиционной теории Н.С. Трубецкого «были не сами оппозиции, а способы их обоснования. Таковыми оказывались нейтрализации, которые характеризовали не только оппозиции, но и корреляции и даже релевантные признаки» [13, с. 447]. Поэтому оппозиционный метод не является только собственно фонологическим методом [14, с. 56-61], а приобрел статус междисциплинарного и фундаментального понятия, которое отражает общий диалектический закон познания.

Оппозиционный метод и система знаний. В «Философском энциклопедическом словаре» (далее ФЭС) знание определяется как «результат процесса познания действительности, адекватное ее отражение в сознании человека в виде представлений, понятий, суждений, теорий» [15, с. 192]. При этом отмечается, что отношение к действительности носит многоуровневый и сложно опосредованный характер. В качестве основных типов знаний выделяются «донаучные, житейские, художественные (как специфический способ эстетического освоения действительности) и научные (эмпирические и теоретические) знания». При этом в качестве основного противопоставления рассматриваются житейские и научные знания. Житейские знания основываются на здравом смысле и обыденном сознании и являются важной ориентировочной основой повседневного поведения человека. Научные же знания характеризуются осмыслением фактов в системе понятий данной науки и включаются в состав теории, образующей высший уровень научных знаний [15, с. 192]. Как итог познавательной деятельности человека и как результат осмысленного им предметного опыта опреде-

ляется знание в «Кратком словаре когнитивных терминов» [16, с. 28].

Знания, будучи результатом познавательного процесса различных сторон действительности, могут быть представлены, на наш взгляд, не просто как некая их совокупность, а как определенная система, элементом которой оказывается тот или иной тип знания. Осмысление совокупности знаний как системы возможно на основе оппозиционного метода.

Прежде всего, выделяя категорию «знание», мы тем самым противопоставляем ее «незнанию». Данное противопоставление представлено в «Логическом словаре-справочнике» Н.И. Кондакова: «Знание противоположно незнанию, то есть неосведомленности в чем-нибудь, отсутствию представлений и понятий о чем-либо» [17, с. 185].

В этом следует видеть взаимосвязь понятий «знание» и «информация», не отождествляя их и тем самым не делая их абсолютными синонимами. По мнению А.Д. Урсула, с одной стороны, «информация оказывается не только стороной или частью знания, именно того знания, которое может быть передано другим людям, но в известном смысле и более широким понятием, ибо включает в себя не только знание, но и иные сведения» [18, с. 104]. Поэтому отношения между ними можно выразить следующим образом: знание всегда представляет собой ту или иную информацию, но информация не всегда может восприниматься как знание. *Знание* – это та информация, которая коммуникативно значима. Вот почему знания присущи и животным. Как отмечается в ФЭС, «элементарные знания, обусловленные биологическими закономерностями, свойственны и животным, у которых они служат необходимым условием их жизнедеятельности, реализации поведенческих актов» [15, с. 192].

Таким образом, *знание* отличается от *незнания* наличием коммуникативно значимой информации, передаваемой в процессе общения и служащей условием дальнейшего приращения знания. Отсутствие такой передаваемой информации влечет за собой то, что Н.И. Кондаков определил как «неосведомленность в чем-нибудь». Оппозиция «знание – незнание» имеет привативный характер. В качестве маркированного оппози

выступает «знание», а немаркированного – «незнание». Показателем этого является нейтрализация, осуществляемая в сторону оппозиита «незнание». Различительный признак «наличие коммуникативно значимой информации» теряет свою релевантность, если не происходит приращения нового знания.

Следующая оппозиция определяется соотношением понятий «научное знание – ненаучное знание». В его основе лежит различие в способах познания действительности. По мнению И.С. Алексеева, автора статьи «Наука» в ФЭС, *научные знания* представляют сферу человеческой деятельности, «функцией которой является выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности» [15, с. 403]. *Ненаучное знание*, будучи неоднородным по своей представленности, характеризуется, соответственно, другими способами познания действительности, которые оказываются противопоставленными по ряду признаков. В частности, один из этих способов познания связан с чувственным, «созерцательным» [Бодуэн де Куртенэ] отображением действительности, которое противопоставлено логико-понятийному способу.

В оппозиции «научное знание – ненаучное знание» маркированным оппозиитом следует считать научное знание. Правда, такой характер оппозиции проявляется не в отношении всех типов ненаучного знания, а прежде всего в отношении к обыденному (жизтейскому, практическому) знанию. Примером нейтрализации данной оппозиции являются случаи, когда научная информация теряет свою теоретическую значимость и воспринимается носителями языка как ориентировочная основа повседневного поведения человека, как информация здравого смысла. Обращение к нему не требует того напряжения, которое присуще усвоению и передаче научного знания в коммуникативном процессе, когда осмысление информации связано с усвоением системы понятий той или иной науки. В результате происходит стирание граней между научными и обыденными знаниями. Так, знания о свете, машине, птице и т. д. стали знаниями обыденного сознания, и данные слова уже относятся к именам базового уровня категоризации действительности, своего рода «семантическим примити-

вам», которые используются уже для осмысления понятийного аппарата научного исследования, для толкования значений слов, представляющих, прежде всего, суперординатный уровень категоризации [19, с. 13-15]. Причем, став репрезентантами обыденных знаний, они позволяют осмысливать и описывать новые научные знания более экономным способом, поскольку их включение в состав теории не требует научного объяснения и не затрудняет, а, скорее, облегчает восприятие научной информации. Другими словами, нейтрализация *научного – обыденного знаний* позволяет увеличить скорость передачи научной информации в единицу времени.

Следующая оппозиция построена на различительном признаке «креативность – некреативность», релевантность которого проявляется в системе ненаучных знаний, поскольку все типы научных знаний по своей природе креативны, представляя собой творчески-познавательную деятельность человека. Положительное значение этого признака определяется креативностью как более специфичной и более сложной формой познания действительности. Поэтому креативные знания оказываются маркированными по отношению к некреативным знаниям.

В качестве креативного знания в системе ненаучных знаний выделяются *«художественные» знания* [15, с. 404], отражающие эстетический (поэтический) способ освоения действительности, который представлен различными видами искусства, а в языковом плане – художественной литературой. Специфика этого способа отображения проявляется в его «явном» или «скрытом» образном характере. Если сравнивать два таких креативных способа осмысления действительности, как научный и художественный, то различие между ними проходит по линии своеобразия мышления: научные знания представляют собой «мышление в понятиях», а художественные знания – «мышление в образах». Соответственно, в первом случае реализуется интеллектуально-понятийная (теоретическая) сторона познавательной деятельности человека, а во втором случае – чувственно-образная.

При этом важно отметить, что противопоставление научных и художественных

знаний определяется в рамках не привативной, а эквиполентной оппозиции, члены которой равнозначны. Поэтому и не происходит нейтрализации между ними, они равноправны, демонстрируя собой принципиально разные и противоположные способы познания действительности. Однако это не означает, что они не взаимодействуют друг с другом, но их взаимодействие осуществляется опосредованно, через их взаимосвязь с обыденными знаниями, отражающими обыденное сознание. В этом смысле мы имеем не двоичное, а троичное противопоставление, в центре которого абсолютно немаркированным оппозитом является обыденное знание, а в качестве крайних оппозитов выступают маркированные – научное знание и художественное знание (о характере троичных оппозиций см.: [20]).

Наряду с обыденным знанием, в системе некреативных ненаучных знаний представлено *религиозное знание*, которое отражает религиозный взгляд на восприятие действительности и реализует магическую функцию языка, когда в качестве адресата речи выступает не человек, а высшие силы. Именно этим обусловлен некреативный характер религиозного знания, поскольку человек в своем познании действительности руководствуется не своим взглядом на мир, не результатами личного познания, а тем, что определено высшими силами. Вследствие этого ему приходится принимать на веру то, что предписано свыше, то есть ту систему представлений о мире с его духовными ценностями, которую сформировали высшие силы. Религиозные знания – это те знания, которые сообщены человеку через «слово божие» и в этом смысле они некреативны, ибо их содержание «понимается как вечное, абсолютное, не подлежащее какому бы то ни было историческому изменению» [15, с. 676].

Ненаучный же характер религиозных знаний определяется тем, что научный путь познания действительности «делает теорию средством решения фундаментальных задач познания действительности» [15, с. 677]. Следовательно, научная информация предполагает приращение нового знания, тогда как религиозные знания такого приращения нового в познании действительности не дают: «разуму отводится служебная герменев-

тическая (истолковательная) роль, он только принимает и разъясняет «слово божие» [15, с. 476]. Последнее, правда, позволяет дополнять религиозные знания, но это дополнение связано не с развитием теории, а с недостаточностью или неполнотой объяснения «слова божьего», представленного в религиозных (сакральных) текстах как вневременная истина. В принципе, в религии теоретические воззрения присутствуют, о чем свидетельствует наличие такого учения, как теология (учение о боге). Однако они не связаны с сущностью науки, а именно: «понятие «наука» включает в себя как деятельность по получению нового знания, так и результат этой деятельности – сумму полученных к данному моменту научных знаний, образующих в совокупности научную картину мира» [15, с. 403].

Ненаучный и некреативный характер религиозного знания сближает его с обыденным знанием. Но в отличие от него религиозные знания имеют более узкую и специальную ориентацию в познании действительности, чем обыденное знание, которому присущ общечеловеческий характер, то есть это познание присуще всем людям, тогда как религиозное мышление связано с образно-символическим восприятием действительности. Данный тип мышления присущ не всем носителям языка, а лишь верующим, для которых религиозные образы-символы являются репрезентантами религиозного сознания, определяющими соответствующее поведение ритуального типа.

Специальный характер знания, представленный в религиозном знании, обуславливает его маркированность в оппозиции с обыденным знанием. Показателем таких отношений является нейтрализация религиозных знаний с нерелигиозными (обыденными), о чем свидетельствует наличие, в частности, народных религиозных воззрений.

В рамках признака «специальный – общий характер знания» может быть представлено разграничение в системе научного знания специальных знаний, связанных с отражением познания объектов той или иной конкретной науки (например, лингвистики, биологии, физики и т. д.), и общих знаний, связанных с познанием природы, общества и мышления в целом. В этом случае вырабатывается обобщенная система взглядов на мир,

на отношение к нему со стороны человека. Данный тип знания представлен *философским знанием*, характер которого позволяет использовать его в качестве теоретической формы сознания, выполняющей методологическую функцию по отношению к специальным наукам (теориям, учениям) в аспекте познания их объектов. Поэтому философия, представленная соответствующим типом знания, определяется как наука о всеобщих законах развития природы, общества и мышления.

В оппозиции «специальное научное знание – общее (философское) научное знание» маркированным является специальное знание, о чем свидетельствуют факты, когда в системе философского знания оказываются порой те понятия, которые первоначально сформировались в специальных науках, но затем приобрели статус фундаментальных понятий и тем самым статус философских понятий. К ним можно отнести, например, представленное в настоящей статье понятие «оппозиция». Как отмечалось выше, оппозиционный метод, использующий это понятие, впервые системно был применен для описания фонем в фонологии (фонетике), но сам по себе он не заключает в себе ничего специально фонологического и имеет фундаментальный характер.

Итак, система знания представляет собой упорядоченное единство разных типов знания, отношения между которыми строятся на основе оппозиций, имеющих свой ранг, что позволяет определить иерархию типов знания и тем самым их информационную значимость, связанную с познанием действительности посредством языка.

Оппозиционный метод в системе художественных знаний. Продемонстрируем более детально возможности оппозиционного метода в рамках отношений между поэтическим языком и практическим (обыденным) языком, единицы которых репрезентируют разные типы знаний. Как известно, термин «поэтический язык» зародился в отечественной филологии в работах ОПОЯЗа (Общество по изучению поэтического языка) и школы «русского формализма» [21, с. 112]. В них понятие «поэтический язык» получает теоретическое обоснование как имманентная система, имеющая свое специфическое функ-

циональное назначение, которое чаще всего связывается с реализацией языком эстетической функции. Естественно, данное обоснование стало возможным лишь в противопоставлении (оппозиции) языку практическому (обыденному, бытовому), основное назначение которого определялось, прежде всего, чисто коммуникативной функцией, то есть потребностью в общении и в передаче информации.

Оппозиция «поэтический язык – практический язык» позволила выявить, во-первых, правомерность ее выделения в системе языка как оппозиции функционально противопоставленных форм, а не разных языков; во-вторых, обнаружить и описать дифференциальные признаки, различающие их в коммуникативном процессе. Маркированность поэтической подсистемы языка обусловлена релевантностью для нее, прежде всего, таких признаков, как «образность» и «долговременность». Маркированность поэтического языка подтверждается нейтрализацией с практическим языком. Примером могут служить те случаи, когда поэтический текст стандартизируется и употребляется на правах клише в обыденной речи как знак понятия, то есть он не воспринимается как акт творчества, а используется с целью сообщения, заменяя обыденное понятие. Например, в разговоре на вопрос о том, какое у тебя настроение, может последовать ответ: *И скучно, и грустно, и некому руку подать в минуту душевной невзгоды* (М. Лермонтов), то есть плохое. Смещение идет в сторону немаркированного оппозита – практического языка.

Следующее рассуждение касается *специфики собственно поэтического (художественного) текста*. Большинство исследователей основой поэтических произведений признают их образный строй. *Общая образность* – это то, что отличает художественный текст как произведение искусства от практических текстов, служащих средством человеческого общения, накопления и передачи информации. В рамках же общей образности следует выделять *собственно образность*, представленную конкретными видами изобразительности (сравнениями, метафорами, символами и т. п.), и *безобразность*, как то, что не представлено наличием

специальных средств изобразительности, но, тем не менее, качество общей образности при этом сохраняется. Более уместно по отношению к этому виду образности определение «скрытая», или «глубинная» образность. Образцом произведения, имеющего скрытую (глубинную) образность, несомненно, является стихотворение А.С. Пушкина «Я вас любил...», которое, по мнению В.А. Звегинцева, не только не теряет своей волшебной силы художественного воздействия, но и стоит в ряду лучших созданий поэта [22, с. 294].

В отличие от оппозиции «поэтический язык – практический язык», представляющей собой привативный тип, противопоставление «скрытая образность – явная образность» следует отнести к числу эквиполентных. Различия между ними определяются не функционированием, а степенью выраженности образности как релевантного признака поэтического (художественного) текста. С подключением в оппозитивные отношения практического текста, которому можно приписать «нейтральную» образность (ср. положительная степень в категории степени сравнения прилагательного), линия образности предстает в виде трехчленной оппозиции. Крайние члены ее оказываются маркированными, поскольку имеют дополнительный признак выраженности (явной или скрытой) образности.

Таким образом, тексты со скрытой и явной образностью противопоставлены друг другу по средствам образности в рамках одной функциональной системы, тогда как художественный текст противопоставлен практическому тексту по функции. И в этом плане он оказывается информационнее, представляя собой более высокую форму коммуникации, связанную с реализацией эстетического назначения языка.

Говоря об оппозитивных отношениях в сфере поэтического языка, коснемся взаимоотношений между основными «явными» средствами, позволяющими обычный текст «перевести» в ранг поэтических. Несомненно, к их числу относятся, с одной стороны, сравнение, а с другой – метафора и метонимия как различные типы (виды) переносного значения. Отношения между ними также могут быть описаны с помощью оппозиционного метода в рамках троичной оппозиции, в центре которой, в качестве ядерного, немар-

кированного члена находится сравнение, а метафора и метонимия оказываются крайними членами, то есть маркированными. Это значит, что отношения между метафорой и метонимией могут быть охарактеризованы как эквиполентные, а в противопоставлении к сравнению – как привативные. Что же касается установления ранговых отношений в этой троичной оппозиции, то менее устойчивым и тем самым в большей степени подверженным нейтрализации оказывается противопоставление «метафора – сравнение». Следовательно, общая структура данной троичной оппозиции будет следующей: *метафора*¹ → *сравнение*² ← *метонимия*, где индекс указывает степень их информационной значимости в этой структуре.

В результате оппозиционный метод позволяет выявить и систематизировать основные противопоставления в сфере поэтического языка. Но самое главное, позволяет увидеть взаимодействие между членами оппозиций и тем самым описать динамические процессы, которые происходят в рамках той или иной оппозиции.

Таким образом, *междисциплинарность* является *когнитивной способностью человека*, которая связана с формированием знаний на стыке разных дисциплин, что позволяет осмыслить и описать ту или иную проблему в аспекте интегративного единства. Проблемно-ориентированная сущность междисциплинарности в этом случае позволяет развивать не только те теории, которые реализовывались в рамках отдельных дисциплин, но и новые теории со своим предметом и методом исследования. Показательным в этом смысле является оппозиционный метод. Сформировавшись в рамках фонологии, он нашел исследовательское применение в других дисциплинах, что позволяет определять его как *междисциплинарный метод*, обладающий методологическим статусом и фундаментальностью. Данные характеристики обусловлены тем, что по своему назначению этот метод сориентирован на реализацию диалектического закона единства и борьбы противоположностей, который является ядерным в диалектическом познании мира и языка как части этого мира. Использование оппозиционного метода как одного из основных в рамках междисциплинарных исследо-

ваний позволяет включать его в комплексную методологию разных наук и теорий, поскольку он оказывается не только инструментарием познания объекта, но и *принципом* исследования разных дисциплин.

Список литературы

1. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.
2. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18-36.
3. Шарандин А.Л. Методология лексической грамматики // Взаимодействие лексики и грамматики в русском языке: проблемы, итоги и перспективы. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 13-28.
4. Руделев В.Г. Предисловие // Фонология. Тамбов: ТГПИ, 1982. С. 3-12.
5. Дриняева О.А., Каменская О.А., Руделева О.А. Фонологические методы, их универсальность и применимость за пределами фонологии // Исследования по русской фонологии. Тамбов: ТГПИ, 1987. С. 142-162.
6. Журавлев В.К. Фундаментальный характер фонологических идей // Фонология. Тамбов: ТГПИ, 1982. С. 171-177.
7. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: Изд-во политической литературы, 1969. Т. 29. Философские тетради. 783 с.
8. Большой энциклопедический словарь. М.: Изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2000. 1000 с.
9. Мельников Г.П. Системная лингвистика и ее отношение к структурной // Проблемы языкознания. М.: Наука, 1967. С. 98-102.
10. Конкин М.И. Проблемы формирования и развития философских категорий. М.: Высшая школа, 1980. 245 с.
11. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: ИЯ РАН, 1997. 331 с.
12. Розова С.С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск: Наука, 1986. 224 с.
13. Руделев В.Г. Открытие, не осмысленное веком // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: тезисы Междунар. конф.: в 2 т. М.: МГУ, 1995. Т. 2. С. 446-447.
14. Шарандин А.Л. Проблемы русской фонетики, графики, орфографии. Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2001. 348 с.
15. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.
16. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных

- терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996. 245 с.
17. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. 720 с.
18. Урсул А.Д. Проблема информации в современной науке. М.: Наука, 1975. 287 с.
19. Болдырев Н.Н. О типологии знаний и их репрезентации в языке // Типы знаний и их репрезентация в языке. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007. С. 12-28.
20. Горват Г.Ф., Шарандин А.Л. Семантико-derivационные оппозиции по признаку пола // Семасиология и грамматика. Тамбов: ТГПИ, 1978. С. 25-31.
21. Почепцов Г.Г. История русской семиотики. М.: Изд-во «Лабиринт», 1998. 336 с.
22. Звегинцев В.А. Мысли о лингвистике. М.: Изд-во МГУ, 1996. 336 с.
- Поступила в редакцию 24.04.2017 г.
Отрецензирована 18.05.2017 г.
Принята в печать 26.07.2017 г.

Информация об авторе

ШАРАНДИН Анатолий Леонидович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, e-mail: sharandin@list.ru

Для цитирования

Шарандин А.Л. Междисциплинарный характер оппозиционного метода // Неофилология. 2017. Т. 3. № 3 (11). С. 7-19.

UDC 81:1; 81:13

INTERDISCIPLINARY NATURE OF OPPOSITION METHOD

© Anatoliy Leonidovich SHARANDIN

Tamбов State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000
E-mail: sharandin@list.ru

Abstract. The relevant issue of the status of opposition method which was formed within the framework of phonology as scientific discipline is considered. The approach, according to which this method has interdisciplinary nature, methodological significance and is characterized by fundamental nature is considered. This is determined by the fact that opposition method is oriented on realization of dialectic law of the unity and conflict of opposites. The use of opposition method as one of basic within the framework of interdisciplinary approaches let include it in the complex methodology of different sciences and theories, because it is not only the tool of object perception, but also the principle of the study of different disciplines. From these positions the possibilities of opposition method basing on the material of classification of different types of knowledge and in the sphere of poetic language are analyzed. At the result, the relations between the members of different oppositions which are the evidence of cooperation of the opposites and characterize these relations as dynamic are considered. Particularly, the system of knowledge, build on the oppositions is presented as hierarchy of types of knowledge which reflect different types of knowledge and have different information significance. The conceptual conclusion is the statute of opposition method is not only phonological method but is gained the status if interdisciplinary and general scientific method, which is connected with the reflection of dialectic laws of perception.

Keywords: methodology; opposition method; interdisciplinary; types of knowledge; poetic language

References

1. *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopaedia of Epistemology and Philosophy of Science]. Moscow, "Kanon+", Regional Non-Governmental Organization "Reabilitatsiya" Publ., 2009, 1248 p. (In Russian).
2. Boldyrev N.N. Kontseptual'noe prostranstvo kognitivnoy lingvistiki [The conceptual space of cognitive linguistics]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2004, no. 1, pp. 18-36. (In Russian).
3. Sharandin A.L. Metodologiya leksicheskoy grammatiki [Methodology of lexical grammar]. *Vzaimodeystvie leksiki i grammatiki v russkom yazyke: problemy, itogi i perspektivy* [Correlation of Lexis and Grammar in Russian Language: Problems, Theories and Prospects]. Tambov, Publishing House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2009, pp. 13-28. (In Russian).
4. Rudelev V.G. Predislovie [Introductory note]. *Fonologiya* [Phonology]. Tambov, Tambov State Pedagogical Institute Publ., 1982, pp. 3-12. (In Russian).
5. Drinyaeva O.A., Kamenskaya O.A., Rudeleva O.A. Fonologicheskie metody, ikh universal'nost' i primenimost' za predelami fonologii [Phonological methods, its flexibility and use beyond phonology]. *Issledovaniya po russkoy fonologii* [Investigations on Phonology]. Tambov, Tambov State Pedagogical Institute Publ., 1987, pp. 142-162. (In Russian).
6. Zhuravlev V.K. Fundamental'nyy kharakter fonologicheskikh idey [Fundamental character of phonological ideas]. *Fonologiya* [Phonology]. Tambov, Tambov State Pedagogical Institute Publ., 1982, pp. 171-177. (In Russian).
7. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t. T. 29. Filosofskie tetradi* [Completed Set of Works: in 55 vols. Vol. 29. Philosophical Exercise Books]. Moscow, Politicheskaya literatura Publ., 1969, 783 p. (In Russian).
8. *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [The Great Encyclopaedic Dictionary]. Moscow, "Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya" Publ., 2000, 1000 p. (In Russian).
9. Melnikov G.P. Sistemnaya lingvistika i ee otnoshenie k strukturnoy [Sistem linguistic and its correlation to the structural one]. *Problemy yazykoznaniya* [Problems of the Linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 98-102. (In Russian).
10. Konkin M.I. *Problemy formirovaniya i razvitiya filosofskikh kategoriy* [Problems of Formation and Development of Philosophical Categories]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1980, 245 p. (In Russian).
11. Kubryakova E.S. *Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya* [Word Classes from the Cognitive Point of View]. Moscow, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences Publ., 1997, 331 p. (In Russian).
12. Rozova S.S. *Klassifikatsionnaya problema v sovremennoy nauke* [Classification Problem in the Modern Science]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1986, 224 p. (In Russian).
13. Rudelev V.G. Otkrytie, ne osmyslennoe vekom [Invention unmeasured by the century]. *Tezisy Mezhdunarodnoy konferentsii «Lingvistika na iskhode XX veka: itogi i perspektivy»* [Proceedings of the International Conference "Linguistics in the End of the 20th Century: Results and Prospects"]. Moscow, Moscow State University Publ., 1995, vol. 2, pp. 446-447.
14. Sharandin A.L. *Problemy russkoy fonetiki, grafiki, orfografii* [Problems of Russian Phonetics, Graphics, Orthography]. Tambov, R.V. Pershin's Publ., 2001, 348 p. (In Russian).
15. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopaedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1983, 840 p. (In Russian).
16. Kubryakova E.S., Demyankov V.Z., Pankrats Y.G., Luzina L.G. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Short Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow, Moscow State University Publ., 1996, 245 p. (In Russian).
17. Kondakov N.I. *Logicheskiy slovar'-spravochnik* [Logical Glossary]. Moscow, Nauka Publ., 1975, 720 p. (In Russian).
18. Ursul A.D. *Problema informatsii v sovremennoy nauke* [Problem of the Information in the Modern World]. Moscow, Nauka Publ., 1975, 287 p. (In Russian).
19. Boldyrev N.N. O tipologii znaniy i ikh reprezentatsii v yazyke [About the typology of knowledge and its representation in the language]. *Tipy znaniy i ikh reprezentatsiya v yazyke* [Types of knowledge and its representation in the language]. Tambov, Tambov State University named after G.R. Derzhavin Publ., 2007, pp. 12-28. (In Russian).
20. Gorvat G.F., Sharandin A.L. Semantiko-derivatsionnye oppozitsii po priznaku pola [Semantical-derivational oppositions based on gender]. *Semasiologiya i grammatika* [Semasiology and Grammar]. Tambov, Tambov State Pedagogical University Publ., 1978, pp. 25-31. (In Russian).
21. Pocheptsov G.G. *Istoriya russkoy semiotiki* [History of Russian Semiotics]. Moscow, "Labirint" Publ., 1998, 336 p. (In Russian).

22. Zvegintsev V.A. *Mysli o lingvistike* [Thoughts on Linguistics]. Moscow, Moscow State University Publ., 1996, 336 p. (In Russian).

Received 24 April 2017

Reviewed 18 May 2017

Accepted for press 26 July 2017

Information about the author

SHARANDIN Anatoliy Leonidovich, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, e-mail: sharandin@list.ru

For citation

Sharandin A.L. Mezhdistsiplinarnyy kharakter oppozitsionnogo metoda [Interdisciplinary nature of opposition method]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2017, vol. 3, no. 3 (11), pp. 7-19. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 81-119+81.373+159.942

ЭМОЦИИ, С КОТОРЫМИ НЕ ХОЧЕТСЯ РАССТАВАТЬСЯ, ИЛИ ПРОИЗВОЛЬНОСТЬ/НЕПРОИЗВОЛЬНОСТЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

© **Наталья Геннадиевна СОЛОДОВНИКОВА**

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
400066, Российская Федерация, г. Волгоград, пр-т им. В.И. Ленина, 27
E-mail: tommyboy22@mail.ru

Аннотация. Актуальность затрагиваемой проблемы обусловлена необходимостью исследования условий, ведущих к воспроизведению в памяти человека эмоциональных следов, поскольку эмоции мотивируют всю его деятельность, в том числе и коммуникативную. Эмоциональная память и память эмоционального могут регулировать коммуникативное поведение человека, влияя на принимаемые им решения. Поэтому эмоциям, воспроизводимым в памяти, должно уделяться не менее пристальное внимание, чем остальным, возникающим в определенных коммуникативных ситуациях. Целью является изучение произвольности-непроизвольности механизма запуска эмоциональной памяти. На примере художественных коммуникативных эмоциональных ситуаций рассмотрены те эмоции, которые человеку хочется подольше удержать в своей памяти, а также эмоции, от которых ему хочется поскорее отказаться. Эмотиологию в равной мере интересуют как первые, так и вторые. Разработанный данной наукой метод эмотивного анализа является ключом к их изучению. Через анализ положительно- и отрицательнооценочных эмотивов, транслирующих эмоциональные воспоминания, верифицируется тезис эмотиологии о взаимосвязи эмоции (памяти о ней) и ситуации. Также аргументируется, как воспоминания об уже пережитых эмоциях и эмоции, сопровождающие воспоминания, влияют на восприятие собственной жизни и оценку обстоятельств.

Ключевые слова: эмоциональная память; триггеры; произвольность; непроизвольность

Абсолютно все, что мы знаем, умеем, есть следствие способности мозга запоминать и хранить в памяти образы, мысли, пережитые чувства, движения и их системы.

А.Р. Лурия

Известно, что каждое переживание, впечатление или движение оставляют след, который сохраняется на достаточно продолжительное время и при соответствующих условиях проявляется вновь и становится предметом осознания. Под памятью, вслед за А.Р. Лурией, в данной статье понимается запечатление (запись), сохранение и воспроизведение следов прежнего опыта, дающего человеку возможность накопить информацию и иметь дело со следами прежнего опыта, после того как вызвавшие их явления исчезли [1].

Уже не отрицается тот факт, что явления памяти могут в равной мере относиться к эмоциональной сфере и сфере восприятий, к закреплению двигательных процессов и интеллектуального опыта. Все закрепление

знаний и навыков и возможность пользоваться ими относится к разделу памяти.

Перед наукой стоит ряд сложных проблем, связанных с изучением процессов памяти. Одной из таких частных проблем являются условия, ведущие к всплыванию (воспроизведению) следов памяти, и основные формы, включающие как непроизвольное, так и произвольное, преднамеренное воспроизведение следов и др. Для данной статьи интерес представляет произвольность/непроизвольность эмоциональной памяти [2]. Анализу подвергается механизм воспроизведения в памяти человека следов его эмоциональных переживаний. Через призму психологического понимания эмоциональной памяти верифицируется тезис эмотиологии, что как эмоции могут выступать «триггерами» ситуаций, так и ситуации могут провоцировать возникновение эмоций. Последнее справедливо в отношении эмоциональной памяти. Отдельной оценке подвергается ее произвольность/непроизвольность. В статье аргументируется, что некая ситуация, в которой ее участники испыты-

вают и транслируют языковыми средствами те или иные эмоции, может «запустить» механизм возвращения к эмоциям прошлого. В отношении этих воспоминаний коммуниканты также могут испытывать определенные эмоции.

Поскольку психологи и эмотиологи уже давно рассматривают эмоции в качестве мотивационной основы всей деятельности человека [3; 4], но влияние эмоциональной памяти на его коммуникативную деятельность остается еще не до конца осмысленным, сохраняется актуальность дальнейшей разработки данного вопроса.

Имеющиеся данные об эмоциональной памяти свидетельствуют о ее важности в жизни человека и процессе его коммуникации. Из всех видов памяти именно эмоциональная память наиболее тесно связана с личностью. Эмоциональная память позволяет человеку регулировать свое поведение в зависимости от ранее пережитых чувств. Пережитые и сохраненные в памяти чувства выступают как побудительные силы к совершению того или иного действия, поступка, или к отказу от действия, если с ней связаны негативные переживания в прошлом.

Если образная и словесная память исходно настроены на прием и переработку информации, поступающей, в основном, из внешнего мира, то эмоциональная память фиксирует, консолидирует и удерживает следы эмоционально значимых событий, которые в дальнейшем могут стать элементами структуры личности (мотивами, ценностями, мировоззренческими установками, предпочтениями, вкусами и др.). То есть это подсистема (вид) памяти, в которой происходят фиксация, сохранение, трансформация и последующее воспроизведение определенных чувственных состояний человека, в которых закодировано его отношение к объектам, событиям, ситуациям, людям.

Эмоциональная память состоит в запоминании и воспроизведении человеком эмоций и чувств. Запоминаются не только сами эмоции, но и предметы и явления, которые их вызывают.

Взаимосвязь ситуации и эмоции подвергается отдельному рассмотрению в парадигме эмотиологии. Эмотиологией установлено, что определенная эмоция всегда вызывается какой-нибудь специфичной или абстрактной

ситуацией, которая называется типовой или категориальной. В.И. Шаховский утверждает, что существует логика отношений между типовой ситуацией и эмоцией, и это соотношение делает такую ситуацию категориальной. Ученый приводит пример, что несправедливость вызывает гнев, предательство может вызвать ярость и т. д. Каждый это знает и может ожидать вслед за своим поступком соответствующую эмоцию. Все коммуникативные эмоциональные ситуации градуированы, и это знание позволяет предвосхищать эмоциональную реакцию своего партнера [4].

Отдельного внимания заслуживает, по нашему мнению, объяснение значения эмоциональной памяти для человека. По утверждению ученых, она является важнейшим условием нравственного развития человека. Если бы человек забывал радость и удовлетворение от совершенного благородного поступка, так же как и уколы совести, вызванные низким поступком, то эмоциональная память должна побуждать к осуществлению новых добрых дел и воздержанию от поступков плохих, неблагоприятных. Ее функция – сохранение в сознании переживаний и чувств. Впечатлительность и отзывчивость – предпосылка для становления коммуникативных черт характера. Память эмоциональная – неперенное условие развития способности к сочувствию и состраданию [5].

Поскольку вся человеческая коммуникация пронизана эмоциями, интерес лингвистики эмоций к эмоциональной памяти и закономерен, и своевременен. Учитывая антропоцентрический поворот современной лингвистики, становится понятным, почему через эмоции сам язык является ключом к изучению человека: он номинирует, категоризирует, классифицирует, структурирует, комментирует, эксплицирует, имплицитно моделирует эмоции и формирует эмоциональную картину мира представителей той или иной лингвокультуры. Эмотиология считает, что, с одной стороны, человек и его эмоции являются для языка частью объективной действительности и, следовательно, ее объектами, отражаемыми с помощью языка. С другой стороны, эмоции активно участвуют в формировании языковой, то есть модельной картины мира [6–8]. Логичным считаем исследование эмоциональной памяти

через анализ объективирующей ее эмотивной лексики. Понятие «эмотивная лексика» подробно разработано В.И. Шаховским. Эмотивная лексика, как утверждает ученый, – лексика «с явной, всем известной и постоянной эмотивностью, адекватно понимаемой коммуникантами вне контекста и в контексте» [4].

Итак, повторим, что эмотиологией установлено, что между ситуацией и эмоциями, сопровождающими воспоминания, и эмоциями, которые человек вспоминает, существует тесная взаимосвязь. С одной стороны, определенная ситуация вызывает воспоминания, которые могут сопровождаться положительными или отрицательными эмоциями. С другой стороны, определенная эмоция в настоящем может выступать «триггером» воспоминаний о ситуации и связанных с ней прошлых эмоциях. Ситуация выступает также полем для объективации эмоций, поскольку именно в ней эмоции и воспоминания «опредмечиваются» через вербализацию в эмотивной лексике.

Восстановление эмоциональных следов в памяти языковой личности, связанных с ее эмоциональным опытом, представляется в виде образов, хранящихся в эмоциональной памяти, и открывает новые эмоциональные валентности языковых единиц, согласующиеся с новой эмоциональной ситуацией при перенесении в нее прошлого опыта. При этом автоматический поиск эмоционального резонанса, который отбирает и распределяет в эмоциональной памяти различные образы, не переходит определенных универсальных порогов распознавания, благодаря чему вербализация и понимание эмоционального резонирования адекватно для всех участников коммуникации данного языкового сообщества [4].

Эмоциональная память определяет воспроизведение определенного чувственного состояния при повторном воздействии той ситуации, в которой это эмоциональное состояние возникло впервые. Важно подчеркнуть, что это состояние воспроизводится в комплексе с элементами ситуации и субъективным отношением к ней. Особенности этой памяти – в скорости формирования следов, особой их прочности и непроизвольности воспроизведения.

По И.В. Арнольд, «эмоция возникает в результате воздействия определенной последовательности событий, описываемых в категориях восприятия и оценок» [9]. Поэтому неподдельный интерес исследователей вызывает собственно процесс возникновения эмоций. Для данной статьи этот вопрос также является важным, поскольку он связан с возникновением эмоциональных воспоминаний. Существует мнение, что эмоции возникают на основе физиологических возбуждений и когнитивной оценки ситуации, вызвавшей это возбуждение. При таких условиях любое событие или ситуация вызывают физиологическое возбуждение, у индивида возникает необходимость оценить содержание возбуждения, то есть ситуацию, которая его вызвала. Разновидность или качество эмоции, испытываемой индивидом, зависит не от ощущения, возникающего при физиологическом возбуждении, а от того, как индивид оценивает ситуацию. И именно лингвистическое выражение эмоции делает ее эксплицитной и потому доступной для понимания [4].

Текст может содержать только описание эмоций, в нем вербализуются, то есть объективируются, не все, а только некоторые эмоции эмоциональной сферы автора, адекватные замыслу.

Согласно подходу к эмотивности В.И. Шаховского, существуют три группы лексем, предназначенных для репрезентации эмоций:

- 1) лексика, называющая эмоции;
- 2) лексика, описывающая эмоции;
- 3) лексика, выражающая эмоции.

Именно последний тип объективирует эмоциональные воспоминания.

Проиллюстрировать сказанное представляется возможным на примерах из англоязычного художественного произведения “P.S. I Love You” (автор – Cecelia Ahern) [10], поскольку сюжетобразующими для него выступили эмоциональные воспоминания главной героини. По сюжету, потеряв любимого мужа, тридцатилетняя Холли Кеннеди впадает в отчаяние, перестает выходить из дому, общаться с людьми. И вдруг получает по почте пакет с письмами: распечатывать их можно лишь по одному в месяц, а написаны они тем самым человеком, расставание с которым приносит ей такие страдания. Оказы-

вается, незадолго до смерти он решил помочь ей жить дальше. Всякий раз она с нетерпением ждет первого числа, чтобы вскрыть очередной конверт и, строго следуя наставлениям, сделать еще один шаг, возвращающий ее к жизни: купить новое платье, принять участие в конкурсе караоке, съездить на море.

Эмоциональными «триггерами», с одной стороны, возвращающими ее в их счастливое прошлое, а с другой стороны, вызывающими у нее богатую палитру эмоциональных переживаний, от отчаяния до надежды, становятся письма, которые ее муж, Джерри Кеннеди, написал незадолго до своей смерти (он знал, что умирает от опухоли головного мозга).

Джерри осознает, что своими письмами заставит жену постоянно возвращаться к памяти об их счастливом прошлом. Джерри вынуждает Холли концентрироваться на любви, а не горе. Он переключает ее восприятие своей смерти с ощущения трагедии на любовь, заставляя ее продолжать жить без него. На наш взгляд, автору произведения, С. Ахерн, удалось описать сильнейший терапевтический прием. Именно любовь и постоянная память о ней сохранили жизнь Холли, находившейся в состоянии полнейшего отчаяния, апатии после смерти любимого мужа. Данное произведение, по нашему мнению, представляет собой великолепную иллюстрацию того, как эмоциональная память и память эмоционального заставили человека жить. Можно отметить, что в данном произведении созданный автором мужской персонаж осуществил управление эмоциями своей супруги, регулируя ее воспоминания. Он заставлял ее помнить его и ее любовь (память эмоционального) и постепенно испытывать по этому поводу радость, надежду, желание жить (ее эмоциональные воспоминания сопровождались именно радостными эмоциями). Безусловно, Холли испытывала всю палитру эмоций, свойственную любому, потерявшему близкого человека, но память эмоционального (любви) постоянно смещала вектор ее восприятия на хорошее (радость). То есть эмоциональная память влияла на актуальные действия героини в ее настоящей жизни после смерти мужа.

Джерри испытывает страх перед смертью, страх за Холли, горечь, отчаяние, злость, ревность, тоску. Но он решает помочь ей. Поскольку Холли было очень трудно пережить

смерть мужа, она долго не расставалась с памятью о нем. Ее воспоминания дарили ей приятные эмоции, помогающие вернуться к жизни. Поэтому она длительное время не хотела расставаться как с приятными эмоциями, сопровождавшими ее воспоминания, так и с воспоминаниями о приятных эмоциях, пережитых в прошлых ситуациях.

Доминантами ее воспоминаний о счастливом прошлом с мужем являются радость, любовь, нежность. Эти воскрешенные в памяти эмоции «оживлялись», то есть как бы продлевались, объективируясь во внутренней речи персонажей и авторских описаниях различных ситуаций.

Эмоциональная память и память эмоционального помогали Холли Кеннеди справляться с негативными эмоциями, которые она испытывала в отношении своей жизни после смерти мужа. Повторим, что именно эмоциональная память и память эмоционального помогли ей пережить трагедию. Но Холли постепенно осознала, что ей нужно было как-то «открепиться» от своих воспоминаний и начать жить настоящим. В этом отношении письма ее мужа выступили одновременно «триггерами» воспоминаний и «катализаторами» ситуаций ее будущей жизни, в которой она научилась жить с памятью о супруге, но самостоятельно.

Долгое время Холли живет ожиданием дня, когда можно будет открыть новое письмо Джерри, и тем самым она уходит от реальной жизни. Память прошлых счастливых эмоций заменяет ей эмоции настоящего. Память эмоционального вытесняет реальную жизнь. Она живет либо воспоминаниями, либо ожиданием нового письма-«триггера».

Some days she never even got out of bed, she just watched television and waited <...> waited for next month's envelope from Gerry, wondering what journey he would take her on next. She knew her friends would disapprove after she'd been so positive on holiday, but when he was alive she'd lived for him, and now that he was gone she lived for his messages. Everything was about him. She had truly believed that her purpose in life had been to meet Gerry and enjoy all their days together for the rest of their lives. What was her purpose now? Surely she had one, or perhaps there had been an error in the administration up above.

Ожидая открытия нового письма, Холли понимает, что ей легче жить прошлым, что ее настоящее наполнено *тревогой, завистью, разочарованием*.

Holly held the envelope tightly in her hands and glanced up at the clock on the wall over the kitchen table. It was twelve-fifteen. Usually Sharon and Denise would have called her by now, all excited to hear about what was inside the envelope. But so far neither of them had called. It seemed news of an engagement and a pregnancy beat the news of a message from Gerry these days. Holly scorned herself for being so *bitter*; she wanted to be *happy* for her friends, she wanted to be back in the restaurant right now celebrating their good news with them like the old Holly would have done. But she couldn't bring herself even to smile for them. She was *jealous* of them and their good fortune. She was *angry* with them for moving on without her. Even in the company of friends she felt *alone*; in a room of a thousand people she would feel *alone*. But mostly when she roamed the rooms of her quiet house she felt so *alone*. She couldn't remember the last time she'd felt truly *happy*, when somebody or something caused her to laugh so hard her stomach pained her and her jaw ached. She missed going to bed at night with absolutely nothing on her mind, she missed enjoying eating food instead of it becoming something she just had to endure in order to stay alive, she hated the butterflies she got in her tummy every time she remembered Gerry. She *missed enjoying* watching her favorite television programs instead of their just becoming something she would stare at blankly to pass the hours. She *hated* feeling like she had no reason to wake up; she *hated* the feeling when she did wake up. She *hated* the feeling of having no *excitement* or anything to look forward to. She *missed* the feeling of being *loved*, of knowing Gerry was watching her as she watched television or ate her dinner. She *missed* sensing his eyes on her as she entered a room; she *missed* his touches, his hugs, his words of advice, his words of *love*. She *hated* counting down the days till she could read another one of his messages because they were all she had left of him, and after this one there would be only three more. And she *hated* to think of what her life might be like when there would be no more Gerry. *Memories were fine, but you couldn't touch them, smell them or hold them. They were never exactly as the moment had been, and they faded with time.* So damn Sharon and Denise, they could go on with their *happy* lives, but for the next few months all Holly had was Gerry. She wiped a tear from her face, tears had become such a permanent feature on her face the past few months, and she slowly opened her seventh envelope. Shoot for the moon, and if you miss you'll still be among the stars.

Promise me you will find a job you *love* this time! PS, I *love* you <...> Holly read and reread the letter, trying to discover how it made her feel. She had been dreading going back to work for such a long time now, had believed that she wasn't ready to move on, that it was too soon. But now she knew she had no choice. It was time. And if Gerry said it was to be, it would be. Holly's face broke into a smile. "I promise, Gerry," she said *happily*. Well, it was no holiday to Lanzarote, but at least it was one step further to getting her life back on track.

Данный пример наглядно демонстрирует, что после пережитой трагедии человеку очень трудно распрощаться с приятными эмоциональными воспоминаниями, поскольку они превращаются в зависимость. В реальности Холли ненавидит свое чувство опустошенности, бессмысленности, апатии, тревоги, зависти, что у подруг жизнь продолжается, что они счастливы. В то же время она понимает, что ей необходимо вернуться к нормальной жизни, поэтому она старается отпустить свои воспоминания.

Эмоциональная память определяется как память на чувства, отношение к тем или иным людям, событиям, явлениям, которая является вариантом имплицитной памяти. Воспоминания из хранилища эмоциональной памяти возникают только при появлении представлений соответствующих объектов, ситуаций; тем самым исключается возможность актуализации в норме автоматизмов эмоциональной памяти.

Для иллюстрации произвольности/непроизвольности эмоциональной памяти приведем пример ситуации, в которой главная героиня поднесла к лицу старый синий свитер своего умершего мужа, и знакомый запах выступил «триггером» ее эмоциональных воспоминаний и воспоминаний эмоционального. В примере количество выделенных курсивом эмотивов свидетельствует о том, как один-единственный «триггер» (в данном случае это запах свитера) может перенести человека в прошлое и вызывать целую гамму эмоций, сопровождающих воспоминания. Это и сами эмоции, испытанные в прошлом, и эмоции в отношении прошлой ситуации.

Holly held the blue cotton sweater to her face and the *familiar* (потенциатив) smell immediately *struck* (коннотатив) her, an *overwhelming* (коннотатив) *grief knotting* (коннотатив) her stomach and

pulling at her heart. *Pins and needles* (коннотатив) ran up the back of her neck and a lump in her throat *threatened to choke* (коннотативы) her. **Panic** took over. Apart from the low hum of the fridge and the occasional *moaning* (коннотатив) of the pipes, the house was quiet. She was *alone* (потенциатив). Bile rose to her throat and she ran to the bathroom, where she *collapsed* (коннотатив) to her knees before the toilet.

Gerry was *gone* (потенциатив) and he would never be back. *That* (потенциатив) was the reality.

Необходимо отметить, что в данной части нет аффективов, но сама трагичность ситуации приближает и коннотативы, и потенциативы к аффективам. Поэтому можно сказать, что слово *familiar (smell)* приобретает сильнейший эмоциональный заряд в контексте того, как дорого героине любое воспоминание о любимом супруге. Только в своей памяти она может воскресить любовь к нему, только в ее памяти он жив. Это запах не просто донесся до нее, а *struck* (her). Ее grief была *overwhelming, knotting her stomach, pulling at her heart*. В шею будто вонзились *pins and needles*, ком в горле *threatened to choke her*. Трубы были *moaning*, сама Холли была *alone* и в туалете *collapsed to her knees*.

Проанализировать все эмоции героини не представляется возможным в силу их сложности и дифференцированности, а также из-за объема материала (400 страниц оригинального англоязычного текста). Поэтому наше внимание сосредоточено на эмоциональных доминантах, объективируемых лексическими эмотивами. За пределами рассмотрения остались эмотивы фонетического и грамматического ярусов языка, что может стать одной из перспектив дальнейшего исследования.

В заключение отметим, что человеку свойственно удерживать в памяти приятные эмоции прошлого, переноситься в них, чтобы абстрагироваться от неприятных эмоций настоящего. Со временем оценка эмоций прошлого может меняться. В целом ряде случаев они подвергаются сознательной переоценке, если человек желает освободиться от прошлого и жить настоящим.

Список литературы

1. Лурия А.Р. Лекции по общей психологии. СПб.: Питер, 2010. 320 с.
2. Эмоциональная память. URL: <http://psychologiya.com.ua/ee/3914-emocionalnaya-pamyat.html> (дата обращения: 17.03.2017).
3. Изард К. Психология эмоций: пер. с англ. СПб.: Питер, 1999. 464 с.
4. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 417 с.
5. Жмуров В.А. Большая энциклопедия по психиатрии. М.: Джангар, 2012. 864 с.
6. Шаховский В.И. Отражение эмоций в семантике слова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М., 1987. Т. 65. С. 233-237.
7. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 208 с.
8. Шаховский В.И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. 170 с.
9. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М.: Изд-во лит. на иностранных языках, 1959. 352 с.
10. Ahern C. P.S. I Love You. N. Y.: Little, Brown and Company Time Warner Book Group, 2004.

Поступила в редакцию 20.03.2017 г.

Отрецензирована 17.04.2017 г.

Принята в печать 05.07.2017 г.

Информация об авторе

СОЛОДОВНИКОВА Наталия Геннадиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Российская Федерация, e-mail: tommyboy22@mail.ru

Для цитирования

Солодовникова Н.Г. Эмоции, с которыми не хочется расставаться, или произвольность/непроизвольность эмоциональной памяти // Неофилология. 2017. Т. 3. № 3 (11). С. 20-27.

UDC 81-119+81.373+159.942

EMOTIONS YOU DO NOT WANT TO PART WITH, OR WILLFULNESS/RANDOMNESS OF EMOTIONAL MEMORY

© **Natalia Gennadievna SOLODOVNIKOVA**

Volgograd State Socio-Pedagogical University
27 V.I. Lenin Ave., Volgograd, Russian Federation, 400066
E-mail: tommyboy22@mail.ru

Abstract. Relevance of the problem is in the study of the conditions leading to the reproduction of memory traces of emotional, since emotions motivate all kinds of human activity, including communication. Emotional memory and memory of emotional can both regulate a person's communicative behavior, influencing decisions being made. That is why no less attention should be paid to emotional traces reproduced in memory, comparing them with actual emotions, experienced in certain communicative situations. The aim is the study of emotional memory triggers willfulness-randomness. On the example of belletristic communicative emotional situations emotions that a person wants to keep in the memory for a longer time and emotions that are to be forgotten are discussed. Linguistics of emotions pays equal attention to both types. Method of emotive analysis developed by this science serves to be a key to exploring them. Through analyzing positive and negative emotives, transferring emotional memories, is verified a thesis of emotive linguistics about the interconnection of emotions, memories and situations. It is also demonstrated how emotional memory can modify subjective life perception and evaluation.

Keywords: emotional memory; triggers; willfulness; randomness

References

1. Luriya A.R. *Leksii po obshchey psikhologii* [Lectures on General Psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2010, 320 p. (In Russian).
2. *Emotsional'naya pamyat'* [Emotional memory]. (In Russian). Available at: <http://psychologiya.com.ua/ee/3914-emocionalnaya-pamyat.html> (accessed 17.03.2017).
3. Izard K. *Psikhologiya emotsiy* [Psychology of Emotions]. St. Petersburg, Piter Publ., 1999, 464 p. (In Russian).
4. Shakhovskiy V.I. *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy* [Linguistic Theory of Emotions]. Moscow, Gnozis Publ., 2008, 417 p. (In Russian).
5. Zhmurov V.A. *Bol'shaya entsiklopediya po psikiatrii* [Great Encyclopedia of Psychiatry]. Moscow, Dzhangar Publ., 2012, 864 p. (In Russian).
6. Shakhovskiy V.I. Otrazhenie emotsiy v semantike slova [Emotions reflected in the semantics of words]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka* [Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Series of Literature and Language], 1987, vol. 65, pp. 233-237. (In Russian).
7. Shakhovskiy V.I. *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [Categorization of Emotions in the Lexico-Semantic System of Language]. Moscow, LKI Publ., 2008, 208 p. (In Russian).
8. Shakhovskiy V.I. *Yazyk i emotsii v aspekte lingvokul'turologii* [Language and Emotions in the Cultural-Linguistic Aspect]. Volgograd, Publ. of Volgograd State Socio-Pedagogical University "Peremena", 2009, 170 p. (In Russian).
9. Arnold I.V. *Leksikologiya sovremennogo angliyskogo yazyka* [Lexicology of Modern English]. Moscow, Literature in the Foreign Languages Publ., 1959, 352 p. (In Russian).
10. Ahern C. *P.S. I Love You*. New York, Little, Brown and Company Time Warner Book Group, 2004.

Received 20 March 2017

Reviewed 17 April 2017

Accepted for press 5 July 2017

Information about the author

SOLODOVNIKOVA Natalia Gennadievna, Candidate of Philology, Associate Professor of Linguistics Department, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation, e-mail: tommyboy22@mail.ru

For citation

Solodovnikova N.G. Emotsii, s kotorymi ne khochetsya rastavat'sya, ili proizvol'nost'/neproizvol'nost' emotsional'noy pamyati [Emotions you do not want to part with, or willfulness/randomness of emotional memory]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2017, vol. 3, no. 3 (11), pp. 20-27. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 81'37

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА КАК ЭКСПЛИКАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ АДЫГСКОГО ЭТНОСА

© Саида Казбековна САПИЕВА

Адыгейский государственный университет

385000, Российская Федерация, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208

E-mail: atika16@yandex.ru

Аннотация. Проанализированы основные характеристики термина «языковая картина мира» и его связь с национально-культурной сферой определенного этноса. Основной целью исследования является описание национальной ментальности адыгского этноса через языковую картину мира. Для этого за основную единицу интерпретации адыгской этноментальности избран значимый для данной лингвокультуры концепт 'адыгагъэ' (=«адыгство»). С точки зрения лингвистов, адыгагъэ – это тот морально-этический, правовой и мировоззренческий фундамент с нормами и правилами поведения во всех жизненных ситуациях, на котором базируется целая философия бытия адыгов. В этом плане для анализа концептуальных признаков, репрезентирующих данный концепт, в качестве материала избраны художественные тексты писателей, являющихся своего рода носителями адыгского сознания. Для достижения поставленной цели нами используются различные методы и приемы, среди которых основными являются концептуальный, контекстуальный, описательный, количественный и семантический методы, а также используется методика выявления ключевых слов. Анализ этих признаков показывает, что концепт 'адыгагъэ' в авторском гипертексте перерастает в суперконцепт, вбирая в себя не только специфические вербализации исследуемой этноментальности (такие концептуальные признаки, как «джегу» (игрище), «адыгэ хабзэ» (адыгский этикет), «куначество»), но и культурные концепты ('родина', 'семья', 'свобода').

Ключевые слова: языковая картина мира; концепт; ментальность; адыгство; концептуальные признаки

Как известно, языковая (наивная) картина мира представляет собой совокупность знаний об окружающей действительности в сознании языкового коллектива, закрепленных с помощью средств этого языка. Она, как и большинство лингвистических единиц, бинарна, то есть имеет свой план содержания и план выражения. План содержания языковой картины мира представляет собой многомерное динамическое образование, характеризующее специфику сознания индивидуального, группового или коллективного носителя языка и отражается в стратегиях и тактиках речевого поведения. План выражения языковой картины мира есть репрезентация этих типов сознания в устном и письменном виде в различных речевых формах. Таким образом, языковая картина мира – это одна из форм экспликации действительности в языковом сознании, ее вербальное овнешнение. Особенностью языковой картины мира является то, что в отличие от других картин мира она обладает способностью проявлять национальную специфику языка. Так, известный лингвист В.Н. Телия по этому по-

воду пишет: «Языки отличаются не только грамматикой и лексиконом... но еще и *национально-культурной спецификой членения мира* – выделения в нем существенных для данного народа и его экологической сферы элементов, свойств, явлений... эти различия (в членении мира) принадлежат языковой картине мира» (курсив наш. – С. С.) [1, с. 103-104]. Национально-культурная специфика определяется историей, традициями, стереотипами, символами и культурными кодами народа – тем, что составляет этническую основу любой национальной ментальности. Ментальность народа, в свою очередь, это «мыслительный инструментарий», который в определенную эпоху находится в распоряжении человека и исторически обусловлен, унаследован от предшествовавшего времени и вместе с тем непременно изменяется в процессе его творчества, всей исторической практики» [2, с. 305].

Мы делаем попытку рассмотреть суть национально-культурной ментальности адыгского этноса в призме языковой картины ми-

ра на материале художественных произведений кавказских писателей.

Существует множество подходов к определению национально-культурной ментальности, но наиболее распространенным является лингвокультурологический подход, который опирается на антропоцентрическую парадигму взаимосвязи человека, языка и культуры. Язык с этой точки зрения понимается как смысловая сфера функционирования морально-этических норм и традиций этнокультурной общности, формирующих модели ее идентичности и определяющих ее национально-культурный облик.

Центральной единицей лингвокультурологии является концепт. Это «многомерное культурно-значимое социо-психическое образование в коллективном сознании, опредмеченное в той или иной языковой форме» [3, с. 16]. Концепты могут реализовывать себя как в слове, так и в целом дискурсе, зачастую образуя целые коннотативно-вербальные сети.

Они представляют собой инструмент описания не только языковой картины мира этноса, но и составляют основу для выявления смыслов в художественном мире автора. Для описания языковой картины мира в когнитивном сознании адыгского этноса как репрезентации его национальной ментальности мы будем использовать концептуальный анализ художественных текстов в качестве основного метода выявления базовых концептов, что в дальнейшем позволит определить значимые ценности данного этноса и выявить закономерности их взаимодействия.

Среди трудов, посвященных описанию концептов в адыгской лингвокультуре, следует выделить работы З.Х. Бижевой (2000, 2004), С.А. Кушу (2004), З.М. Хамизовой (2007), Б.А. Чич (2010), С.М. Гузиевой (2011) и др.

В нашем исследовании представляется интерес рассмотрению концепта «адыгагъэ» в творчестве кавказских писателей для уяснения сути ментальности адыгского этноса и его культурно-нравственной ориентации через язык.

Для начала обратимся к самому термину «адыгагъэ». На сегодняшний день лингвисты и социологи определяют адыгагъэ как «совокупность взглядов, основой которой является

специфическая система морально-нравственных, этических и некоторых других норм, соотносенных с общечеловеческими ценностями и ориентированных на них» [4], как «долг рыцарской чести, основанный на принципах адыгского этикета, на идеализированных свойствах национального характера» [5], как «мощный социальный регулятор жизни адыгов» [6] и т. д.

«Понятие это весьма широкое по объему и глубокое по содержанию», – писал еще в 1957 г. Ю.К. Намиток, стоявший у истоков зарождения новой науки этнопедагогики, впервые обратившись к воспитательной роли поговорок и пословиц родного языка. По его мнению, «адыгагъэ» (= «адыгственность» в авторском тексте. – С. С.) означает совокупность лучших нравственных качеств человека (трудолюбие, мужество, храбрость, гуманность, скромность, вежливость, гостеприимство, уважение к старшим, культура речи, культура поведения, чувство долга и чести и др.)» [7, с. 34].

Обратимся к следующим когнитивным признакам, эксплицирующим концепт «адыгагъэ» в художественной картине мира кавказских писателей.

Первое, что хочется отметить при анализе текстов художественных произведений, что при описании различных национально-культурных особенностей адыгов наиболее яркими и значительными являются коннотации, определяющие такие базовые концепты, как «семья», «родина», «свобода», которые в своей семантике несут универсальные понятия общечеловеческих ценностей.

На примере художественных текстов Т.М. Керашева и Г.Л. Немченко рассмотрим вербализации концептуальных признаков, характеризующих исследуемый концепт.

Концептуальный признак «родина»

Данный концептуальный признак представляет собой одну из важнейших констант в этнокультурной и ментальной сфере адыгского народа. Высокий патриотический дух и любовь к родине для адыга – это безграничные чувства к родной земле, не дающие ее предать и покинуть, вызывающие в его душе чувства гордости, отрады и восхищения. Именно любовь к родной земле с ее необыкновенной природой, наделившей горцев чертами свободолюбия и независимости, добле-

сти и самопожертвования, более века не давала захватчикам в годы Кавказской войны завладеть ею.

(1) *Жизнь, наполненная отчаянной и постоянной борьбой за существование, за кров свой, за родную землю, породила у адыгов и соответствующее понятие мужской красоты: привлекательным и достойным уважения почитался лишь суровый облик мужа-воина, и пусть невзрачна его одежда, но должна она хранить отметины боевитой мужественности того, кто побывал в переделках, обветрен бурями битв и обтесан трудностями походов.* (Керашев Т.М. Одиноким всадник) [8].

Концептуальный признак «народ»

Трудно представить родную землю без народа, который там живет. Дружелюбие, отзывчивость и добрососедство были основными принципами, на которых строилось адыгское общежитие. Маленького адыга учили правилам морали, которые предупреждали недопустимое неуважительное отношение к людям, с которыми ты живешь. О глубинных понятиях и связях поколений адыгов гласит и следующее народное пожелание: «Дай Бог нам вернуться к предкам с чистой совестью», в котором отражается «вера адыгов в потусторонний мир и кораническая ответственность поколений за благонравное существование на земле перед ранее жившими и перед будущим» [9].

Профессор У.М. Панеш при анализе образа главного героя Т.М. Керашева Ерстэма из романа «Одиноким всадник» верно подмечает, что «писатель намеренно создает собирательный образ народного героя, поскольку «прошлое адыгов, накопленный ими духовный опыт имели не только самоценное значение. Они могли дать миру, всему человечеству то, чего не мог дать ни один другой народ»:

(2) *Да так оно и получалось: вещь, сшитая рукой Гулез, являлась верной приметой высоких достоинств человека, носившего ее, потому что Гулез, следуя духу своего народа, удостаивала своими подарками не родовитость и богатство, а мужество и человеческое достоинство.* (Керашев Т.М. Дочь шапсугов) [8].

(3) *Ерстэма вдруг будто осенило: все песни, «которые исполняла Суанд, – героиче-*

ские песни. И словно просветлел разум: «Да, у этой девушки обостренное чувство чести своего сословия. И печаль ее не печаль позора, просто у нее острее, чем у других, обида подневольной жизни, которую вынуждены терпеть фокотли. И об этом ее грусть...» (Керашев Т.М. Одиноким всадник) [8].

(4) *Наверное, в крови каждого человека есть нечто такое, что чутко отзывается на звуки родных песен. Неизъяснимую власть имела адыгская песня и над Ерстэмом. Вот и сейчас: песни Суанд сладостной болью сжимали его сердце и будили в душе острую любовь и жалость к народу, сложившему эти песни.* (Керашев Т.М. Одиноким всадник) [8].

(5) *Хатияко поднимает руки, призывая к тишине:*

– *Наш дальний, наш дорогой гость приглашает нас на праздник в горы его родной Осетии! – и обращается к Мухтарбеку. – Они народ доверчивый, адыгейцы...* (Немченко Г.Л. Счастливая черкесска) [10].

Концептуальный признак «семья»

Общеизвестно, что семья у адыгов играла огромную роль важного социального института, где дети получали первые знания и навыки поведения в обществе, подражая старшим и следуя их советам. По этому поводу известный русский разведчик на Кавказе Федор Торнау в своих воспоминаниях писал: «Лета ставятся у горцев в общежитии выше звания. Молодой человек самого высокого происхождения обязан вставать перед каждым стариком, не спрашивая его имени, уступать ему место, не садиться без его позволения, молчать перед ним, кротко и почтительно отвечать на его вопросы...» [11, с. 87]. Народная педагогика адыгов располагала различными методами воспитания, главными из которых были чрезвычайная строгость и даже суровость в отношении к подрастающему поколению (наказывать детей за какие-либо проступки было естественным правом родителей, а если наказанный пожалуется отцу, тот повторно наказывал его. – С. С.) и беспрекословное послушание младших старшим:

(6) *Следуя обычаю адыгейских мужей не проявлять нежных чувств к своим детям, Мос держал сына в чрезвычайной строгости. Зато он не скупился на ласки полюбившейся ему чуждой девочке, и девочка привязан-*

лась к дяде Мосу больше, чем к родному отцу, который проявлял такую же **суровость**, как и Мос к своему сыну. (Керашев Т.М. Дочь шапсугов) [8].

(7) Анчок при этом обычно стоял в стороне, подтянутый и почтительный. Как истинный маленький адыгеец, он со своей стороны тоже **никогда не показывал своих чувств к отцу**. (Керашев Т.М. Дочь шапсугов) [8].

(8) Как настоящий кавказец, Казик **старшему подчинялся**, но ночью, ткнувшись в подушку, скрипел зубами и молча глотал слезы. (Немченко Г.Л. Счастливая черкесска) [10].

Несмотря на строгость воспитания, адыгские дети никогда не подвергались телесному наказанию. С раннего детства ребенок впитывал в себя уважение к старшим, чувство стыда и страх вызвать у взрослых порицание:

(9) А если в драке со сверстниками сын получал тумаки и возвращался к матери с плачем и визгом, она спокойно говорила ему: «Дай-ка посмотреть, из-за чего ты так визжишь! Или ты не мужчина? Мужчины не плачут!» И Ерстэму было достаточно этих слов. С детства почувствовал, что слово «мужчина» – гордое слово. И то, как мать упрекала его, серьезно и с ласковой насмешкой: – «Не получится из тебя настоящий мужчина!» – больно ранило его. Так постепенно мать научила его **стыдиться плача**. И впредь какие бы побои он ни получал в потасовках со сверстниками, он не разрешал себе плакать, в особенности при матери – **боль и обиду молча с яростью проглатывал**. (Керашев Т.М. Одинокый всадник) [8].

Великая роль в адыгской семье отводилась женщине. С детских лет мать прививала детям любовь к родной земле и ее священным символам и наравне с мужем воспитывала в них чувство собственного достоинства и почтение к священным и мудрым традициям и обычаям. Наряду с необыкновенной красотой гармонично в ней сочетались острый ум, оваянный мудростью тысячелетий, и изысканность манер, красноречие и деликатность, смелость и самопожертвование:

(10) Ерстэм относился к матери не только с сыновьей любовью, но и с большим уважением. Правда, человеческие достоин-

ства матери он смог по-настоящему оценить лишь после того, как сердце его с разумом стали равны. Только тогда понял он смысл выражения – «достойная женищина» и научился различать среди женищин таких, в которых соединены были все лучшие, по тогдашним понятиям адыгов, черты и достоинства. Это они, так называемые хорошие жены, являлись примером **несгибаемой стойкости и самопожертвования**, это они умели вопреки всем бедам сохранить семью. Нелегко им приходилось, но никто никогда не слышал от них жалобы, никто не видел слез – они **умели скрывать свои страдания и, не смотря ни на что, старались внести в мрачную жизнь хоть тоненький луч радости**. За честь семьи такие женищины готовы были **отдать душу**, а за жизнь родных людей умели **бороться со всем самоотвержением преданного сердца**. **Чутко охраняя всеобщее спокойствие, стараясь заслонить собой от невзгод окружающих, они молча таили в душе всю горечь неприглядной жизни**. **Неутомимые и скромные, проходили они жизнь неприметными спутницами своих мужей, неся на плечах главную тяжесть семейных забот**. (Керашев Т.М. Одинокый всадник) [8].

(11) И до этого в ауле знали Гулез как умную и славную девушку, да еще, что особенно ценилось у адыгов, за ней давно утвердилась слава **непревзойденной рукодельницы**. Как сама она выделялась красотой среди девиц аула, так и вещь, сшитая рукою Гулез, выделялась изяществом. И с тех пор как: Гулез прославилась далеко за пределами своего края, каждый мужчина, удостоившийся носить вещь, вышедшую из-под ее иглы, гордился этим как знаком отличия. (Керашев Т.М. Дочь шапсугов) [8].

Еще одной важной традицией в семейно-бытовом плане жизненного устройства адыгов являлось **аталычество** и **канство** – понятия, отражающие собой определенную систему воспитания ребенка в чужой семье, при которой воспитатель – **аталык** (<тюрск. ата «отец, старший, родитель») учил своего подопечного – **кана** (<тюрск. кан «воспитанник») общественным нормам поведения, традиционным обычаям и порядкам, нравственным законам, этикету, вероисповеданию, присущему его народу:

(12) *Поглядывая на них двоих, я иногда с невольной печалью размышлял: и впрямь жаль, что нет уже нынче этого обычая – отдавать мальчика на воспитание опытному джигиту-аталыку. Когда-то на Кавказе эта была одна из самых славных традиций, которая объединяла не только разные семьи и разные фамилии, но и разные народы.* (Немченко Г.Л. Счастливая черкесска) [10].

Особое место в межличностных отношениях отводилось и соседям. Недаром у адыгов бытует народная пословица: «Прежде чем строить дом, выбери себе соседа». Издревле народ считал, что хороший сосед бывает ближе, чем иной родственник, и в организациях различных семейных торжеств соседи зачастую оказывались наравне с ближайшей родней:

(13) *«Выходит, – решил Ерстэм, – и здесь, как у нас в Абадзехии, соседи помогают друг другу и радость и горе переживают сердце к сердцу, рука об руку. Но ясно и другое: верно, доброй славой пользуется семья Батыма, иначе соседи не пришли бы ей на помощь так охотно и быстро».* (Керашев Т.М. Дочь шапсугов) [8].

Семья Гулез хранила исконное **добрососедство** с обедневшей семьей покойного Моса (Керашев Т.М. Дочь шапсугов) [8].

Концептуальный признак «Адыгэхабзэ»

Кавказские писатели в своих творениях представляют демократические нравы горцев, включающие высокие ценности адыгского этикета – **адыгэхабзэ**. По мнению одних ученых, термины **адыгагъэ** и **адыгэхабзэ** идентичны [12], вторые через **адыгэхабзэ** определяют понятие **адыгагъэ** [2; 5], третьи считают, что **адыгэхабзэ** является структурным компонентом **адыгагъэ** [6]. Мы придерживаемся последней точки зрения, поскольку здесь нас привлекает ориентация на то, что **адыгагъэ** это не только свод нравственно-этических и морально-правовых норм, ацелая философия адыгской жизни, регламентирующая мировоззрение и мироощущение адыга с самого рождения до ухода его в мир иной, это «духовно-исторический феномен культуры», ключевое понятие, «на котором строится сложная концепция национального сознания и самосознания адыгов» (курсив наш. – С. С.) [13, с. 76], концепция, «говоря-

щая» о том, что было, о том, что есть, о том, что будет» [5, с. 14].

Кабардинский этнолог Б.Х. Бгажноков, впервые целенаправленно посвятивший свои работы феномену адыгской этики, выделил пять основополагающих ее принципов: **цъыфыгъэ** // **цъыхугъэ** – человечность, **нэмыс** – почтительность, **акъыл** – разумность, **ллыгъэ** – мужество, **напэ** – честь [5, с. 9]. Практически во всех произведениях, посвященных жизни адыгов, писатели в различных формах репрезентируют эти понятия и их принципы:

(14) *Но не только корсет был тогда крепок у черкесских невест: незыблемые правила «адыгэхабзе» – кодекса чести, прививаемые с самого нежного возраста, сообщали и тот самый высокий дух «человечности, известный как «адыгагъэ», и чуткий, вроде нынешнего радара, характер, чтобы подстроиться под нрав суженого...»* (Немченко Г.Л. Вольный горец) [14].

(15) – *А что главное?.. Главное – научиться блюсти горский этикет... Рыцарский кодекс чести... уже знаете что это?..*

– *У моего народа это – **намыс**, честь, – с чувством говорит Мухтарбек.*

– *У нас – **адыгагъэ**! – торжественно поддерживает ставший серьезным хатияко.*

– ***Адыгэхабзе**! – те кричат из публики.* (Немченко Г.Л. Счастливая черкесска) [10].

(16) *Таура ввели в кунацкую и развязали руки. Освобожденный, он с достоинством обратился к Ерстэму:*

– *Ерстэм, делать добрые дела, помогать людям в беде – таково твоё счастье. Имя ему – **мужество и человечность**. Больше мне нечего добавить.* (Керашев Т.М. Одинокый всадник) [8].

(17) *Всего многообразия мужественности не перечтешь. Нет тут разницы между большими и малыми делами, между войной и мирной жизнью. **Мужество, доблесть, чуткость, ум, мягкосердечие, твердость характера** – все добрые человеческие качества входят в понятие мужества.* (Керашев Т.М. Одинокый всадник) [8].

Адыгэхабзэ и традиционная культура адыгов неразрывно связаны между собой. Адыгская культура включает в себя множество обычаев, обрядов и ритуалов (некоторые из которых, правда, на сегодняшний день исчезли или трансформировались), и

представляет собой важный инструмент в познании адыгской ментальности. Когнитивные признаки, представляющие этнические элементы адыгских обычаев и традиций, находят следующее представление в авторских текстах:

а) гостеприимство (куначество):

(18) *Все лучшее, что готовится в доме, в первую очередь посылают в куначкую. Поздней ночью в куначкую Батыма принесли угощение. Вскоре после приезда Ерстэма его **поспешно накормили** – чтобы гость утолил первый голод, попотчевали жареным сыром и простоквашей. Но настоящее угощение было готово только сейчас. Ерстэм немало удивился количеству и разнообразию блюд. Для такой маленькой фокотлевской семьи угощение было слишком роскошным.* (Керашев Т.М. Одинокый всадник) [8].

(19) *И вот дорогой гость сидит за столом-треногой – традиционным **анэ**. По обеим сторонам от него Мурад и отец в черкеске и в папахе, чуть неподалеку – другие гости, а по обе стороны двери замерли двое мальчишек, по первому жесту готовые услужить старшим...* (Немченко Г.Л. Счастливая черкеска) [10];

б) почитание старших:

(20) *Наверняка еще грела память о деликатности муфтия, и я не удержался, сказал юркнувшему уже в спину:*

– Учат-учат меня черкесы, что **старшему непременно надо первым пройти**, а я все забываю, сибирская привычка срывается: пропускать молодых...

Пропустить впереди себя того, кто моложе, значит – потерять лицо. (Немченко Г.Л. Газыри) [15].

(21) *Старший предложил гостю занять почетное место, указав на изголовье кровати.*

– Садись хоть и князь, а все же гость...

Князь минуту подумал и ответил:

– Глупо было бы пытаться установить свои законы в чужом краю. Я хоть и гость, а молод, и вы не допустите, чтоб я совершил то, что по вашим обычаям неприлично. Садись ты, **старший, на почетное место**, а я могу и здесь посидеть. (Керашев Т.М. Дочь шапсугов) [8];

в) законы товарищества:

(22) *Ко дню суда в аул съехались многочисленные друзья Анчока, все большие моло-*

*дежь его возраста. Среди них были и два фокотля из Бжедугии. Молодые люди на суде заявили: Анчок – наш побратим, **мы связаны с ним не только дружбой, но и кровными братскими узами, поэтому обида Анчока – наша обида, кровь его – наша кровь, враг его – наш враг.** И тот, кто станет отнимать у него невесту, будет иметь дело с нами.* (Керашев Т.М. Дочь шапсугов) [8].

(23) – *Сегодня у нас гости из Адыгеи, которую обычно называют солнечной Адыгеей. Когда я гостил там, не было человека, который не посочувствовал нашему осетинскому горю... Сегодня мои друзья и приехали, знаю, для того чтобы выразить **свое братское отношение к нам, разделить с нами наши заботы и тревоги.*** (Немченко Г.Л. Счастливая черкеска) [10];

г) кровная месть:

(24) *Помнишь, при первой нашей встрече я все открыто высказал тебе. Если не способен отомстить за себя и нужна тебе помощь, скажи. Отвезу девушку домой, вернусь и стану мстить вместе с тобой или вместе с тобой погибну. Пусть люди скажут: «**Адыги не прощают обиды, погибли, как подобает мужчинам.**» Нет человека, которому не предстоит смерть, так **лучше сложить голову в борьбе, чем с позором носить ее.*** (Керашев Т.М. Одинокый всадник) [8].

(25) *Родители Гулез сначала воспротивились этому браку, они даже угрожали объявить Анчоку **непримиримую кровную месть**, но потом сдались на уговоры.* (Керашев Т.М. Дочь шапсугов) [8];

д) свадебные обряды:

(26) *У Гулез было много поклонников. Некоторые из них, не надеясь на успех, выражали свое расположение к ней в виде принятого у адыгов мнимого **шуточного сватовства**; другие под видом той же шуточной игры старались всерьез добиться ее расположения.* (Керашев Т.М. Дочь шапсугов) [8].

(27) *Черкешенки получали новое имя и отчество при крещении в те времена. Да и сейчас, когда без согласия ее родителей выходит замуж адыгейка, то жених **увозит ее в другое место**, чтоб не забрали ее родители его.* (Немченко Г.Л. Газыри) [15];

е) похоронные обряды:

(28) *Случилось это перед закатом и хоронили его наутро.*

Во дворе Чесебиевых и вокруг собрался чуть ли не весь аул: не пришли только те, кто не мог встать из-за болезни или давней немоции.

Погребальные носилки подняли и тронулись быстро: душа хорошего человека всегда спешит на долгожданную встречу с Аллахом, и тело по возможности не должно отставать от нее – это известно всем...

Сменившие первых двинулись еще быстрее, все – за носилками уже едва попевали, но траурная процессия все продолжала набирать ход. Аул дошел до кладбища уже совсем медленно, и даже та часть его, которой о слезах и думать нельзя, давилась от них – что тогда говорить о женищинах: **когда мужчины с носилками пошли, а они, по обычаю, остались, все зарыдали в голос, и в спину мужчинам ударил один сплошной раздирающий душу вопль... И вдруг он потом тоже стих...**

Надо было видеть, какая чинная и уважительная торжественность царила потом на поминках, какой благородный тут царил дух! Как будто разом все вспомнили, что есть такое слово: благородство. (Немченко Г.Л. Вольный горец) [14].

Концептуальный признак «свобода»

В национальном сознании адыга свобода являлась неотъемлемой частью его существования, поэтому защищать ее он старался любой ценой. Он мог быть бедно одет, но всегда был преисполнен достоинства, независимости и личного превосходства. История знает редкие случаи, когда горцев удавалось взять в плен, поскольку неволя для них становилась страшнее смерти. Эту национальную черту адыгского этноса оставляют без внимания и адыгские прозаики и следующим образом представляют ее:

(29) Гулез спокойно и холодно сказала: – Поступок твой достоин князя, и по всему видно, что ждать от тебя уважения к женщине не приходится. Но знай: **человека, рожденного свободным и носящего в сердце стремление к свободе, невозможно поработить, – только умертвить можно.** (Керашев Т.М. Дочь шапсугов) [8].

(30) – А вы, – сказал он, – почему воюете и проливаете кровь свою?

– Гм! Гм! – заметил я. – Мы проливаем свою кровь из-за того, что вы, русские, не

боитесь Бога и хотите уничтожить нашу религию и **свободу** и сделать нас казаками. (Немченко Г.Л. Газыри) [15].

Концептуальный признак «язык», «слово»

Испокон веков особое значение адыги придавали слову. Дипломатия и красноречие, исходящие из нравственной и духовной культуры, высоко ценились в ментальном пространстве адыгов и отражали менталитет этноса, а также его восприятие мира. Известный отечественный этнограф Л.Я. Люлье в своих записках о Кавказе отмечал: «Здесь я считаю уместным заявить в качестве неоднократного свидетельства о том замечательном превосходстве горцев, которые проявляются в легкости, даже можно сказать красноречии изложения мыслей, во врожденной способности их вести правильные прения, к которым они имеют большую привычку» (цит. по Н. Сообцоковой). Действительно, с самого раннего детства родители собственным примером, сопряженным с духом адыгэхабзэ, показывали детям важность произнесенного слова с присущим ему сакральным значением и его влияние на жизнь человека:

(31) У адыгов высоко ценят умное слово, и не случайно само слово **«псатль» означает по-адыгски «выражение души»**. (Керашев Т.М. Дочь шапсугов) [8].

(32) На джегу господствовал строгий порядок. Блюстителем порядка, полновластным жрецом джегу являлся джегуако. Обычно это бывал искусный импровизатор, талантливый артист-самородок. Он имел на джегу непререкаемую власть и право покарать провинившегося искусством. **Одно острое слово – и человек обречен на позор. Восхваляющая песня – и человек вознесен на вершину славы.** (Керашев Т.М. Одинокий всадник) [8].

Концептуальный признак «джегу»

Огромное значение в развитии физического и нравственного воспитания в традиционной культуре адыгов занимали адыгские игрища «джегу», которые на протяжении многих веков устраивались адыгами по самым различным поводам и зачастую носили ритуальный характер, начиная от танцевального этикета и заканчивая погребальными обрядами (поминальное игрище).

В предисловии к книге Б.Х. Бгажнокова «Черкесское игрище» проф. Ш.Д. Инал-ипа твердо убежден в том, что труд этот – книга ученого – не только увлекательный рассказ о типах и формах организации джегу – от оповещения об игрище до раздачи призов и торжества закрытия – по новизне материала и нетривиальным выводам представляет несомненный вклад в этнографическую науку [16, с. 5-7].

Наиболее частыми семантическими характеристиками данного концептуального признака в художественном дискурсе Т.Б. Керашева и Г.Л. Немченко служат коннотации, определяющие свадебные игрища и игрища в честь девушки, сопровождающиеся песнями и танцами:

(33) – *Хочешь знать, что будет завтра? – понимает Мурад. Мы приготовили тебе маленький сюрприз: пригласили тебя на тот день, когда у нас в Адыгее будет джегу – старинное игрище черкесов...* (Немченко Г.Л. Счастливая черкеска) [10, с. 199].

(34) *Как-то на большом свадебном игрище – джегу он вышел победителем во всех видах состязаний.* (Керашев Т.М. Одинокий всадник) [8].

(35) – *В Темиргое девушке, которая славится красотой и достоинствами, предоставляют право одной исполнить на джегу почетный танец.*

– *Красивый обычай. Хорошо бы посмотреть... – нерешительно произнес Ерстэм.* (Керашев Т.М. Одинокий всадник) [8].

(36) *Он подозвал джегуако (народный исполнитель. – С. С.) и попросил его пригласить девушку на танец. Гулез вышла из полукруга, сбросила высокие деревянные башмаки и в тонких сафьяновых чужачках последовала за Хатхе.* (Керашев Т.М. Одинокий всадник) [8].

Таким образом, концепт ‘адыгагъэ’ в языковой картине мира предстает как многокомпонентный конструкт, включающий в себя множество концептуальных признаков, часть из которых представлена базовыми культурными концептами русской и адыгской лингвокультур, и, находя реализацию в художественном дискурсе, репрезентирует основные понятия и принципы морально-этического поведения адыгского этноса. Прделанный анализ позволяет заключить,

что писатели Т.М. Керашев и Г.Л. Немченко щедро вносят в ткань своих произведений примеры духовно-нравственной культуры адыгов, взятых из реальной жизни, тем самым изображая в языковой картине мира специфику адыгской ментальности как образец гармоничных отношений в духовной атмосфере всего общества.

Список литературы

1. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.
2. Унежеев К.Х. Культура адыгов (черкесов) и балкарцев. Нальчик, 2003. 512 с.
3. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Архангельск, 1997. Вып. 1. С. 11-35.
4. Ханаху Р.А. Морально-этический феномен «адыгагъэ» – основа народной культуры // Мир культуры адыгов. Майкоп, 2002. С. 177-184.
5. Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. Нальчик: Изд-во ЭЛЬ-ФА, 1999. 96 с.
6. Ляушева С.А. Религиозные аспекты феномена «адыгагъэ» (история и современность): автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1997.
7. Намитоков Ю.К. Адыгейская народная педагогика о воспитании детей // Сборник статей кафедры педагогики и психологии Адыгейского пединститута. Майкоп, 1957. С. 33-39.
8. Керашев Т.М. Избранное / предисл. У.М. Панеша. Майкоп, 1997. 600 с.
9. Альборова Л.И. Адыгская этика и первичная социализация в традиционной системе воспитания. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2002. URL: <http://cerkesarastirmalari.org> (дата обращения: 15.03.2017).
10. Немченко Г.Л. Счастливая черкеска. Владикавказ: Ир, 2008. 208 с.
11. Непсо М. Адыгская художественная культура. Майкоп: РИПО «Адыгея», 2000. 204 с.
12. Мамхегова Р.А. Очерки об адыгском этикете. Нальчик, 1993.
13. Шадже А.Ю. Национальные ценности и человек (социально-философский аспект). Майкоп: Изд-во АГУ, 1996. 168 с.
14. Немченко Г.Л. Вольный горец. Повести и рассказы. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2010. 440 с.
15. Немченко Г.Л. Газыри. Рассказы. Майкоп, 2006. 384 с.
16. Бгажноков Б.Х. Черкесское игрище. Нальчик, 1991. 188 с.

Поступила в редакцию 28.04.2017 г.

Отрецензирована 23.05.2017 г.

Принята в печать 05.07.2017 г.

Информация об авторе

САПИЕВА Саида Казбековна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Республика Адыгея, Российская Федерация, e-mail: atika16@yandex.ru

Для цитирования

Сapieва С.К. Языковая картина мира как экспликация национальной ментальности адыгского этноса // Неофилология. 2017. Т. 3. № 3 (11). С. 28-37.

UDC 81'37

LINGUISTIC VIEW OF THE WORLD AS EXPLICATION OF NATIONAL WAY OF THINKING OF ADYGHE ETHNOS

© Saida Kazbekovna SAPIEVA

Adyghe State University
208 Pervomayskaya St., Maykop, Republic of Adyghea, Russian Federation, 385000
E-mail: atika16@yandex.ru

Abstract. The basic characteristics of the term “linguistic view of the world” and its connection with national-cultural sphere of a definite ethnos are analyzed. The basic aim of this study is the description of national way of thinking of Adyghe ethnos through the linguistic view of the world. The basic unit of Adyghe ethnic way of thinking interpretation of the concept ‘adygage’ (= “adyghe”) is significant for this linguistic culture. From the point of view of linguists adygage – is moral and ethic, legal and world view fundamental with norms and rules of behavior in all life situations, on which the whole philosophy is based on Adyghe existence. To analyze the conceptual characteristics, representing this concept the artistic texts of writers, being the bearers of Adyghe notion, were selected. To reach the set tasks, the different methods and receptions were used, among them the basic is conceptual, contextual, descriptive, quantitative and semantic approaches and also the methods of keywords revealing is used. The analysis of these characteristics shows that the concept ‘adygage’ in the author’s hypertext grows into superconcept, absorbing not only specific verbalizations of the studied ethnic mentality (such conceptual features as “djegy” (game), “adyge habze” (Adyghe etiquette), “ky'nac'estvo”), but also cultural concepts (‘native country’, ‘family’, ‘freedom’).

Keywords: linguistic view of the world; concept; mindset; adyghe; conceptual features

References

1. Teliya V.N. *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinits* [Connotative Aspect of Nominative Units Semantics]. Moscow, Nauka Publ., 1986. (In Russian).
2. Unezhev K.K. *Kul'tura adygov (cherkesov) i balkartsev* [Culture of Agyghe People (Circassians) and Balkarians]. Nalchik, 2003, 512 p. (In Russian).
3. Lyapin S.K. *Kontseptologiya: k stanovleniyu podkhoda* [Conceptology: to the becoming of the approach]. *Kontsepty* [Concepts], 1997, no. 1, pp. 11-35. (In Russian).
4. Khanakhu R.A. *Moral'no-eticheskiy fenomen «adygag» – osnova narodnoy kul'tury* [Moral-ethic phenomenon “adygage” – the basis of public culture]. *Mir kul'tury adygov* [The World of the Circassians' Culture]. Maykop, 2002, pp. 177-184. (In Russian).
5. Bgazhnokov B.K. *Adygskaya etika* [Adyghe Ethics]. Nalchik, EL-FA Publ., 1999, 96 p. (In Russian).
6. Lyaushcheva S.A. *Religioznye aspekty fenomena «adygag» (istoriya i sovremennost'): avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk* [Religious Aspects of the Phenomenon “adygage” (History and Modern World). Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Moscow, 1997. (In Russian).

7. Namitokov Y.K. *Adygeyskaya narodnaya pedagogika o vospitanii detey* [Adyghe folk pedagogy about children's education]. *Sbornik statey kafedry pedagogiki i psikhologii Adygeyskogo pedagogicheskogo instituta* [Digest of Articles of Pedagogy and Psychology Department of Adyghe Pedagogical Institute]. Maykop, 1957, pp. 33-39. (In Russian).
8. Kerashev T.M. *Izbrannoe* [Selected Works]. Maykop, 1997, 600 p. (In Russian).
9. Alborova L.I. *Adygsкая etika i pervichnaya sotsializatsiya v traditsionnoy sisteme vospitaniya* [Adyghe Ethics and Primary Socialization in Traditional System of Education]. Nalchik, Poligrafservis i T Publ., 2002. (In Russian). Available at: <http://cerkesarastirmalari.org> (accessed 15.03.2017).
10. Nemchenko G.L. *Schastlivaya cherkeska* [Happy Chokha]. Vladikavkaz, Ir Publ., 2008, 208 p. (In Russian).
11. Nepso M. *Adygsкая khudozhestvennaya kul'tura* [Adyghe Artistic Culture]. Maykop, RIPO «Adygeya» Publ., 2000, 204 p. (In Russian).
12. Mamkhegova R.A. *Oчерки об адыгском этикете* [Outline of Adyghe Etiquette]. Nalchik, 1993. (In Russian).
13. Shadzhe A.Y. *Natsional'nye tsennosti i chelovek: (Sotsial'no-filosofskiy aspekt)* [National Values and Human: (Social-Philosophic Aspect)]. Maykop, Adyghe State University Publ., 1996, 168 p. (In Russian).
14. Nemchenko G.L. *Vol'nyy gorets. Povesti i rasskazy* [Free Mountaineer. Narrative and Stories]. Maykop, Adygei Republican Book Publishing House, 2010, 440 p. (In Russian).
15. Nemchenko G.L. *Gazyri. Rasskazy* [Gazyri. Stories]. Maykop, 2006, 384 p. (In Russian).
16. Bgazhnokov B.K. *Cherkesskoe igrishche* [Circassian Game]. Nalchik, 1991, 188 p. (In Russian).

Received 28 April 2017

Reviewed 23 May 2017

Accepted for press 5 July 2017

Information about the author

SAPIEVA Saida Kazbekovna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Russian Language as Foreign Department, Adyghe State University, Maykop, Republic of Adygea, Russian Federation, e-mail: atika16@yandex.ru

For citation

Sapieva S.K. Yazykovaya kartina mira kak eksplikatsiya natsional'noy mental'nosti adygskogo etnosa [Linguistic view of the world as explication of national way of thinking of Adyghe ethnos]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2017, vol. 3, no. 3 (11), pp. 28-37. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 81-2

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ В СТРУКТУРЕ КОНЦЕПТОВ 'ДУША' И 'ЖАН'

© Алия Сарыбаевна АЙДАРБЕКОВА

© Урзада Абилкасимовна МУСАБЕКОВА

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

010008, Республика Казахстан, г. Астана, ул. Сатпаева, 2

E-mail: mussabekowa@jandex.kz

Аннотация. Рассмотрены вопросы концептуальных исследований в современной лингвистике – одно из новых когнитивных и лингвокультурологических направлений. Понятие «картина мира» возникло на рубеже XIX–XX века и является фундаментальным в когнитивной лингвистике. О том, что мышление человека и его представление о мире определяется конкретным языком, писал еще В. фон Гумбольдт. Языковая картина мира формируется с учетом национальной специфики языка, а также мировоззрений народа. Таким образом, язык можно рассматривать как отражение языковой картины мира отдельного этноса. Концепт является основой языковой картины мира. Для восстановления всех знаний и представлений, стоящих за именем концепта проведен концептуальный анализ. Рассмотрены концепты внутреннего мира человека, являющиеся базовыми и занимающие центральное место как в русской, так и в казахской лингвокультурах. Проанализированы выявленные символические признаки, которые выражают сложные древнейшие и другие культурные понятия в структуре концептов для выявления и описания этнического своеобразия вербализации концептов 'душа' и 'жан'. Описана связь души с признаками логоса сквозь призму мифологического и религиозного мировоззрения человека.

Ключевые слова: языковая картина мира; концепт; структура концепта; символический признак; миф; метафора

В современной лингвистике немало работ посвящено исследованию концептов. Несмотря на достаточную изученность этой темы однозначного толкования термина на сегодняшний день не существует. В России сложилось несколько школ по степени разработанности исследовательской программы концептуального исследования. В настоящей работе анализ проводится в рамках Санкт-Петербургско-Кемеровской научной школы концептуальных исследований. Вслед за М.В. Пименовой под концептом мы понимаем «совокупность признаков, представляющих в языковых знаках фрагмент мира или часть такого фрагмента» [1, с. 161]. Концепт является основой языковой картины мира человека, своеобразным «зеркалом», посредством которого складывается особое видение и миропонимание. Одними из ключевых лексем русской и казахской языковых картин мира, репрезентирующих внутренний мир человека, являются концепты 'душа' и 'жан'. В структуру концепта входят мотивирующие, понятийные, образные, категориальные и символические признаки. Целью данной

работы является рассмотрение символических признаков в структуре данных концептов.

Символическими принято называть такие признаки, «которые восходят к существующему или утраченному мифу или ритуалу и могут воспроизводиться в идее метафоры, аллегории или культурного знака. Миф сохраняет ранее распространенное в народе представление о мироустройстве» [2, с. 431]. Концепты 'душа' и 'жан' относятся к категории мифопоэтических, поэтому их признаки мы рассматриваем с опорой на мифы, фольклор и литературные источники. В структуре концептов 'душа' и 'жан' выявлены признаки, соотнесенные с логосом, одним из которых является слово. Первая строка Евангелия от Иоанна выглядит следующим образом: *В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Все чрез Него начало быть, и без Него не начало быть, что начало быть.* (Святое Евангелие от Иоанна. III, 2) [3, с. 48]. (Ср. русск.: *Слово слову рознь: словом Господь мир создал, словом Иуда предал Господа; не по словам человека судят, по делам; слово пуще стрелы разит; Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могу-*

ций обуздать и все тело и т. д.). **Слова души** Вам излагаю, С любовью вечной к Вам одной! Минуты, дни, я так страдаю, Невыносимо мне порой. (Кашира А. Слова души).

Значение «дух, душа» соотносится, по М.М. Маковскому, со значением «слово» (символ творящего божества), «говорить» [4, с. 143].

В древнеиндийском сказании богиня, жена бессмертного Ут-напишти, предложила дать Гильгамешу хлеб, но он ответил жене, что человек живет не хлебом, а дерзанием своим безумным. Вместо хлеба Ут-напишти дал Гильгамешу одно потаенное Слово [5, с. 74].

Слово *жан* (душа) вдохновляет человека, успокаивает и убаюкивает ребенка в колыбели: **Жанды сөз** бойды ерітіп, маужыратып, Әлдилеп жыр бесікті тербегендей. (Слово **растопливает душу**, убаюкивает как песней ребенка в колыбели). (Құдайбердыұлы өлендері).

Попытка сказать слово породила звуки. Звуки, которыми мы говорим, и образы, которыми мы мыслим, дают разные уровни понимания смысла Слова: *Русь кипит, шумит: Мысль народа, звук души, Всероссийское «ура!» Ты – во всем царю ответ; Лучшей песни в мире нет.* (Кольцов А. Ура).

Вы в своих чувствах порхаете за облаками, ваша **душа – песня**, и какая-то такая разбойничья песня, цыганская. (Шишков В. Угрюм-река).

Жан (душа) поет, тоскуя по другу: **Жан жүрегім** ән салады сендерді сағындым деп. (Майғазиев). **Душа может петь** не только в минуты радости и вдохновения: *Ведь в первый раз ее душа поет, а в первый раз поет неодолимо.* (Рафаэльский С. Дуэль).

Слово, запечатленное в книге, – еще один признак логоса. **Душа как книга...** Кто-то бережно листает, Читая вслух, вникая в смысл, черная суть... А кто-то рвет ее, безжалостно жмакает Души страницы, что обратно не вернут. (Самарина-Лабиринт И. Душа как книга).

Светлый, лучезарный человек – как раскрытая книга, которая написана простыми и красивыми словами: *Қаттылар бір – бірімен жараспайды, Сараңдар бір – біріне қараспайды. Жарқын жан – ашық жатқан кітап дерсің, Сыпайы сұлу сөзден әрі аспайды.* (Черствые друг с другом не общаются,

жадные друг другу не помогают, лучезарного человека назовешь открытой книгой, добродушным, вежливым). (Назарбекұлы).

Логос христианской философии, отождествленный в Евангелии со вторым лицом Троицы, Иисусом Христом, есть, во-первых, прямое присутствие Бога в мире и, во-вторых, нераздельное (хотя и неслиянное) единство с человеческой природой: *И слово стало плотью* (1, 14).

Книга и дерево связаны, олицетворяя вместе целый космос. В исламе вселенную называют «просторной книгой». В русском языке в процессе объективации концепта 'душа' часто используются метафоры печати (*запечатлеться в душе, оставить печать в душе, впечататься в душу*): Мгновения **в душе запечатлились**, и сон что был в далекой тишине тот город, где весеннему дождю открылась ему, но только не тебе. (Маркова Е. О нем, о чувстве, что парит в душе).

На сером мраморе печать души оставишь, И будешь долго вспоминать тот зимний вечер... (Эскобар А. Печать души).

Метафоры печати могут быть характерны не только для жан (души), но и крови, совести: *...Тууда, өмір сүруде, өлуде, сөйлеуде, жүріп – тұруда барлығында көрінетін жанның, қанның, ардың мөрі.* (В рождении, жизни, смерти, речи, каждодневном бытии – на всем лежит **печать души, крови, совести**). (Галым).

В структуре концептов 'душа' и 'жан' выявлены признаки знания, которые берут начало в мифологии народов. Знания, как известно, в Библии считаются лишь временным инструментом для получения более совершенных приобретений (познания, любви и т. д.). В Священном писании знания упоминаются из уст змея, соблазняющего Еву: *«...В день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло».* (Книга Бытие, гл. 3). Знание, данное богом, ведет непременно к нечто большему, чем знание само по себе. Обрести информацию и познать в Библии – не одно и то же. *«И познаете истину, и истина сделает вас свободными...».* (Книга от Иоанна, гл. 8, стих 32). Книга притчи, глава 12, стих 23: *Человек рассудительный скрывает знание, а сердце глупых высказывает глупых.*

Одним из признаков знания является «загадка», «вопрос», в котором «под маской» скрывается определенное слово, а на загаданный предмет лишь делается намек. Известно, что вплоть до XIX века загадывание загадок было составным элементом свадебного обряда у русского народа.

Человек хотел постигнуть тайный язык природы, чтобы овладеть ею: *Загадка вечная Души Влечет к познанию неустанно... Огонь горит в ее тиши, Чтоб поднимать нас постоянно.* (Шульгина Р.-Н. Загадка вечная души).

Душа любого человека является загадкой для окружающих (ср.: *Чужая душа потемки*): *Өткендегі жұмбақ жан қайдан шыға келді. Аспаннан түсті ме, жерден шықты ма? (Откуда появилась та загадочная душа (человек): с неба ли спустилась, или появилась из-под земли?)* (Мамырбаева. Жұмбақ жан).

Тайна также является признаком знания. Приходя в этот мир, человек получает шанс раскрыть тайну своей души в течение жизни. Принято считать, что человеческая душа сходна с семисвечником, являющимся символом озарения души [6]. Человек обречен остаться во тьме, если не узнает семи тайн своей души, на которые указывают семь лампад семисвечника: *Оно непередаваемо, им нельзя поделиться с самым близким человеком, женой, матерью, братом, сыном, другом, отцом, оно тайна души, и душа, даже если она страстно этого хочет, не может выдать своей тайны.* (Гроссман В. Жизнь и судьба).

Тайна души таится не только в речах, глазах, она может находиться в лабиринтах. Паломничеством души с земли на небеса символизировался лабиринт в раннем христианстве: *Если заглянула в лабиринт моей души, Сильно продвигаться вглубь ты не спеши, и возьми с собою Ариадны нить, Или очень трудно будет выходить.* (Иовлев Л. Лабиринты души...).

Жан (душа) объективируется через признак «тайна»: *Тіл – сол ұлттың жан жүйесі мен ділі, дүниеге көзқарасы, тарихи жады, жан түкпіріндегі киелі жан сыры. (Язык – система и весь духовный мир нации, взгляд на мир, историческая память, память и святая тайна, таящаяся в глубинах души).* (Жұртбай. Тіл).

Единицей измерения поступков, нравственности является мера – мера души (*по душе; душа всему мера*): *И приставать не годится: душа мера; я вам, а вы мне – не указ.* (Полевой Н. Клятва при гробе Господнем).

Как в русском, так и в казахском языковом сознании жан (душу) «меряют» умом, а не возрастом (ср.: *Большой вырос, а ума не вынес; С осину вырос, а ума не вынес*): *Жас дегенің жыл емес санмен алған, Жан өлшемі ақылдан нәрін алған. (Возраст измеряется не годами, мера души питается умом).* (Байтасов. Ұнатамын).

Образцом меры, точности является эталон. Душа и жан также могут быть эталоном, по которому можно корректировать свое нравственное поведение: *А есть ли эталон мышления, сознания или даже самой души, Чтоб можно было быстро если что, вмиг обратившись, скорректировать, гармонизировать мышление души?* (Атлас).

В казахском языковом сознании эталоном жан (души) обладает человек, подающий потомкам пример своим трудом на благо общества: *Ол – елі үшін атқарған қызметі кейінгі ұрпаққа үлгі, өнеге етуге тұратын жан.* (Нұрғали. Жаксылықтың шуағы). Жан (душой) измеряется благодеяние: *Зайыры мен қайырын жанмен өлшеп, Әр нәрсеге тән берген бөлек – бөлек. (Интеллект и доброта меряя душой, каждому существу дано было тело).* (Байтасов). Знать, догадываться заранее и чувствовать может только душа: *О вещая душа моя, / О сердце, полное тревоги, – / О, как ты бьешься на пороге / Как бы двойного бытия!* (Тютчев Ф. О вещая душа моя...).

Чувствовать на расстоянии чужую боль – привилегия жан (души): *Бүгінде неге сонша мұңданамын, Табанында тозамын бір қаланың. Жаныңның ауырғанын жаным сезді, Осы екен ғой өмірде мұздағаным. (Сегодня печаль на сердце, измучаюсь в городе, душа чувствует, что болит у тебя душа, Вот что значит замерзнуть в этом мире).* (Мәлікова. Жан).

Следует отметить, что пища и все, что связано с едой, может нести символический смысл. К примеру, приготовление пищи женщиной для своей семьи может символизировать любовь, заботу, благодарность и т. д. Приготовление еды также может быть

символом самовыражения и творчества. На духовном уровне все символы еды, а также все воды, реки, фонтаны, родники, деревья, плоды – это символы знания, питающие *душу* и дающие жизнь и бессмертие. Таким образом, сравнивая символику концептов 'душа' и 'жан', можно выделить закономерность восприятия признаков логоса как символа, что является свидетельством значительного совпадения признаков этих концептов в рассматриваемых лингвокультурах. Проблемы человеческого бытия могут быть более полно раскрыты на основе мифологического материала в разноразличных лингвокультурах, несмотря на принадлежность к разному вероисповеданию.

Список литературы

1. Пименова М.В. Концепт *надежда* в русской языковой картине мира // Человек и его язык:

- к 75-летию проф. В.П. Недялкова / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. Кемерово: ИПК «Графика», 2003. Вып. 4. С. 47-66.
2. Пименова М.В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ. Кемерово, 2007. Вып. 9. 500 с.
3. Иоффе Г.А. Словарь библейских крылатых слов и выражений. СПб.: «Петербург – XXI век», 2000. 480 с.
4. Маковский М.М. Язык – Миф – Культура. М.: Русские словари, 1996. 330 с.
5. Купер Дж. Энциклопедия символов. Серия «Символы». Книга 4. М.: Ассоциация Духовного Единения «Золотой Век», 1995. 416 с.
6. Мизун Ю.В., Мизун Ю.Г. Тайны языческой Руси. М.: Вече, 2000. 448 с.

Поступила в редакцию 13.04.2017 г.

Отрецензирована 18.05.2017 г.

Принята в печать 26.07.2017 г.

Конфликт интересов отсутствует

Информация об авторах

АЙДАРБЕКОВА Алия Сарыбаевна, старший преподаватель кафедры тюркологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан, e-mail: aid.aleka@mail.ru

МУСАБЕКОВА Урзада Абилкасимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан, e-mail: mussabekowa@jandex.kz

Для цитирования

Айдарбекова А.С., Мусабекова У.А. Символические признаки в структуре концептов 'душа' и 'жан' // Неофилология. 2017. Т. 3. № 3 (11). С. 38-43.

UDC 81-2

SYMBOLIC FEATURES IN THE STRUCTURE OF THE CONCEPTS 'SOUL' AND 'JAN'

© Aliya Sarybaevna AYDARBEKOVA

© Urzada Abilkasimovna MUSABEKOVA

L.N. Gumilyov Eurasian National University
2 Satpaev St., Astana, Republic of Kazakhstan, 010008
E-mail: mussabekowa@jandex.kz

Abstract. The issues of conceptual research in modern linguistics, one of the new cognitive and linguacultural directions are considered. The notion "picture of the world" arose at the turn of the 19th–20th centuries and it is fundamental in cognitive linguistics. V. von Humboldt wrote that man's thinking and his conception of the world are determined by a concrete language. The language picture of the world is formed taking into account the national specificity of the language, as well as the world outlook of the people. Thus, the language can be considered as a reflection of the linguistic picture of the world of an individual ethnos. The concept is the basis of the linguistic picture of the world. Conceptual analysis is made in order to reconstruct all knowledge and ideas of the concept. The concepts of the inner world of human, which are basic both in Russian and in Kazakh linguaculture are considered. Also the analysis of revealed symbolic features expressing complex ancient and other cultural ideas in the structure of concepts for uncovering and describing the ethnic originality of the verbalization of the 'soul' and 'jan' concepts are given. Also relations of the soul with the signs of the logos through the prism of the mythological and religious outlook of human are described.

Keywords: language picture of the world; concept; structure of concept; symbolic sign; myth; metaphor

References

1. Pimenova M.V. Kontsept nadezhda v russkoy yazykovoy kartine mira [Concept hope in Russian linguistic world-image]. *Chelovek i ego yazyk: k 75-letiyu professora V.P. Nedyalkova* [A Human and His Language: to the 75th Anniversary of Professor V.P. Nedyalkov]. Kemerovo, Institution of Further Training "Grafika" Publ., 2003, no. 4, pp. 47-66. (In Russian).
2. Pimenova M.V. *Kontsept serdtse: obraz, ponyatie, simvol* [Concept Heart: Image, Notion, Symbol]. Kemerovo, 2007, no. 9, 500 p. (In Russian).
3. Ioffe G.A. *Slovar' bibleyskikh krylatykh slov i vyrazheniy* [Dictionary of Biblical Catchwords and Sayings]. St. Petersburg, "Peterburg – XXI vek" Publ., 2000, 480 p. (In Russian).
4. Makovskiy M.M. *Yazyk – Mif – Kul'tura* [Language – Myth – Culture]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1996, 330 p. (In Russian).
5. Kuper D. *Entsiklopediya simvolov. Seriya «Simvol»*. Kniga 4 [Encyclopedia of Symbols. Series "Symbols". Book 4]. Moscow, Association of Spiritual Unity "Zolotoy Vek" Publ., 1995, 416 p. (In Russian).
6. Mizun Y.V., Mizun Y.G. *Tayny yazycheskoy Rusi* [Secrets of Ethnic Ancient Rus]. Moscow, Veche Publ., 2000, 448 p. (In Russian).

Received 13 April 2017

Reviewed 18 May 2017

Accepted for press 26 July 2017

There is no conflict of interests.

Information about the authors

AYDARBEOVA Aliya Sarybaevna, Senior Lecturer of Turkology Department, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan, e-mail: aid.aleka@mail.ru

MUSABEOVA Urzada Abilkasimovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Turkology Department, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan, e-mail: mussabekowa@jandex.kz

For citation

Aydarbekova A.S., Musabekova U.A. Simvolicheskie priznaki v strukture kontseptov 'dusha' i 'zhan' [Symbolic features in the structure of the concepts 'soul' and 'jan']. *Neofilologiya – Neophilology*, 2017, vol. 3, no. 3 (11), pp. 38-43. (In Russian, Abstr. in Engl.).

МЕТОДИКА И МЕТОДОЛОГИЯ

УДК 37.02+811.161.1.06

«РОССИЕВЕДЕНИЕ» В АСПЕКТЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

© **Жанна Ивановна ЖЕРЕБЦОВА**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: zherebtsova@inbox.ru

Аннотация. Представлен учебно-методический комплекс «Россиеведение», дано определение понятию «россиеведение» как учебной дисциплины, обосновано появление данной дисциплины в школьном курсе, а также методического описания основ обучения россиеведению в ходе изучения русского языка как неродного. Обозначены структура учебно-методического комплекса, цель, основные задачи (образовательные, развивающие, воспитательные), содержание дисциплины, учебный материал, реализуемые подходы, характер обучения, отличительные черты. Изложена краткая характеристика и цель каждой части учебно-методического комплекса «Россиеведение», учебный материал которого взаимосвязан в тематическом и содержательном плане со всеми частями учебно-методического комплекса: рабочая тетрадь для учащихся, хрестоматия, сценарии внеурочных мероприятий, электронное приложение, методические рекомендации для преподавателей, рабочая тетрадь для преподавателей. Обозначены подходы, в рамках которых реализуется всестороннее изучение многообразия национально-культурной специфики России в аспекте изучения русского языка как неродного. Отдельное внимание уделено учебному курсу по совершенствованию профессиональных компетенций учителей филологического профиля в области методики преподавания русского языка как неродного в культурологическом аспекте, определены цели, задачи и содержание курса. Предложены рекомендации по целевому использованию учебно-методического комплекса «Россиеведение».

Ключевые слова: русский язык как неродной; учебно-методический комплекс; россиеведение; национально-культурная специфика; лингвокультурология; лингвострановедение

В современных условиях, когда межнациональное общение приобретает все более широкие масштабы, проблема специфики национальных языковых систем привлекает все более пристальное внимание лингвистов и методистов. В настоящее время как в собственно лингвистических, так и в прикладных (лингвометодических) целях осуществляются исследования национально-культурной специфики языковых единиц, то есть изучение зафиксированного в языке отображения особенностей духовной и материальной культуры того или иного народа.

Исследование национально-культурной специфики языковых единиц является актуальной лингвистической и лингвометодической проблемой. В лингвистическом плане национальные особенности семантики язы-

ковых единиц представляют интерес с точки зрения выявления отраженной в них специфики языковой картины мира, присущей тому или иному народу. В лингвометодическом плане такие исследования позволяют выявить языковой материал, актуальный для лингвокультурологического описания в учебных целях для практики преподавания русского языка как неродного.

В данном аспекте особое значение имеет исторический опыт России в сфере сохранения и развития социокультурного, образовательного и информационного пространства. Междисциплинарный подход к изучению русского языка как неродного позволяет охватить новые аспекты всестороннего исследования России.

Формирование языковых и речевых компетенций по русскому языку как неродному с позиции лингвокультурологического и лингвострановедческого подхода учитывает национально-культурную специфику народов России. Исследование России как социокультурной системы с позиции изучения русского языка направлено на формирование у учащихся представлений о России как о многонациональной культурной системе, элементы которой находят выражение в образцах культурного наследия русского народа (русский фольклор, русский речевой этикет и воплощение русского характера в произведениях литературы, живописи, вокального и танцевального народного искусства). Использование метода «диалог культур» позволяет придерживаться направления «от национального культурно-нравственного опыта народов России к русской культуре» посредством изучения русского языка. Данное направление учитывает потребность обучающихся в демонстрации собственной национальной идентичности и презентации родной культуры, которая реализуется посредством русского языка.

Изучение этнического, культурного разнообразия России, ее национально-государственного устройства в рамках образовательного процесса является в современной практике обучения русскому языку как неродному учащихся национальных школ и совершенствования кадрового потенциала одной из первостепенных задач языковой политики России.

Так, на базе Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина в рамках реализации мероприятий Федеральной целевой программы «Русский язык на 2016–2020 гг.» был разработан учебно-методический комплекс «Россиеведение», *целью* которого является систематизация у учащихся знаний и представлений о России как о многонациональной культурной системе. Элементы данной социокультурной системы находят выражение в образцах национально-культурного наследия российских народов (фольклор, речевой этикет и воплощение национального характера в произведениях литературы, живописи, вокального и танцевального народного искусства).

Россиеведение – это учебная дисциплина синтезирующего типа, образовавшаяся на стыке лингвокультурологии и лингвострано-

ведения, реализующая практику отбора и презентации в процессе обучения русскому языку как неродному сведений о национально-культурной специфике России в аспекте изучения русского языка и культуры.

Учебно-методический комплекс «Россиеведение» состоит из семи частей.

1. Учебное пособие

Учебное пособие является основой учебно-методического комплекса «Россиеведение» [1]. Цель учебного пособия – систематизировать у учащихся знания и представления о России как о многонациональной культурной системе, элементы которой находят выражение в образцах культурного наследия российских народов. Учебный материал пособия взаимосвязан в тематическом и содержательном плане со всеми частями учебно-методического комплекса «Россиеведение»: рабочая тетрадь для учащихся, хрестоматия, сценарии внеурочных мероприятий, электронное приложение, методические рекомендации для преподавателей, рабочая тетрадь для преподавателей. Лингвокультурологические аспекты всестороннего изучения многообразия национально-культурной специфики России реализуются при использовании междисциплинарного и компетентностного подходов в качестве ведущих.

2. Рабочая тетрадь для учащихся

Рабочая тетрадь для учащихся содержит задания практического характера, изложенные в тематическом порядке, представленном в учебном пособии [2]. Цель рабочей тетради к учебно-методическому комплексу «Россиеведение» – отработать и закрепить изученный материал. Задания имеют творческий характер, направлены на развитие метаумений, могут выполняться как индивидуально, так и коллективно, тематически взаимосвязаны с основным учебным материалом урока, представленного в учебном пособии «Россиеведение». Этап и своевременность обращения к рабочей тетради определены в учебном пособии, где отдельные задания предусматривают отсылку к рабочей тетради.

3. Хрестоматия

Хрестоматия содержит дополнительный учебный материал, предлагаемый для углубленного изучения россиеведения, изложен в тематическом порядке, представленном в учебном пособии [3]. Цель хрестоматии – дополнить учебный материал учебного посо-

бия по руссиеведению, расширить кругозор учащихся, продемонстрировать на примерах из художественной, справочной, иллюстративной литературы явления, раскрывающие национально-культурную специфику народов России в соответствии с изучаемой темой. Материал хрестоматии может быть включен как в работу в классе, так и в качестве домашнего задания, а также предложен для самостоятельного ознакомления. Этап обращения к материалу хрестоматии определен в каждом уроке учебного пособия «Руссиеведение».

4. Сценарии внеурочных мероприятий

Сборник тематических сценариев внеурочной деятельности является частью учебно-методического комплекса «Руссиеведение», включает готовые разработки внеклассных мероприятий по темам изучения, предложенным в учебном пособии [4]. Цель сборника – продемонстрировать, как может быть организована внеучебная деятельность по отработке и закреплению знаний, полученных в ходе изучения русского языка в аспекте лингвокультурологии и лингвострановедения. Материал сборника может быть использован в учебном процессе как в составе учебно-методического комплекса «Руссиеведение», так и самостоятельно.

Опыт работы показывает, что активное включение учащихся средних образовательных учреждений в совместную деятельность учебных заведений и учреждений культуры через проектную деятельность служит достижению образовательной цели – изучение русского языка как государственного, отработка речевых навыков и умений, полученных в ходе практических занятий по русскому языку, развивающей – формирование метаумений (наблюдательность, внимание, анализ, сравнение, сопоставление и др.), воспитательной – формирование духовно-нравственных ориентиров, чувства гуманизма, коллективизма, толерантного отношения к другой культуре, уважительного отношения к России, русскому народу и его культуре, помощи в самоопределении как гражданина России с наличием собственной культуры.

5. Электронное приложение

Электронное приложение является частью учебно-методического комплекса «Руссиеведение», полностью отражает содержа-

ние учебного пособия данного учебно-методического комплекса, содержит прямые гиперссылки на различные источники, представленные в интернете в свободном доступе [5]. Данные материалы имеют демонстрационный характер, включают визуальный ряд, аудио- и видеоконтент, и призваны расширить кругозор учащихся по изучаемой теме, углубить знания культурных российских реалий. Работа с электронным приложением может быть организована как на уроке (при наличии доступа в Интернет), так и в качестве домашней работы.

6. Методические рекомендации для преподавателей

Методические рекомендации для преподавателей содержат изложение методических сведений пояснительного характера о ходе каждого урока в тематическом порядке, представленном в учебном пособии [6]. Цель методических рекомендаций – сформировать у преподавателей русского языка как неродного методическую компетенцию, направленную на готовность к преподаванию руссиеведения, систематизировать представления о теоретических и методических основах обучения русскому языку в аспекте культуры, научить педагогов моделировать у учащихся, изучающих русский язык как неродной, базовые фоновые знания о культуре российских народов. В методических рекомендациях отражены цели и задачи каждого урока, содержание вступительного слова учителя, методически обосновано каждое задание учебного пособия, порядок их выполнения и целесообразность используемых приемов работы.

7. Рабочая тетрадь для преподавателей

Рабочая тетрадь для преподавателей содержит задания для преподавателей методического характера, которые изложены в тематическом порядке, представленном в учебном пособии [7]. Цель рабочей тетради для преподавателей к учебно-методическому комплексу «Руссиеведение» – оценить уровень сформированности практических навыков и умений, необходимых для решения конкретных методических задач в ходе преподавания руссиеведения. Задания рабочей тетради для преподавателей направлены развитие таких профессиональных компетенций, как умение соотносить содержание обучения руссиеведению с его целями, анализи-

ровать и интерпретировать приемы, методы и этапы обучения россиеведению как пути и способы достижения поставленной цели, моделировать каждый отдельный урок в соответствии с современными методическими требованиями к процессу обучения русскому языку в полиэтнической аудитории.

Учебно-методический комплекс «Россиеведение» служит решению следующих **задач обучения**:

1) образовательных:

- систематизировать у учащихся имеющиеся знания в области национально-культурного многообразия России и знакомить их с новыми элементами национальных культур;
- расширять словарный запас по темам, применять в устной речевой ситуации лексико-грамматический материал по темам;
- формировать навыки употребления речевых моделей, необходимых для сообщений сведений о культуре России;
- формировать умения в монологической и диалогической речи;

2) развивающих:

- активизировать у учащихся все виды речевой деятельности;
- совершенствовать фонетические навыки, различные виды памяти, навыки активного слушания, логического, образного мышления, анализа, сравнения, сопоставления, демонстрации;
- развивать навык публичного выступления при презентации собственных результатов;
- способствовать развитию мотивации в познании индивидуальности и общности культуры народов России;
- содействовать расширению кругозора, формированию духовно-нравственных ценностей;

3) воспитательных:

- воспитывать культуру поведения при фронтальной работе, групповой работе и работе в парах;
- воспитывать толерантное отношение к культурному наследию народов разных национальностей, доброжелательное отношение друг к другу;
- воспитывать уважение и интерес к собственной культуре, осознание собственной этнической идентичности, значимости в преемственности поколений.

Основной принцип обучения «диалог культур» учитывает потребность обучающихся в демонстрации собственной национальной идентичности и презентации родной культуры, которая реализуется посредством русского языка.

Авторский коллектив представлен преподавателями и русского языка как иностранного, и русского языка факультета филологии и журналистики и специалистами по социально-культурной деятельности Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина.

Содержание учебно-методического комплекса «Россиеведение» представлено в табл. 1.

Данное тематическое содержание представлено в такой же последовательности во всех частях учебно-методического комплекса «Россиеведение». На изучение каждой отдельной темы отводится количество, определяемое учителем самостоятельно в зависимости от уровня сформированности речевых умений по русскому языку.

Учебным материалом пособия служат учебно-научные тексты, образцы литературы, фольклора, живописи, сведения о традициях и обычаях российских народов, материалы музейных экспозиций, видеосюжеты тематического культуроведческого характера.

Учебное пособие направлено на совершенствование и на активизацию лексико-грамматических знаний по русскому языку в соответствии с изучаемой темой. Использование учебного пособия предусматривает ведущие подходы в обучении русскому языку как неродному, реализация которых предполагает текстоцентрический характер обучения:

- междисциплинарный подход;
- компетентностный подход;
- личностно-ориентированный подход;
- коммуникативно-деятельностный подход;
- лингвокультурологический подход;
- страноведческий подход.

Учебно-методический комплекс «Россиеведение» отличает соответствие положениям Концепции преподавания русского языка и литературы в общеобразовательных организациях РФ, обучение в контексте изучения языка и культуры, богатый культурологический материал, учет межпредметных связей, взаимосвязь урочной и внеурочной

Таблица 1

Содержание учебно-методического комплекса «Россиеведение»

№ п/п	Тема урока	Автор-составитель
1	Россия. Территория. Федеральные округа	Т.А. Дьякова
2	Государственные символы России. Гимн России. Политическая система России	Т.А. Дьякова
3	Республики России. Столицы республик. Население. Языки	И.Ю. Мизис
4	Религиозные конфессии в России	Е.В. Дубровина
5	Национальные костюмы	Ж.И. Жеребцова
6	Москва и Санкт-Петербург: две столицы	И.Ю. Мизис
7	Топонимия Санкт-Петербурга и Москвы	А.С. Щербак
8	Золотое кольцо России	Т.А. Дьякова
9	Жилища и быт народов России	Ж.И. Жеребцова
10	Народные промыслы России	И.Ю. Мизис
11	Национальная кухня	М.В. Холодкова
12	Современная российская семья: проблемы и ценности	Ж.И. Жеребцова
13	Образование в России	М.В. Холодкова
14	История России в именах и фамилиях	А.С. Щербак
15	Памятники великим людям России	М.В. Холодкова
16	Известные художники России. В.И. Суриков	Е.В. Дубровина
17	Знаменитые композиторы России. П.И. Чайковский	Е.В. Дубровина
18	Имена собственные северокавказского региона России	А.С. Щербак

работы. Основа обучения – методика обучения русскому языку как неродному.

В рамках реализации мероприятий ФЦП «Русский язык на 2016–2020 гг.» преподавателями Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина Ж.И. Жеребцовой и И.Ю. Мизис был разработан учебный курс повышения квалификации «Совершенствование профессиональных компетенций учителей филологического профиля в области методики преподавания русского языка как неродного в культурологическом аспекте», который направлен на формирование у учителей методической компетенции, заключающейся в готовности к использованию в учебном процессе УМК «Россиеведение», в способности транслировать особым образом отобранную и организованную совокупность культурных ценностей, учитывающих национальный менталитет российских народов, давать системное представление языковой картины мира, формировать языковую личность и обеспечивать выполнение ведущих задач обучения.

При освоении данного учебного курса выделяются следующие задачи:

– сформировать у учителей представления о теоретических и методических основах обучения россиеведению;

– научить педагогов моделировать у учащихся, изучающих русский язык как неродной, базовые фоновые знания о культуре России, русского народа;

– сообщить способы развития у обучающихся навыков и умений объективного сопоставления фактов, явлений разных культур;

– содействовать расширению, накоплению и усвоению приемов, направленных на формирование минимума языковых единиц с национально-культурным компонентом семантики, отобранных для данного этапа обучения;

– сформировать методическую компетенцию будущих преподавателей русского языка как иностранного, а именно, сообщить необходимые и достаточные знания по методике преподавания русского языка как неродного в аспекте россиеведения.

Содержание данного учебного курса для преподавателей включает следующие темы.

1. Введение в специальность «Методика преподавания русского языка как неродного» в культурологическом аспекте. Цели, задачи и содержание курса.

2. Психолого-педагогические основы преподавания дисциплины «Россиеведение».

3. Теоретические аспекты обучения дисциплины «Россиеведение» в контексте изучения русского языка и культуры.

4. Методические основы преподавания дисциплины «Россиеведение» в школьном курсе общего образования.

5. Учебно-методический комплекс «Россиеведение».

6. Формы организации процесса обучения дисциплины «Россиеведение», его цели, структура.

7. Формирование лексических и грамматических навыков при изучении дисциплины «Россиеведение».

8. Обучение видам речевой деятельности при освоении дисциплины «Россиеведение».

9. Информационно-коммуникационные технологии при обучении дисциплины «Россиеведение».

10. Моделирование занятия по дисциплине «Россиеведение».

11. Современные образовательные технологии в обучении дисциплины «Россиеведение».

12. Изучение дисциплины «Россиеведение» с использованием ресурсов учреждений культуры.

Учебно-методический комплекс «Россиеведение» может быть рекомендован в качестве основной учебной литературы в элективном курсе по русскому языку в российских общеобразовательных школах с многонациональным составом обучения, а также в качестве дополнительного источника учебно-методических материалов при обучении русскому языку как в основной школе, так и в языковых школах дополнительного образования.

Список литературы

1. Россиеведение: учебное пособие / Е.В. Дубровина, Т.А. Дьякова, Ж.И. Жеребцова, И.Ю. Мизис, М.В. Холодкова, А.С. Щербак; под общ. ред. Ж.И. Жеребцовой. Тамбов: Изд-во ТОИПКРО, 2017.
2. Россиеведение: рабочая тетрадь для учащихся / Е.В. Дубровина, Т.А. Дьякова, Ж.И. Жеребцова, И.Ю. Мизис, М.В. Холодкова, А.С. Щербак; под общ. ред. Ж.И. Жеребцовой. Тамбов: Изд-во ТОИПКРО, 2017.
3. Россиеведение: хрестоматия / Е.В. Дубровина, Т.А. Дьякова, Ж.И. Жеребцова, И.Ю. Мизис, М.В. Холодкова, А.С. Щербак; под общ. ред. Ж.И. Жеребцовой. Тамбов: Изд-во ТОИПКРО, 2017.
4. Россиеведение: сборник тематических сценариев внеурочной деятельности / М.М. Корнишина. Тамбов: Изд-во ТОИПКРО, 2017.
5. Россиеведение: электронное приложение / Е.В. Дубровина, Т.А. Дьякова, Ж.И. Жеребцова, И.Ю. Мизис, М.В. Холодкова, А.С. Щербак; под общ. ред. Ж.И. Жеребцовой. Тамбов: Изд-во ТОИПКРО, 2017. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).
6. Россиеведение: методические рекомендации для преподавателей / Е.В. Дубровина, Т.А. Дьякова, Ж.И. Жеребцова, И.Ю. Мизис, М.В. Холодкова, А.С. Щербак; под общ. ред. Ж.И. Жеребцовой. Тамбов: Изд-во ТОИПКРО, 2017.
7. Россиеведение: рабочая тетрадь для преподавателей / Е.В. Дубровина, Т.А. Дьякова, Ж.И. Жеребцова, И.Ю. Мизис, М.В. Холодкова, А.С. Щербак; под общ. ред. Ж.И. Жеребцовой. Тамбов: Изд-во ТОИПКРО, 2017.

Поступила в редакцию 30.06.2017 г.

Отрецензирована 20.07.2017 г.

Принята в печать 26.07.2017 г.

Информация об авторе

ЖЕРЕБЦОВА Жанна Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, e-mail: zherebtsova@inbox.ru

Для цитирования

Жеребцова Ж.И. «Россиеведение» в аспекте изучения русского языка и культуры // Неофилология. 2017. Т. 3. № 3 (11). С. 44-51.

UDC 37.02+811.161.1.06

“RUSSIAN STUDIES” IN THE ASPECT OF RUSSIAN LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

© Zhanna Ivanovna ZHEREBTSOVA

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000
E-mail: zherebtsova@inbox.ru

Abstract. The academic and methodological complex “Russian studies” is presented. The definition of the notion “Russian studies” as of educational subject is presented. The introduction of this discipline in student course is founded and also methodic description of the fundamentals of Russian studies teaching during learning Russian language as a foreign is presented. The structure of academic and methodological complex, the basic tasks, (educational, developing), the content of the discipline, educational materials, realized approaches, the nature of education, some peculiar features are marked. The short characteristics and aim of each part of academic and methodological complex “Russian studies” are given. The learning material is connected with all parts of academic and methodological complex: work-book for students, chrestomathy, scripts of extracurricular events, electronic application, methodic recommendations for teachers, workbook for teachers. The approaches are marked. The all-sided study of national and cultural specifics diversity of Russia in the aspect of Russian language study as of foreign is made within their framework. The attention is paid to educational course aimed at improvement of professional competences of philology teachers in the sphere of teaching methods of Russian language as of foreign language in culturology aspect, the aims, tasks and content of the course are defined. The recommendations on target use of academic and methodological complex “Russian studies” are proposed.

Keywords: Russian language as a foreign; academic and methodological complex; Russian studies; national-cultural specifics; linguistic culturology; linguistic country studies

References

1. Dubrovina E.V., Dyakova T.A., Zherebtsova Z.I., Mizis I.Y., Kholodkova M.V., Shcherbak A.S. (authors-compilers). *Rossievedenie: uchebnoe posobie* [Russian Studies: Study Guide]. Tambov, Publ. of Tambov Regional Institute of Improvement of Professional Skill of Workers of Education, 2017. (In Russian).
2. Dubrovina E.V., Dyakova T.A., Zherebtsova Z.I., Mizis I.Y., Kholodkova M.V., Shcherbak A.S. (authors-compilers). *Rossievedenie: rabochaya tetrad' dlya uchashchikhsya* [Russian Studies: Workbook for Students]. Tambov, Publ. of Tambov Regional Institute of Improvement of Professional Skill of Workers of Education, 2017. (In Russian).
3. Dubrovina E.V., Dyakova T.A., Zherebtsova Z.I., Mizis I.Y., Kholodkova M.V., Shcherbak A.S. (authors-compilers). *Rossievedenie: khrestomatiya* [Russian Studies: Reading-Book]. Tambov, Publ. of Tambov Regional Institute of Improvement of Professional Skill of Workers of Education, 2017. (In Russian).
4. Kornishina M.M. (author-compiler). *Rossievedenie: sbornik tematicheskikh stsenariy vneurochnoy deyatel'nosti* [Russian Studies: Digest of Thematical Scenario of Extracurricular Activity]. Tambov, Publ. of Tambov Regional Institute of Improvement of Professional Skill of Workers of Education, 2017. (In Russian).
5. Dubrovina E.V., Dyakova T.A., Zherebtsova Z.I., Mizis I.Y., Kholodkova M.V., Shcherbak A.S. (authors-compilers). *Rossievedenie: elektronnoe prilozhenie* [Russian Studies: Electronic Application]. Tambov, Publ. of Tambov Regional Institute of Improvement of Professional Skill of Workers of Education, 2017, 1 electronic optical disk (DVD-ROM). (In Russian).
6. Dubrovina E.V., Dyakova T.A., Zherebtsova Z.I., Mizis I.Y., Kholodkova M.V., Shcherbak A.S. (authors-compilers). *Rossievedenie: metodicheskie rekomendatsii dlya prepodavateley* [Russian Studies: Methodical Recommendations for Teachers]. Tambov, Publ. of Tambov Regional Institute of Improvement of Professional Skill of Workers of Education, 2017. (In Russian).

7. Dubrovina E.V., Dyakova T.A., Zhrebtsova Z.I., Mizis I.Y., Kholodkova M.V., Shcherbak A.S. (authors-compilers). *Rossievedenie: rabochaya tetrad' dlya prepodavateley* [Russian Studies: Workbook for Teachers]. Tambov, Publ. of Tambov Regional Institute of Improvement of Professional Skill of Workers of Education, 2017. (In Russian).

Received 30 June 2017

Reviewed 20 July 2017

Accepted for press 26 July 2017

Information about the author

ZHEREBTSOVA Zhanna Ivanovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language as a Foreign Department, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, e-mail: zhrebtsova@inbox.ru

For citation

Zherebtsova Z.I. «Rossievedenie» v aspekte izucheniya russkogo yazyka i kul'tury [“Russian studies” in the aspect of Russian language and culture studies]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2017, vol. 3, no. 3 (11), pp. 44-51. (In Russian, Abstr. in Engl.).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-191

РЕЦЕПЦИИ ТВОРЧЕСТВА ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

© Сергей Евгеньевич БИРЮКОВ

Галле-Виттенбергский университет им. Мартина Лютера
06108, Федеративная Республика Германия, Саксония-Анхальт, г. Галле, Универзитэсплатц, 10
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: sibirjukov@googlemail.com

Аннотация. Как исследователь С.Е. Бирюков прежде всего обращается к поэзии русского футуризма, ее корням в более ранней поэзии и продолжению ее традиций в новейшей поэзии. В связи с этим рассмотрено творческое своеобразие одного из основоположников русского футуризма и реформатора поэтического языка В. Хлебникова. Отмечено, что более серьезное освоение грандиозного хлебниковского замысла началось после смерти поэта. Особый интерес вызывают обращения к творчеству поэта в современной поэзии. Рассмотрены наиболее яркие примеры активной рецепции поэзии В. Хлебникова в русской литературе XX–XXI веков. Показано влияние поэта на творчество С.Е. Бирюкова. В своем поэтическом творчестве С.Е. Бирюков выступает прямым продолжателем русских футуристов, обращаясь в первую очередь к таким способам поэтического высказывания, как заумь, стих, мотивированный аллитерацией, а также к визуальной и сонорной поэзии. С.Е. Бирюков известен также мастерской декламацией своих произведений, а также футуристической поэзии начала XX века: «авторское чтение любых его текстов являет собой артистичное шоу». Авторские обращения в качестве исследователя и поэта к В. Хлебникову продолжают до сих пор, так как В. Хлебников представляется узловой фигурой не только минувшего века, но и наступившего.

Ключевые слова: русская литература XX–XXI веков; русский авангард; В. Хлебников; рецепция

Реакция на появление Велимира Хлебникова на литературной сцене была резко контрастной: от полного неприятия до полного приятия. Во время начальных публикаций В. Хлебников был одним из ряда авторов, впервые выходящих к читателю. Публикаций было не так уж много, но даже и это немногое обращало на себя внимание своей резкой выделенностью. Полное приятие демонстрировали, естественно, близкие по духу поэты и художники, но им В. Хлебников был известен в большем объеме и вблизи. Но и другие не могли уклониться от воздействия его творчества. Известны реакции В.Я. Брюсова, Вяч. Иванова, М.А. Кузмина, О.Э. Мандельштама и других авторов того времени. Однако более серьезное освоение грандиозного хлебниковского замысла началось после его смерти (В.П. Григорьев хорошо показал

это на примере О.Э. Мандельштама и особенно в период подготовки и выхода знаменитого пятитомника (1928–1932) [1, с. 635–700]).

Наиболее яркий пример активной рецепции в 1920–1930-е гг. – отношение обэриутов, которые, благодаря Н.Л. Степанову, имели возможность знакомиться с наследием поэта в допечатном виде. Аристократическое происхождение обэриутов – от «Маркизы Дзэс» – подчеркивал Н.И. Харджиев [2, с. 52–53].

Затем В. Хлебников на долгие годы оказался закрыт. В советской поэзии мы находим лишь отголоски его поисков – отчасти у С. Кирсанова, М. Кульчицкого, Н. Глазкова, А. Вознесенского или хотя бы эмпатические отсылки (Б. Слуцкий).

За пределами печатных площадей в советское время опыт В. Хлебникова учитывали Владимир Казаков, Елизавета Мнацаканов

ва, Геннадий Айги, Александр Кондратов, Вилен Барский, поэты-лианозовцы (Вс. Некрасов, Г. Сапгир, И. Холин), поэты «группы Леонида Черткова» (особенно сам Чертков и Валентин Хромов), Ры Никонова и Сергей Сигей, Владимир Эрль, Ольга Седакова, Валерий Шерстяной, Дмитрий Авалиани, Константин Кедров, Елена Кацюба, Анна Альчук, Игорь Лоцилов, Арсен Мирзаев, Александр Федулов.

Нередко современные поэты вступают в диалог с В. Хлебниковым, либо посвящая ему стихи, либо входя в соприкосновение с отдельными текстами или множественностью текстов.

Два примера такого диалога рассмотрела немецкая исследовательница Энрика Шмидт. Так, она верно показала пародийный характер действий Д.А. Пригова по отношению к русскому авангарду на примере его «азбук». В частности, она приводит фрагмент из «Девятой азбуки»:

Не я первый придумал приписывать буквам
какие-либо смысловые значения.

Но я первый понял Азбуку как строгую последовательность этих значений, в совокупности своей представляющих грандиозную драматургию мироздания и бытия.

А – это первое и изначальное

Б – это странное и безначальное

В – это что-то ненарочное [3, с. 156].

Обращает на себя внимание отказ от определенности (в отличие от таковой у В. Хлебникова) в трактовке букв. Д.А. Пригов знает о произвольности знака и посмеивается над этой произвольностью. Современный автор, как правило, ставит под сомнение все и вся, а в данном случае просто переводит серьезное в развлекательное, анекдотическое, что, по сути, мало отличается от реакции на авангардные идеи газетных репортеров 1910-х гг.

Совершенно иначе подходил к знаку В. Хлебников. В статье «Художники мира!» он писал:

Задачей труда художников было бы дать каждому виду пространства особый знак. ...Можно было бы для этого мирового словаря, самого краткого из существующих, сохранить начертательные знаки. Конечно, жизнь внесет свои поправки, но в жизни всегда так бывало, что внача-

ле знак понятия был простым чертежом этого понятия. И уж из этого зерна росло дерево особой буквенной жизни.

Мне Вэ кажется в виде круга и точки в нем:

Ха – в виде сочетания двух черт и точки:

Зэ – вроде упавшего К, зеркало и луч:

Л – круговая площадь и черта оси:

Ч – в виде чаши:

ЭС – пучок прямых: [4, с. 622-623].

Э. Шмидт показывает на примере творчества Сергея Сигея (р. 1947), что эта тенденция может быть подхвачена и в наше время. Описав его «Собуквы» (сплеты букв, лигатуры), она приходит к выводу, что визуальная поэзия С. Сигея «с пафосом идет по пути футуристической утопии, желая превратиться в «первый подступ к поэзии третьего тысячелетия» [3, с. 158]).

Отношение С. Сигея к творчеству В. Хлебникова сложное и напряженное. Иным оно и не может быть, поскольку С. Сигей стремится держать в поле своего внимания опыт всего авангардного движения. Подчеркивая фундаментальность В. Хлебникова (например: «Футуристическую драму... порождает Хлебников» [5, с. 377], С. Сигей как будто специально обращается в своих исследованиях и творениях к другим авторам, которые являются изобретателями или приверженцами явных приемов – Алексей Крученых, Василиск Гнедов, Илья Зданевич, Александр Туфанов, Сергей Подгаевский...

Показателен в этом отношении обзор «Краткая история визуальной поэзии в России», который С. Сигей опубликовал в 1990 г. Начинается обзор так: «Велимир Хлебников в статье «Художники мира!», написанной в 1919 г., предлагал создать письменный язык, понятный любым народам земли...». Продолжается так: «Сам Хлебников не отважился отправиться в неизведанные области превращения всем привычного стихотворения в нечто новое и настолько пластичное, что грань между вербальным и визуальным перестала бы ощущаться как разделительная черта, мешающая абсолютному синкретизму» [6, с. 9].

Хлебниковская фундаментальность, таким образом, остается там, где ей и положено быть – в основании. С. Сигей выступает наследником утопических авангардных проектов, причем, с полным осознанием утопии

утопией. Так, например, он пишет в книге «Собуквы», что его работа над сплётками букв в собственных и чужих текстах «породила целую утопию переписьма» [7, без нумерации страниц]. Здесь же приведены примеры переписьма 1972 г., в том числе переписываются тексты В. Хлебникова. Сигей-переписчик выступает под именем «**сержб-риннь**». Здесь он применяет сплеты букв, а также надстрой и встрой. Между прочим, С. Сигей в своих рассуждениях о визуальном языке обходит стороной хлебниковские знаки, но, видимо, держит в уме следующие слова В. Хлебникова: «Но это ваша, художники, задача изменить или усовершенствовать эти знаки. Если вы постройте их, вы завяжете узел общезвездного труда» [4, с. 623]. Далее он дает первые образцы пересказа на этом языке. Но до этого обращается к художникам с обоснованной догадкой: «Конечно, вы будете бояться чужого вдохновения и следовать своему пути» [4, с. 623].

Эта догадка вполне оправдалась уже в случае с Туфановым, который вместе с Борисом Эндером предложил иной вариант азбуки. С. Сигей тоже ищет свои пути. Мне представляется, что это все-таки больше поиск визуального разнообразия текста, нежели поиск того языка, о котором говорит В. Хлебников. А он заканчивал свою статью так: «Конечно, эти опыты еще первый крик младенца, и здесь предстоит работа, но общий образ мирового грядущего языка дан. Это будет язык «заумный» [4, с. 623].

Последнее слово у В. Хлебникова взято в кавычки, что, по-моему, означает несколько иную трактовку заумного языка и зауми, отличную не только от крученыховской, но и других трактовок самого В. Хлебникова. Речь здесь идет собственно о языке, а не о стихотворной речи. Но именно заумная стихотворная речь была в первую очередь востребована в современном неоавангарде. С. Сигей как раз является блестящим поэтом-заумником. Причем он использует заумь в самых разных вариантах: и в визуальных вещах, и на стыке визуального и вербального, и в палиндромии.

В 1969 г. С. Сигей написал палиндромическую пьесу «Мил-дорог город Лим». Эта пьеса трудно поддается расшифровке, весьма схематично можно представить основную

тему – конфликт творчества и любви. На мой взгляд, по стилистике она соотносится не только с хлебниковской поэмой «Разин», но с другими его произведениями. Об этом говорит лексика, тематизм, наконец упоминается само имя В. Хлебникова, хотя и в раздробленном виде, но тем более значимом. Лиль в пьесе говорит:

В «О» кинь бел «Х», Лебников,
кинь и об зарие волос, Соловей-разбойник.
[8, с. 140].

Соловей-разбойник – в мифологии С. Сигея бесспорно положительная фигура. Здесь он сопоставляется с Лебниковым, тоже витальным образом, «Х» – в визуалах С. Сигея – изображение человека с раскинутыми руками, попадая в «О», «Х» символизирует квадрат древних – высшую гармонию.

Несколько иной опыт рецепции находим у Валерия Шерстяного (р. 1950). Особенности этого поэта в том, что он познакомился с творчеством В. Хлебникова еще в СССР, но затем в возрасте 29-ти лет переселился в ГДР и здесь вновь обратился к творчеству Велимира уже на новом уровне. Здесь существенные дополнения пришли в процессе общения с немецким поэтом, художником и мыслителем Карлфридрихом Клаусом, который очень тонко чувствовал природу хлебниковских творений. Например, сущностно важны такие его положения из эссе о поэте:

«Хлебников последовательно выполняет заповедь Лотреамона, гласящую, что «поэзия должна ставить своей целью практическую правду». Его произведения впрямую не говорят об этом, они *являются* практической правдой. Хлебниковские произведения – человеческое самосознание, реализованное в языке и на письме... Говоря о правде хлебниковских произведений, едва ли можно иметь в виду прописную мораль, которая служит для разного рода наставлений и поучений. Хлебников настолько свободен, что не обращает внимания на подобные табу о переходе границ, зачастую и своих собственных. Он не позволяет читателю (и в первую очередь – себе самому) сделать себя пленником той или иной манеры письма. Его динамичный неустойчивый почерк, вбирая жизненные пульсации, постоянно несет в себе элементы непредсказуемости – внезапного прерыва-

ния, скачки, всевозможные отклонения, в том числе алогичность, растворение в ином, наконец, пустоты» [9, с. 21-22].

В беседах со мной Валерий Шерстяной неоднократно подчеркивал, что его понимание В. Хлебникова, а также русских и немецких авангардистов оттачивалось в общении с К. Клаусом. Не повторять, а двигаться дальше, вот в чем была задача. И от слова и буквы как таковых В. Шерстяной пришел к мельчайшим элементам графем, он стал раскладывать графемы и вышел на собственное письмо, которое назвал скрибентизмом. Но параллельно он продолжал работать с русским алфавитом в его фонетическом проявлении. Исполняя алфавит и концертно, и в виде особой фонетической радиопьесы, В. Шерстяной попытался выявить все богатство потенциальных возможностей звуков, обозначенных той или иной графемой. Субъективность такого изложения, конечно, очевидна, однако в результате создается своеобразное полифоническое произведение на границе музыки и поэзии, с помощью которого автор проникает к праосновам алфавита.

Ренате Лахманн в подробном исследовании, посвященном Алфавиту В. Шерстяного, пишет:

„Am Anfang – so die mythoalphabetische Semantik – steht die Alphabetogenese. In Analogie zum Verfahren der `poetischen Etymologien` der Futuristen, besonders Chlebnikovs, das von einer Ursemantik ausgehend die Wörter auf mythologisch interpretierte Wurzeln zurückführt, exerziert Scherstjanoi seine `poetologischen Alphabetologien`“ [10, с. 34].

Еще один вариант взаимодействия с творчеством В. Хлебникова находим у Дмитрия Авалиани (р. 1938). Уже в первых публикациях, в конце 1980-х – начале 1990-х гг., Д. Авалиани подчеркивал свой интерес к хлебниковской поэтике и историософии. Похоже, что, прежде всего, его интересует мистическое у В. Хлебникова, в частности, палиндромическая и анаграмматическая составляющая его поэтики. В комбинаторной поэзии сегодня работают немало авторов. Но Д. Авалиани – один из немногих, кто подходит к этому направлению с такой мерой серьезности. Абсолютный слух на слово, виртуозное владение поэтической техникой позволяют ему добиваться в этой области замечательных результатов. Одно из его ана-

грамматических стихотворений имеет такое название: «Памяти Велимира, вольного астраханца»:

Анархиста Астрахани
гусли-слуги
разинцев, зверинца.
Зыбиться, избыться
норову речному бы,
ворону бы черному –
в печатке – царстве
в старцев аптечке.
Кочевой, овечкой,
мошкаркой – за Волгу,
за лугов ромашкой,
далью пробегу,
ладью погребу.
Копоти потоки
мысли смыли,
бодро керосинили –
добро искоренили.
Автострад в золе снуем,
Отстрадав в лозе уснем [11, с. 87].

Ближайший аналог этому стихотворению у В. Хлебникова – «Пен пан». В анаграмматическом письме Д. Авалиани добивается максимальной смысловой ясности, при этом он стремится к предельной сближенности с хлебниковским словарем, хотя допускает и некоторые отступления, которые можно оправдать поправкой на время написания текста, то есть наши дни. Впрочем, таких слов на весь текст всего два – «керосинили» и «автострад» – и оба представляют негативный план современности.

Если применительно к палиндромным и анаграммным опытам исторического авангарда можно было говорить как о своего рода языковой утопии (хотя Ежи Фарыно очень точно определял эти опыты как перепрочтение культуры, он говорил в частности о «пре-тексте» и «пост-тексте», о соединении в одном лице получателя и отправителя [12, с. 55], то сейчас мы можем говорить об уже сбывшейся «утопии». Палиндромическое творчество выплеснулось на страницы газет и журналов, антологий и отдельных книг.

Палиндромисты, начинавшие еще в 1960-е гг., прямо ведут свою родословную от В. Хлебникова: Николай Ладыгин, Владимир Гершуни, Михаил Крепс, Валентин Хромов, Сергей Сигей, Дмитрий Авалиани и др. В. Хлебников был для них первоначальным ориентиром. Самый прямой и простой при-

мер своего рода упражнения в духе В. Хлебникова – сочинения на тему «Раина». Произведения с таким названием пишет М. Крепс (1940–1995), Н. Ладыгин (1903–1975) назвал свою небольшую поэму «Восстание Раина», близкое по духу, но под названием «Тать», написал В. Гершуни (1930–1994). Но, пожалуй, самое оригинальное произведение написал новосибирский поэт Борис Гринберг. Оно называется «Мой Раин», указан жанр – «поэма». Текст такой:

Петь Степана – петь степь!..

Ему внял Емельян в уме.

Б. Гринберг в данном случае прибегает к максимальной компрессии. Это своеобразный комментарий к известному, но как настоящий палиндромист Б. Гринберг верит в магическое действие обратимого слова. Линейка, разделяющая строки, на мой взгляд, здесь тоже значима – получается «историческая» дробь.

Самому В. Хлебникову Б. Гринберг посвятил следующее произведение:

И разо – О! – Овиде
Белооко!
О, лебедиво!
О, озари! [13, с. 138].

Это так называемый монопалиндром, когда весь текст, хотя и разбитый на строки, представляет собой одну длинную строку.

Кстати, обращение именно в палиндромическом варианте к различным именам русской литературы – это уже стойкая традиция. Ее начал еще в 1960-е гг. Н. Ладыгин, создавший серию портретов русских писателей, в том числе и В. Хлебникова.

В современном палиндромном и анаграммном письме можно наблюдать любопытную метаморфозу. У многих авторов палиндромические стихи становятся настолько гладкими, что их уже почти не отличить от обычных. Авторы увлечены передачей смыслов и только сам палиндром иногда путает карты, взрывая гладкопись.

На это состояние палиндромической поэзии по-своему прореагировала поэтесса Елена Кацюба, которая в своем «Первом палиндромическом словаре современного рус-

ского языка» на примере восьми тысяч слов показала их глубокую обратимость. Ее Словарь – это своеобразное поэтическое произведение, если понимать под поэзией испытание слова на его способность к превращениям.

Взаимодействия с текстами В. Хлебникова происходят на разных уровнях. Сегодня может сложиться интереснейшая антология посвящений В. Хлебникову, различных включений его текстов и т. д. Ряд интересных текстов такого рода находим в творчестве Анны Альчук, Александра Федулова, Алексея Хвостенко.

А. Хвостенко (р. 1940) постоянно обращается к В. Хлебникову. В частности, с известной рок-группой «Аукцион» он записал аудиоальбом «Жилец вершин» – своеобразный вариант интерпретации стихов поэта. В 1983 г. А. Хвостенко написал стихотворение-посвящение «Ольге Абrego на день рождения», своего рода переложение хлебниковского «Гонимый – кем, почему я знаю?»:

Забывший кем, почему я знаю? –
Нет на вопрос ответов столько,
сестрою Волги и Дуная
родней Москвы и поля польки
мне был намек. И немом спицы
плели черт знает что, покуда
из-за полуночной столицы
вполголоса лепился Будда.
Из пены, воска и гранита,
песчаных лилий Вавилона
на берега Невы хариты
ко мне слетались для поклона [14, с. 78].

Стихотворение еще продолжается, но мы остановимся здесь, чтобы сказать, что А. Хвостенко перенимает ритм и отчасти словарь начала хлебниковского текста, а затем идет своим путем. Имя В. Хлебникова встречается и в одном из текстов А. Хвостенко в его книге 1995 г. «Продолжение». Там: «Урча, / слон Хлебникова движется по следу / слона Крылова...» Таким образом, можно сказать, что у А. Хвостенко В. Хлебников получает право нормального существования в его артистическом мире.

Несколько слов о собственном обращении к творчеству В. Хлебникова. Впервые я прочитал В. Хлебникова в 17–18 лет (1967–1968 гг.), после В. Маяковского, но уже в контексте футуристического движения, наряду с Е.Г. Гуро, А.Е. Крученых, Д.Д. Бур-

люком, В.В. Каменским, Божидаром, И. Северяниным, ранним Б. Пастернаком и Н. Асеевым. Это было первое приближение, в котором В. Хлебников привлек меня, прежде всего, музыкой слова, полиритмией, необычайным интонационным богатством. В то время я, конечно, не задумывался о таких вещах, все это просто входило, откладывалось в подсознании и как-то выявлялось потом в стихе. Разумеется, имя поэта уже тогда упоминалось в моих стихах как образ не признанного гениального художника. Затем я обратился к классическому стиху и неоклассике XX века, продолжая заниматься футуризмом, так сказать, теоретически. Во время учебы на филологическом факультете (в начале 1970-х гг.) я занимался анализом поэтики футуристов, главным образом под воздействием работ Ю.Н. Тынянова, Р.О. Якобсона, Г.О. Винокура, В.Б. Шкловского, а также Н.И. Харджиева и В.В. Тренина, их книга «Поэтическая культура Маяковского» тогда только вышла. В это же время я переписывался с Савватием Гинцем, который писал книгу о Каменском. Моя первая работа собственно о В. Хлебникове – была рецензия на книгу Н.Л. Степанова «Велимир Хлебников» (напечатана в тамбовской областной молодежной газете, кажется, в начале 1976 г.).

Возврат к В. Хлебникову произошел в начале 1980-х гг. и был связан с моими занятиями в литературной студии «Слово», которую я организовал для литераторов, не вписывающихся в официальный литпроцесс. Имелось в виду «слово как таковое». И здесь тексты В. Хлебникова и других футуристов использовались мной в качестве «учебного материала». Затем я продолжил эту работу на филологическом факультете Тамбовского университета и в студии «А3», которая явилась продолжением студии «Слово» и в то же время «учебной мастерской» при Академии Зауми (организована в 1990 г.). Я использовал метод мягкого ненавязчивого знакомства с авангардной поэзией, учитывая при этом характер дарования каждого из студийцев, особенности его первоначального письма, ни в коем случае не ставя задачи копирования приемов. По моему мнению, воздействие новейшей поэзии должно было быть опосредованным, своего рода помощью на пути к собственным художественным открытиям. При этом я, конечно, держал в уме

перспективный план создания в городе, достаточно удаленном от современных тенденций в искусстве, новой художественной ситуации. Литературой здесь признавалась весьма средняя продукция. Именно на такой уровень шла ориентация новичков. Нельзя сказать, что нам полностью удалось изменить ситуацию, но точно удалось скорректировать ее, добавив в этот тусклый пейзаж необычную краску поиска. Сейчас можно назвать ряд авторов, которые уже вызывают интерес в профессиональной среде на общероссийском уровне. Это Александр Федулов, Вадим Степанов, Владимир Мальков, Евгений Степанов, Алексей Неледин, Роман Минаев, Геннадий Минаев, Алексей Шепелев, Михаил Гавин, Елена Часовских, Екатерина Лебедева, Елена Владимирова, Сергей Лёвин. Каждый из них обладает собственным стилем, но их индивидуальные стили складывались во многом под влиянием общения с творчеством В. Хлебникова и других авангардных авторов (не только русских, мы занимались также немецким, французским, итальянским авангардом и в конце 1980-х – начале 90-х гг. провели серию открытых вечеров из истории русского и мирового авангарда). Можно сказать, что впервые был проведен прямой эксперимент по установлению контакта молодых авторов с искусством XX века, ранее закрытым.

Что касается моих собственных обращений к В. Хлебникову, то они продолжают до сих пор. Помимо исследовательских работ я обращаюсь к его творчеству и в поэтической форме. Первая большая вещь такого рода была композиция «Белый ворон», написанная в начале 1985 г. – своего рода попытка исследования поэзии поэзией (эта композиция была впервые опубликована в сборнике Первых астраханских Хлебниковских чтений, что имеет для меня особое значение). В целом же В. Хлебников остается основанием всех моих креативных устремлений [15]. Я считаю В. Хлебникова узловой фигурой не только минувшего века, но и наступившего.

Что Хлебников птицей нахохлился
что Хлебников шелестящим орешником
что бобзоби
что малыш Хлебников
что Хлебников в солдатской фуражке
что Велимир в мордовской шапке

что Зангези
 что шелест и шепот
 что речь речи речики речики
 что зинзивер
 зив чуив челять чул
 чу-у
 (последние звуки произносятся с медленным за-
 туханием).

Список литературы

1. Григорьев В.П. Будетлянин. М., 2000.
2. Харджиев Н.И. Из последних записей. Публикация М. Мейлаха // *Studie e scritti in memoria di Marzio Marzaduri*. A cura di: Giovanna Pagani-Cesa e Ol'ga Obuchova. Venecia, 2002.
3. Шмидт Э. Универсальный язык В. Хлебникова и его перевоплощение в творчестве современных русских поэтов (на примере Д. Пригова и С. Сигей) // Велимир Хлебников и мировая художественная культура на рубеже тысячелетий: 7 Международные Хлебниковские чтения. Научные доклады. Статьи. Тезисы. Астрахань, 2000.
4. Хлебников В. Творения. М.: Сов. писатель, 1987.
5. Сигей С. Пьесы Велимира Хлебникова (некоторые наблюдения) // Поэзия и живопись. Сборник трудов памяти Н.И. Харджиева / сост. и общ. ред. М.Б. Мейлаха, Д.В. Сарабянова. М., 2000.
6. Сигей С. Краткая история визуальной поэзии в России // Литература после живописи. Ученые записки Ейского историко-краеведческого музея, отдел живописи и графики. Вып. первый. Ейск, 1990.
7. Сигей С. Собуквы. М.: Гилея, 1996.
8. Сигей С. Мил-дорог город Лим // Антология русского палиндroma XX века / сост. В. Рыбинский. М., 2000.
9. Клаус К. Заметки к Хлебникову // Экспериментальная поэзия. Избранные статьи / сост. и общ. ред. Д. Булатова. Кенигсберг; Мальборк, 1996.
10. Lachmann R. Ein Neo-Abecedarius. Anmerkungen zu "Das russische abc-scribentisch" von Valeri Scherstjanoj'. Zeichen zwischen Klartext und Arabeske // hrsg. S. Kotzinger, G. Rippl. Amsterdam: Rodopi Verlag, 1994. S. 25-34.
11. Авалиани Д. Памяти Велимира, вольного астраханца // Самиздат века / сост. А.И. Стреляный, Г.В. Сапгир, В.С. Бахтин, Н.Г. Ордынский. М.: Полифакт, 1999. 518 с.
12. Faryno J. Паронимия-анаграмма-палиндром в поэтике авангарда // Wiener Slawistischer Almanach. B. 21. Wien, 1988. S. 37-62.
13. Гринберг Б. Опыты пО. Новосибирск, 2000.
14. Хвостенко А. Продолжение. СПб.: Новый город, 1994. 96 с.
15. Бирюков С.Е. Зевгма. Русская поэзия от маньеризма до постмодернизма. М.: Наука, 1994. 288 с.

Поступила в редакцию 26.05.2017 г.

Отрецензирована 20.06.2017 г.

Принята в печать 26.07.2017 г.

Информация об авторе

БИРЮКОВ Сергей Евгеньевич, кандидат филологических наук, доктор культурологии, саунд-поэт, перформер, критик, переводчик, историк и теоретик авангарда, основатель и президент Международной Академии Зауми, Галле-Виттенбергский университет им. Мартина Лютера, г. Галле, Саксония-Анхальт, Федеративная Республика Германия; почетный профессор, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, e-mail: sibirjukov@googlegmail.com

Для цитирования

Бирюков С.Е. Рецепции творчества Велимира Хлебникова в современной русской поэзии // Нефилология. 2017. Т. 3. № 3 (11). С. 52-60.

UDC 82-191

RECEPTIONS IN CREATIVE WORK OF VELIMIR KHLEBNIKOV IN MODERN RUSSIAN POETRY

© Sergey Evgenevich BIRYUKOV

Martin Luther University of Halle-Wittenberg

10 Universitaetsplatz, Halle, Saxony-Anhalt, Federal Republic of German, 06108

Tamбов State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: sibirjukov@googlemail.com

Abstract. S.E. Biryukov as a researcher applies for the poetry of Russian futurism, its roots in the earlier poetry and the continuation of its traditions in the newest poetry. In this regard the creative distinction of one of the founders of Russian futurism and reformer of poetic language of V. Khlebnikov are considered. It is marked that the more serious reclaiming of great Khlebnikov's idea began after the death of the author. The application to the author's creative work in modern poetry is of special interest. The best examples of active reception of V. Khlebnikov poetry in Russian literature in 20–21st centuries are given. The influence of the poet on creative work of S.E. Biryukov is shown. In his poetic creative work S.E. Biryukov is the continuator of Russian futurists, addressing to such ways of expression as zaum, poem, motivated by alliteration and also to visual and sonorous poetry. S.E. Biryukov is well-known for his master's declamation of his works, and also futuristic poetry at the beginning of 20th century: "author's reading of all his texts is an artistic show". Author's application as of researcher and poet to V. Khlebnikov still continues as V. Khlebnikov is a central figure not only of the passed century, but also of the coming.

Keywords: Russian literature of 20–21st centuries; Russian avant-garde; V. Khlebnikov; reception

References

1. Grigorev V.P. *Budetlyanin* [Budetlyanin]. Moscow, 2000. (In Russian).
2. Khardzhiev N.I. Iz poslednikh zapisey. Publikatsiya M. Meylakha [From the last notes. M. Meylakh's Publishing]. *Studie e scritti in memoria di Marzio Marzaduri. A cura di: Giovanna Pagani-Cesa e Ol'ga Obuchova*. Venice, 2002. (In Russian).
3. Shmidt E. Universal'nyy yazyk V. Khlebnikova i ego perevoploshchenie v tvorchestve sovremennykh russkikh poetov (na primere D. Prigova i S. Sigeya) [Universal language of V. Khlebnikov and its transformation in the works of the modern Russian poets]. *7 Mezhdunarodnye Khlebnikovskie chteniya. Nauchnye doklady. Stat'i. Tezisy «Velimir Khlebnikov i mirovaya khudozhestvennaya kul'tura na rubezhe tysyacheletiy»* [7th International Khlebnikov's Readings. Scientific Reports. Articles. Theses "Velimir Khlebnikov and Global Fiction on the Boundary of Millennia"]. Astrakhan, 2000. (In Russian).
4. Khlebnikov V. *Tvoreniya* [Masterpiece]. Moscow, Sovetskiy pisatel Publ., 1987. (In Russian).
5. Sigey S. P'esy Velimira Khlebnikova (nekotorye nablyudeniya) [Velimir Khlebnikov's plays (some observation)]. *Sbornik trudov pamyati N.I. Khardzhieva «Poeziya i zhivopis'»* [Digest of Works in Memory of N.I. Khardzhiev "Poetry and Painting"]. Moscow, 2000. (In Russian).
6. Sigey S. Kratkaya istoriya vizual'noy poezii v Rossii [Short History of Visual Poetry in Russia]. *Literatura posle zhivopisi. Uchenye zapiski Eyskogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya, otdel zhivopisi i grafiki. Vyp. pervyy* [Literature After Painting. Scholarly Notes of Local History Museum of Yeysk, Painting and Graphic Arts Department. First Issue]. Yeysk, 1990. (In Russian).
7. Sigey S. *Sobukvy* [Co-letters]. Moscow, Gileya Publ., 1996. (In Russian).
8. Sigey S. Mil-dorog gorod Lim [Nice and precious town Lim]. *Antologiya russkogo palindroma XX veka* [Anthology of Russian Palindrome of 20th Century]. Moscow, 2000. (In Russian).
9. Klaus K. Zametki k Khlebnikovu [Notes to Khlebnikov]. *Ekspperimental'naya poeziya. Izbrannye stat'i* [Experimental Poetry. Selected Articles]. Königsberg, Malbork Publ., 1996. (In Russian).

-
10. Lachmann R. Ein Neo-Abecedarius. Anmerkungen zu "Das russische abc-scribentisch" von Valeri Schers-tjanoj'. Zeichen zwischen Klartext und Arabeske. Amsterdam, Rodopi Verlag, 1994, pp. 25-34. (In German).
 11. Avaliani D. Pamyati Velimira, vol'nogo astrakhantsa [In memory of Velimir, free native of Astrakhan]. *Sa-mizdat veka* [Self-Publish Books of the Century]. Moscow, Polifakt Publ., 1999, 518 p. (In Russian).
 12. Faryno J. Paronimiya-anagramma-palindrom v poetike avangarda [Paronymy-anagram-palindrome in the poetry of avant-garde]. *Wiener Slawistischer Almanach*, Band 21. Wien, 1988, pp. 37-62. (In Russian).
 13. Grinberg B. *Opyty pO* [Experiments on]. Novosibirsk, 2000. (In Russian).
 14. Khvostenko A. *Prodolzhenie* [Continuation]. St. Petersburg, Novyy gorod Publ., 1994, 96 p. (In Russian).
 15. Biryukov S.E. Zevgma. *Russkaya poeziya ot man'erizma do postmodernizma* [Russian Poetry from Manner-ism to Post-Modernism]. Moscow, Nauka Publ., 1994, 288 p. (In Russian).

Received 26 May 2017

Reviewed 20 June 2017

Accepted for press 26 July 2017

Information about the author

BIRYUKOV Sergey Evgenevich, Candidate of Philology, Doctor of Culturology, Sound Poet, Performer, Critic, Translator, historic and Theoretic of Avant-Garde, Founder and President of International Academy of Zaum, Martin Luther University of Halle-Wittenberg, Halle, Saxony-Anhalt, Federal Republic of German; Honored Professor, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, e-mail: sibirjukov@googlemail.com

For citation

Biryukov S.E. Retseptsii tvorchestva Velimira Khlebnikova v sovremennoy russkoy poezii [Receptions in creative work of Velimir Khlebnikov in modern Russian poetry]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2017, vol. 3, no. 3 (11), pp. 52-60. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 82-1/-9

**«СКВОЗЬ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ»:
ОБРАЗ А.К. ВОРОНСКОГО В САТИРИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ
М.А. БУЛГАКОВА «РОКОВЫЕ ЯЙЦА»**

© Владимир Викторович КОЛЧАНОВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Аннотация. Проанализирована повесть М.А. Булгакова «Роковые яйца». Рассмотрена уникальная разновидность жанра литературного портрета – тайный силуэт А.К. Воронского, граничащий с журнальными изобразительными жанрами шаржа и политической карикатуры. Исследована природа таких границ: оккультизм и черная магия. Среди оккультных феноменов особое внимание отводится мотивам черной порчи и спиритизма, атрибутам талисмана, явлениям астральной защиты, медиумизма, трансмутации и автоматического письма. Проанализированы литературные источники, содержащие фрагменты «секретных учений»: повесть А.И. Куприна «Гранатовый браслет» (1910) и роман Р. Бенсона «Вызыватели мертвых» (переведено на русский 1912). Приведены важные и недостающие факты биографии А.К. Воронского.

Ключевые слова: А.К. Воронский; В.И. Ленин; И.В. Сталин; оккультизм; психоанализ; спиритизм; гипноз; карикатура; портрет; силуэт

А.К. Воронский (1884–1937) известен в истории страны как крупный общественный деятель, яркий представитель российской печати двух первых десятилетий после Октября. Он был литературным критиком, писателем, журналистом, редактором, издателем, референтом В.И. Ленина по литературе белой эмиграции, марксистским агитатором и пропагандистом, теоретиком и методологом литературы, явился основателем первого «толстого» журнала страны, развивал жанр литературного портрета, в период коренной ломки общественного сознания отстаивал «культурное наследие», исследовал эстетические отношения искусства к действительности, логику художественного познания.

Между тем интересно, что наряду с марксистским методом исследования, ставящим во главу угла социально-экономические и исторические аспекты, разум, *ratio*, не меньший интерес он проявлял к не принятым в ту пору литературоведческим подходам, основанным на тяге к интуиции, бессознательному, таинственному – психоаналитическому и мифопоэтическому методам и частному проявлению последнего – эзотерическому, или оккультному анализу. Синтезом таких видов исследования стали его статьи «Андрей Белый (Мраморный гром)», «Всеволод Иванов», «Борис Пильняк», «Марсель

Пруст. К вопросу о психологии художественного творчества», «Фрейдизм и искусство».

В 1930-е гг., в условиях «формирования монистической концепции советской литературы», такие подходы оказались неуместными [1]. Соединение их с марксизмом не просто вульгаризировало марксизм, как могло показаться в 1920-е гг., но намекало на радикальные способы непринятия власти. В эпоху борьбы с «масонскими заговорами» и космополитизмом жить с такими подходами к искусству становилось опасным. Лично для А.К. Воронского беда усугубилась его нахождением в рядах левой оппозиции в ВКП(б), возможным участием в деятельности русского психоаналитического общества (закрытого в 1930 г.) [2]. Поэтому «заслуги» и взгляды методолога дополнили друг друга. В 1937 г. он был повторно арестован и расстрелян как «враг народа» – левый коммунист и психоаналитик.

О М.А. Булгакове критических статей репрессированного критика-психоаналитика А.К. Воронского не обнаружено, но сохранился факт, что раннее творчество писателя он оценил очень высоко, назвав в конце 1925 г. «Белую гвардию» вместе с «Роковыми яйцами» «произведениями выдающегося литературного качества» [3, с. 83].

Как и многие почитатели творчества М.А. Булгакова, мы можем с этим полностью согласиться и указать одну из причин хвалебного отношения к повести критика, расширив одновременно наши представления о А.К. Воронском, незаслуженно забытом на многие годы и попавшем в самую кодированную и самую унифицированную энциклопедию политической жизни государства – сатирическую повесть «Роковые яйца» (1924), – по нашим представлениям, грандиозную литературно-политическую мистификацию, продолжавшуюся писаться очень долго по заказу И.В. Сталина, вплоть до запрета 14 августа 1939 г. постановки на сцене пьесы «Батум».

Образ А.К. Воронского в повести выведен в качестве литературного персонажа Альфреда Аркадьевича Бронского. Он имеет облик, поведение и черты характера журналистов, которых крайне не любит главный герой В.И. Персиков, прототипом которого, как установлено литературоведами, является В.И. Ульянов (Ленин) [4, с. 12]. Бронский необыкновенно шустр, назойлив, легкомыслен, гламурен, он так досаждал раздражительному ученому, что в конце концов профессор даже задает людям с Лубянки сакраментальный вопрос: «А нельзя ли, чтобы вы репортеров расстреляли?» И вот как он впервые появляется перед Персиковым (в главе 4 «Попадья Дроздова»):

«Панкрат, предварительно постучавшись, явился в кабинет и вручил Персикову великолепную атласную визитную карточку.

– Он тамотко, – робко прибавил Панкрат.

На карточке было напечатано изящным шрифтом:

Альфред Аркадьевич

Бронский

Сотрудник московских журналов – «Красный огонек», «Красный перец», «Красный журнал», «Красный прожектор» и газеты «Красная вечерняя Москва»

– Гони его к чертовой матери, – монотонно сказал Персиков и смахнул карточку под стол.

Панкрат повернулся, вышел и через пять минут вернулся со страдальческим лицом и со вторым экземпляром той же карточки.

– Ты что же, смеешься? – проскрипел Персиков и стал страшен.

– Из гегею, они говорят, – бледнея, ответил Панкрат.

Персиков ухватился одной рукой за карточку, чуть не перервал ее пополам, а другой швырнул пинцет на стол. На карточке было написано кудрявым почерком: «Очень прошу и извиняюсь, принять меня, многоуважаемый профессор, на три минуты по общественному делу печати и сотрудник сатирического журнала «Красный ворон», издания ГПУ».

– Позови-ка его сюда, – сказал Персиков и задохнулся.

Из-за спины Панкрата тотчас вынырнул молодой человек с гладко выбритым маслянистым лицом. Поражали вечно поднятые, словно у китая, брови и под ними ни секунды не глядящие в глаза собеседнику агатовые глазки. Одет был молодой человек совершенно безукоризненно и модно. В узкий и длинный до колен пиджак, широчайшие штаны колоколом и неестественной ширины лакированные ботинки с носами, похожими на копыта. В руках молодой человек держал трость, шляпу с острым верхом и блокнот.

– Что вам надо? – спросил Персиков таким голосом, что Панкрат мгновенно ушел за дверь, – ведь вам же сказали, что я занят?

Вместо ответа молодой человек поклонился профессору два раза на левый бок и на правый, а затем его глазки колесом прошли по всему кабинету, и тотчас молодой человек поставил в блокноте знак» [5].

По этому описанию пока трудно догадаться, кто из реальных людей скрывается за столь эффектной и изысканной внешностью, но дешифровка некоторых художественных деталей поможет приоткрыть тайну многозначности, особенно когда к художественным деталям добавятся оккультные мотивы.

Первые и, пожалуй, самые важные детали, указывающие на прототип Бронского, раскрываются в его визитке. Прежде чем войти к Персикову, Бронский, как видим, проводит своеобразную церемонию, напоминающую журналистское проникновение: передает через «цепного пса» Панкрата «великолепнейшую атласную визитную карточку» «сотрудника» пяти периодических изданий: журналов «Красный огонек», «Красный перец», «Красный журнал», «Красный прожектор» и газеты «Красная вечерняя Москва». После же того, как профессор «смахивает карточку под стол», проявляет настойчивость: присылает «второй экземпляр той же карточки», но уже с добавлением «кудрявым

почерком» – «сотрудника сатирического журнала «Красный ворон», издания ГПУ», в результате чего Персики впускает Бронского для дачи интервью.

В первой половине 1920-х гг. такие издания действительно существовали: в той последовательности, в какой органы печати перечислены в визитке, они назывались «Красный огонек», «Красный перец», «Красный журнал», «Прожектор», «Вечерняя Москва», «Красный ворон». К двум изданиям, заметим, эпитет «красный» нарочно добавлен писателем, – думается, для того чтобы маркировать реальное лицо журналиста по самому крупному журналу послеоктябрьского периода «Красная новь», ведь этого журнала здесь явно не хватает. Редактировал журнал, как всем известно, А.К. Воронский.

Но чтобы еще точнее отделить лицо А.К. Воронского от других политических и общественных деятелей эпохи, следует обратиться к сакральному центру визитной карточки, – ручной приписке «сатирический журнал «Красный ворон», издания ГПУ». Издание такое, как уже отметили, тоже существовало, но только не в недрах Государственного политического управления (ГПУ), а в органах сатиры. Им являлся ленинградский журнал «Красный ворон» (1922–1923), идейно вылетевший еще из первого ленинградского сатирического гнезда – журналов «Соловей» и «Красный дьявол» (1918–1919) и после своего закрытия обернувшийся журналом «Бегемот» (1924–1928), сатирическим еженедельником ленинградской «Красной газеты». К «Красной газете», заметим, примыкал и еженедельник «Красная панорама», на страницах которого в 1925 г. были опубликованы «Роковые яйца» под названием «Красный луч».

К сожалению, в настоящее время не только «Красный дьявол» или «Бегемот», но и преемники последнего сатирического журнала – знаменитые книжки-«бегемотики» из серии «Веселая библиотека Бегемота», литературно-сатирического приложения к ленинградской «Красной газете», стали библиографической редкостью. «Красный ворон» же сегодня практически отсутствует в российских библиотечных фондах и является редким и необычайно дорогим гостем на антикварном рынке.

Однако именно «Красный ворон» помогает определить историческое имя юркого,

оборотистого и модного журналиста. Сочетание названия журнала с фамилией Бронский представляет собой анаграмму – игровой лингвистический прием, который писатель применял в своем творчестве неоднократно. Нехитрым буквенным ходом прототип прочитывается путем сложения второго слова в названии журнала и второй части фамилии его «сотрудника»: «Красный **ворон**» + «Бронский».

На А.К. Воронского указывает и журнал «Красный прожектор» в визитке Альфреда – намек на литературно-художественный и сатирический журнал «Прожектор» (1922–1927), который А.К. Воронский редактировал совместно с будущим опальным Н.И. Бухариным (1888–1938), талантливым художником-шаржистом и одним из руководителей «правого блока» в партии. Имя А.К. Воронского можно обнаружить и в других вышеперечисленных советских изданиях, в редколлегиях которых в разное время состоял известный редактор и журналист.

На А.К. Воронского, конкретнее на его тамбовское происхождение и журналистско-сатирическую деятельность, намекает газетная статья Бронского о Персикове «Мировая загадка», под которой «красуется подпись» с колоритной припиской-псевдонимом «Альфред Бронский (Алонзо)». Искушенный в истории литературы и журналистики филолог сразу переключит внимание на Дон-Алонзо – псевдоним Петра Исаевича Вейнберга, «Гейне из Тамбова». Так писатель П.И. Вейнберг рекомендовал и одновременно прятал себя в петербургский период, когда, оставив работу в качестве редактора неофициальной части «Тамбовских губернских новостей», начал печататься в радикально-демократическом и сатирическом журнале «Гудок», считающимся предшественником большевистской «Искры».

Образ репортера Бронского настолько суггестивен, что за внешностью «сотрудника ГПУ» сквозят детали прошлой инквизиторской эпохи – эпохи позднего европейского средневековья и Нового времени, – они маркируют период подвальной деятельности ГПУ. В Европе так одевали чудаков-еретиков, осужденных на гильотину и эшафот: дурацкий колпак, шутовские длинный кафтан и широкие штаны, огромные башмаки – он имитировал внешность придворных шутов и мимов народных балаганов. Бронский и

раскланивается по-шутовски, по-балаганному: «поклонился профессору два раза на левый бок и на правый». Примечательно в этом плане, что из персонажей повести только чудак Бронский, облик которого вносит намек на обряд декапитации в отношении колдунов и еретиков, особенно симпатичен Персикову, в финале казненному схожим методом (путем «раскращения черепа»), в следующий раз высунутая из окна института голова профессора добровольно пригласит к себе журналиста.

Как уже говорилось, настоящего А.К. Воронского, левого коммуниста и психоаналитика, родившегося на берегах реки Вороны на Тамбовщине, в 1937 г. расстреляли, не помогли ни близкая дружба с прототипом профессора Персикова, ни бурная деятельность на ниве журналистики и издательского дела. В последний раз его унес уже не «красный», а черный ворон, в простонародье именующийся «черный воронок», автомобиль-фургон без окон, использовавшийся НКВД для ареста и перевозки преступников.

Между тем к художественно-реалистическим деталям, которые в качестве аллюзий создают балансирующий на грани журнальных изобразительных жанров шаржа и карикатуры литературный силуэт А.К. Воронского, М.А. Булгаков добавляет оккультные мотивы. В направлении шаржа они усиливают долю циркового комизма, эксцентрики, черного юмора, отвечающих на здоровые инстинкты личности, со стороны карикатуры нагнетают атмосферу гротескной экспрессии, направленную на уничтожение противника или исправление его мировоззренческой позиции.

К оккультным мотивам относятся мотив черной порчи (образы птицы ворона, черного мага, атрибут талисмана) и мотив спиритизма (явления медиумизма, автоматического письма, «трансммиграции и воплощения»), содержание которых составляет «то, чему учили в Мистериях» [6, с. 82] – в этих древних, по словам П. Флоренского, «училищах смерти» [7, с. 166].

Роль ворона в мотиве черной порчи достаточно очевидна – он игровым образом связан с фамилией прототипа. Во всех магических культах ворон относится к стражам духовного порога и проводникам в загробный мир, он наводит порчу, насыщает болезнь, и

большая доля иронии и сарказма обрушивается на А.К. Воронского, проводника коммунистических идей в среде интеллигенции, когда именно Бронский оказывается сотрудником журнала «Красный ворон».

Другая сторона игрового мотива заключена в логотипе и своеобразном дресс-коде, или, выражаясь оккультным языком, в парных аксессуарах одевания черного мага, ставших его атрибутами. В образе Бронского такой дресс-код не менее заметен, чем логотип журналистики – стандартные парные принадлежности репортера – карандаш и блокнот: это «шляпа с острым верхом» и «неестественной ширины лакированные ботинки с носами, похожими на копыта». Один из аксессуаров черного мага писатель ставит даже на первый план в сцене, где Персиков встречает гостя: «Профессор сразу узнал титулованного обладателя карточки по остроконечной шляпе и блокноту». Это не случайно: оставаясь принадлежностью сакрального в древности, в эпоху средневековья остроконечная шляпа была эмблемой врагов церкви. В ней изображали всех, кто был связан с язычниками, демонами, ведьмами, дьяволом. Последний особенно предпочитал показываться в остроконечной шляпе, пряча под ней рога свои, и в длинном балахоне, скрывающим огромные копыта.

Кроме явлений логотипичности и дресс-кода, игровой момент наблюдается в оппозиции «верхняя часть – нижняя часть» или через соответствующий ему оккультный (2-й герметический) принцип: «то, что находится внизу, соответствует тому, что пребывает сверху; и то, что пребывает сверху, соответствует тому, что находится внизу, чтобы осуществить чудеса единой вещи» [8, с. 314]. Карандашу (так как он находится в работе всегда сверху) соответствует «шляпа с острым верхом», блокноту (расположенному снизу) – «неестественной ширины лакированные ботинки с носами, похожими на копыта». К аксессуарам мага, не ставшими его атрибутами, то есть несущими без контекста нейтральную лексическую окраску, можно отнести другие детали портрета Бронского: трость и нательную одежду, напоминающую балахон: «узкий и длинный до колен пиджак, широчайшие штаны колоколом».

Третья часть мотива черной порчи звучит не так открыто, как две описанные. Для того чтобы начать ее анализ, откроем повесть А.И. Куприна «Гранатовый браслет» и вернемся к визитке Альфреда, украшенной названиями пяти красных журналов и переделанной путем добавления «кудрявым почерком» шестого. Только ни на миг не будем забывать, что в прозе А.И. Куприна оккультные начала несут модернистски-серьезное восприятие предметов и жизни, в прозе М.А. Булгакова – постмодернистское, игровое, пародийное.

К истории гибели Персикова визитка имеет такое же отношение, какое имеет гранатовый браслет к истории гибели героя в одноименной повести А.И. Куприна. В оккультном мире и тот, и другой предмет стали бы атрибутом мага и несли бы на себе функцию магического проникновения, так как они – суть талисманы с пентаграммами, пентакли с «оком дьявола», печати, определяющие судьбу, сигнатуры, отвечающие за границу, порог, вход, первую ступень инициации в загробное пространство, мистическую смерть. Вот как характеризует такой талисман в повести А.И. Куприна его обладатель Желтков:

«...этот браслет принадлежал еще моей прабабке, а последняя, по времени, его носила моя покойная матушка. Посередине, между большими камнями, Вы увидите один зеленый. Это весьма редкий сорт граната – зеленый гранат. По старинному преданию, он имеет свойство сообщать дар предвидения носящим его женщинам и отгоняет от них тяжелые мысли, мужчин же охраняет от насильственной смерти» [9, с. 266].

Налицо, оккультными словами, его си-виллический дар и астральная защита. Между тем действие браслета на судьбу владельца оказывается, как мы помним, обратным. Браслет становится настоящей печатью дьявола, а сама повесть превращается в магическую хронику влечения к суициду. Влюбленный мечтатель Желтков неожиданно услышал могильный голос, называемый в церемониальной магии «зовом», и пошел на него как зачарованный.

Каким же образом браслет стал печатью обреченного на смерть, «зовом», а любовь превратилась в любовное помешательство с летальным исходом, причем расцененное

супружеской четой Шеиных, автором и читателем как благородный поступок и высший идеал? Дело в том, что Желтков (фамилия, заметим, схожа по цвету с фамилией Персиков) поменял металлическую основу фамильного браслета с серебряного на золотой и в точности перенес на новую основу расположение камней, вызвав тем самым роковое влечение. На протяжении семи лет, с тех пор как он влюбился в Веру и поменял основу, камни возымели необычайную власть и завладели волей к жизни. Недаром Вера, когда браслет оказывается в ее руках, интуитивно чувствует «зов» и смертельную опасность, исходящую от его притяжения, и также интуитивно возвращает браслет, замыкая вредоносную магию силой Царицы Небесной – Девы Марии.

Мы приведем отрывок из текста, чтобы, во-первых, продемонстрировать вред, исходящий от «пентаграммы», во-вторых, доказать, что повесть А.И. Куприна выступает в качестве оккультного референта при составлении общественно-политического комментария к повести М.А. Булгакова, и, в частности, к деятельности А.К. Воронского, в-третьих, наглядно показать родство браслета с визиткой Альфреда Бронского (вызвавшей с того света «сукина сына» и «Антихриста» А.С. Рокка):

«Он был золотой, низкопробный, очень толстый, но дутый и с наружной стороны весь сплошь покрытый небольшими старинными, плохо отшлифованными гранатами. Но зато посередине браслета возвышались, окружая какой-то маленький зеленый камешек, пять прекрасных гранатов-кабошонов, каждый величиной с горошину. Когда Вера **случайным движением удачно повернула** браслет перед огнем **электрической лампочки**, то в них, глубоко под их **гладкой яйцевидной поверхностью**, вдруг **загорелись** прелестные **густо-красные** живые огни.

«Точно кровь!» – подумала с неожиданной тревогой Вера (выделено нами. – В. К.) [9, с. 265-266].

Из отрывка следует, что открытие Веры получается очень похожим на открытие Персикова. Магические манипуляции, как их называют в оккультной практике, являются идентичными. Профессор также **случайным движением** («случайно, <...> при движении зеркала и объектива микроскопа»), **под ог-**

нем электрической лампочки («электрического шара») обнаруживает **живой огонь** («красный луч») и привлекает к опыту объекты с **гладкой яйцевидной поверхностью** («яйца»).

Схожими являются конечные результаты оккультных «опытов». Порча Желтковым серебряного браслета, используемого для целей белой магии, вызывает черную порчу его собственной жизни, порча в «Роковых яйцах» куриных яиц вызывает ответную реакцию черной магии: рождение под действием красного луча зооморфных персонажей-пожирателей «Египетской книги мертвых» – змей, крокодилов и страусов и, соответственно, смертельную порчу жизни мага-изобретателя.

Наконец, самой парадоксальной аналогией оказывается символика браслета и визитной карточки. Главная достопримечательность браслета, как явствует из описания, расположение красных гранатов с дополнительным, «зеленым гранатом» не только символизирует в оккультизме пентаграмму с «оком» дьявола, но и восходит в визитке Альфреда созвездием из пяти красных журналов, украшенных в заключение шестым, с сатирическим прицелом в сторону тайной политической полиции – ГПУ. Не нарушает эмблема и другой тайной символики – масонской. В ней существует шестой треугольник, украшенный «всевидящим глазом». Находящийся сверху пентаграммы, он символизирует созидающие, строительные эманации, внизу – разрушительные, сатанинские начала.

Смена металлов и срок воздействия «смешной игрушки» на мечтателя Желткова также переносятся в «Роковые яйца» на правах игры с текстом предшественника и мистификации. Мистификация также получается одновременно сатирическая и политическая. Семь лет любовных страданий Желткова после смены серебряной основы браслета на золотой совпали со сроком жизни прототипа Персикова после Октябрьской революции. Иными словами, смена в год Красного Октября оккультных, мистических зонов – «серебряного сна» на «сон золотой» – через семь лет закончилась смертью «кремлевского мечтателя».

Сравнение напрашивается и психоаналитическое: настоящей причиной смерти Желткова послужила не пуля, не красавица Вера и даже не отравленный воздух декаданса, в котором купается богатая фантазия А.И. Куприна и его читателя, а застарелый эдипов комплекс, связанный с матерью героя и ее браслетом, – разрушенный в своей основе фамильный талисман помешал Желткову сблизиться к чужой женщиной, спать с нею или хотя бы на шаг приблизиться к ее телу. То же, но только в пародийном плане, мы можем найти в судьбе прототипа Персикова – В.И. Ленина. Приближение к чужой женщине, эсрке Ф. Каплан, закончилось выстрелом с отравленной пулей, многолетними физическими страданиями и смертью.

Этот же эдипов комплекс поворачивается своей пародийной, шуточной стороной и в сравнении Желткова с прототипом Бронского, психоаналитиком А.К. Воронским. В первом случае герой-чиновник всерьез напоминает последнего рыцаря средневековья Дон Кихота, ищущего свою Дульсинею в Серебряном веке – символистскую богиню, Афродиту небесную, вечно ускользающую женскую красоту, вечную женственность, воплощенную в Вере, во втором случае имя Дон Кихота прочно закрепилось за А.К. Воронским: так стали называть его литературные оппоненты в 1920-е гг. [10].

По-донкихотски выглядит А.К. Воронский и в раме средневекового театрального жанра мистерии, представляющей в музыкальных антрактах акты глумления бесовских сил над человеком. И здесь М.А. Булгаков как бы вступает в диалог со своим именитым предшественником Мигелем де Сервантесом, давшего людям трагикомический характер борца-идеалиста с косной и мертвой материей. Образ Бронского/Воронского пародируется на этапе катабасиса (спуска в ад): душа романтического и строптивого рыцаря воюет даже там. Это видно на примере использования в повести «Роковые яйца» приема параллели со средневековым театром. Души грешников в нем неизменно пожирала огромная «адова пасть», расположенная в центре сцены и изображенная в виде пасти змеиной головы. В произведении такой частью средневековой сцены предстает рупор «Говорящей Газеты» «на крыше уни-

верситета, где в черной пасти беснуется невидимый Альфред».

Второй оккультный мотив повести «Роковые яйца» – спиритический. Связан он как раз с потусторонним обликом Бронского/Воронского – обликом медиума, вызывателя мертвых, некроманта, проводящего в повести серию спиритических сеансов. Каким образом спиритизм становится мотивом «Роковых яиц», можно проследить на примере экзорцистского произведения Серебряного века, романа папского капеллана Р. Бенсона «Вызыватели мертвых». Роман был выпущен петербургской Типо-литографией Товарищества «СВЕТ» (Невский просп., д. 136) в 1912 г., во времена массового увлечения спиритизмом и оккультными науками, но, видимо, в силу своего названия и содержания был изъят из библиотек страны и сейчас редко появляется в антикварной торговле. Поэтому следует сказать о его содержании.

В кратком изложении оно выглядит следующим образом. Главный герой Лори Бакстер, нервный и впечатлительный отпрыск старинного английского рода, влюбляется в девушку по имени Эми Ньюжент и вскоре теряет ее. Она неожиданно умирает, и Лори тоскует, раздумывая о Боге и душе. В Лондоне в доме содержательницы магнетического салона Лоры Бэтель по прозвищу «могильные одежды Откровения» он попадает на спиритические сеансы, на которых встречается с призраком невесты. Мечтая о материализации ее тела, Лори впадает в неистовство – призывает бывшую возлюбленную вернуться в мир живых. Новая невеста и кузина Маргарита-Мария Дэроннэ (или просто Мэджи) решается вернуть его к реальной жизни – спасти путем проведения обряда экзорцизма. Ритуал завершается успешно, в рамках воспитательного католического чтения: Лори покидает мир духов и привидений, «зверь» оставляет его усилиями борьбы и молитв воспитательницы монастыря Маргариты-Марии.

Нельзя сказать с полной уверенностью, что М.А. Булгаков читал роман, но некоторые детали медиумизма из него, на наш взгляд, присутствуют в тексте «Роковых яиц». Во-первых, и Персики, и Лори Бакстер глубоко переживают уход из жизни своих подруг (бывшей жены и невесты), во-вторых, и тот, и другой оказываются под спиритическим гипнозом посредством вклю-

чения автоматического письма, практикующегося медиумами. В-третьих, моменты транса, мягко говоря, совпадают. Ночной город и ночные огни, колокольчики и звонки, призрачный свет, экипажи и автомобили, шум колес и мелькание лиц, голоса мальчишек-газетчиков и узнавание собственных двойников составляют спиритический знаменатель. Мы отметим путем выделения жирным шрифтом в текстах те места, которые поражают таким совпадением.

«Вызыватели мертвых»:

«Маленький круглый стол из розового дерева, без скатерти, стоял перед камином. Дамы заняли отдаленные от огня места и снова приняли неподвижное положение, как статуи. Лори сидел против мистера Винцента, который **держал в правой руке карандаш и бумагу, как будто приготовился писать**; левую руку он положил на колено, расположась несколько в сторону от центра, боком к столу. <...>

Он взглянул на лежавшую **на бумаге руку**. Рука красивой формы, смуглая, ловкая – совершенно неподвижная, слегка **придерживала карандаш** между указательным пальцем и большим. <...>

Он начал прислушиваться к внешним звукам. В комнате водворилась странная тишина. Она как будто окружила их тесным кольцом и отделила от времени и пространства. Здесь все было отдельно, необычайно.

Затем он стал ясно различать **внешние звуки**, так ясно и детально, что потерял сознание о том, на что **смотрел – на бумагу, и руку на бумаге, и на это, как бы изнутри себя глядевшее лицо...** Впоследствии он не мог дать себе отчета. Он слышал **шум уличной лондонской жизни ночью**, он ясно различал каждую ноту инструмента, составлявшего этот оркестр. Далеко, к северу, послышался **шум колес, топот подкованных лошадей, движение автомобилей, крик уличных мальчишек**. Особенное впечатление эти звуки производили, проникнув в эту могильную тишину, в эту залитую светом комнату, понятие о которой он совершенно утратил. Вот еще проехал по улице экипаж, опять стук подков, свист бича, **звон колокольчиков...** Он пристально смотрел и начал скорее различать, чем определять, маленькие картинки, которые как бы смешивались между собою; он старался понять их значение и увидел **освещенный омнибус, мелькание лиц перед павильоном...**

Он начал соображать, что привело его сюда, и **вдруг увидел самого себя**: в темном платье он шел по парку, поворотил направо в поле... Вот – Эми... В этой напряженной движущейся тишине

он почувствовал, что вспоминает Эми без боли и страдания в первый раз за эти десять дней. Он пристально глядел на нее и не мог отвести взора.

Один миг – и он опять в этой комнате. Он очнулся и не мог понять, что с ним было. Движение, звук? Что?.. Только размышляя об этом впоследствии, размышляя и рассуждая, он вспомнил, что спящего обыкновенно будят каким-либо звуком, **мгновенным звоном, как бы часов...** Но разве он спал?

Нет, он не спал, он видел ясно и отчетливо **эту руку на бумаге**; он даже слегка повернул голову, чтобы посмотреть, **движется ли карандаш**. <...>

Наконец, понятие о времени вернулось к нему. Вероятно, теперь было десять минут седьмого. Сеанс начался немного ранее шести. Он взглянул на выпуклый **циферблат часов в стиле «Ампир»**, блескующих позолотой на каминной полке; эти часы были такой сложной вещью, что по ним легко было понять все, кроме определения времени» [11, с. 41-42, 44].

«Роковые яйца»:

«– Что вам надо? – спросил Персиков таким голосом, что Панкрат мгновенно ушел за дверь. – Ведь вам же сказали, что я занят?»

Вместо ответа молодой человек поклонился профессору два раза на левый бок и на правый, а затем его глазки колесом прошли по всему кабинету, и тотчас молодой человек **поставил в блокноте знак**.

– Я занят, – сказал профессор, с отвращением глядя в глазки гостя, но никакого эффекта не добился, так как глазки были неуловимы.

– Прошу тысячу раз извинения, глубокоуважаемый профессор, заговорил молодой человек тонким голосом, – что я врываюсь к вам и отнимаю ваше драгоценное время, но известие о вашем мировом открытии, прогремевшее по всему миру, заставляет наш журнал просить у вас каких-либо объяснений.

– Какие такие объяснения по всему миру? – заныл Персиков визгливо и пожелтев. – Я не обязан вам давать объяснения и ничего такого... Я занят... страшно занят.

– Над чем вы работаете? – сладко спросил молодой человек и **поставил второй знак в блокноте**.

– Да я... вы что? Хотите напечатать что-то?

– Да, – ответил молодой человек и **вдруг застрочил в блокноте**.

– Во-первых, я не намерен ничего опубликовать, пока я не кончу работы... тем более в этих ваших газетах... Во-вторых, откуда вы все это знаете?.. – И Персиков вдруг почувствовал, что теряется. <...>

Молодой человек исписал целую страницу, перелистнул ее и застрочил дальше.

– **Вы же не пишете!** – уже сдаваясь и чувствуя, что он в руках молодого человека, в отчаянии просипел Персиков. – **Что вы такое пишете?**

– Правда ли, что в течение двух суток из икры можно получить 2 миллиона головастика?

– Из какого количества икры? – вновь взбеленясь, закричал Персиков. – Вы видели когда-нибудь икринку... ну, скажем, – квакши?

– Из полуфунта? – не смущаясь, спросил молодой человек.

Персиков побагровел.

– Кто же так мерит? Тыфу! Что вы такое говорите? Ну, конечно, если взять полфунта лягушачьей икры... тогда пожалуй... черт, ну около этого количества, а, может быть, и гораздо больше!

Бриллианты загорелись в глазах молодого человека, и он в один взмах **исчеркал еще одну страницу**.

– Правда ли, что это вызовет мировой переворот в животноводстве?

– Что это за газетный вопрос, – завыл Персиков, – и вообще, **я не даю вам разрешения писать чепуху. Я вижу по вашему лицу, что вы пишете какую-то мерзость!**

– Вашу фотографическую карточку, профессор, убедительнейше прошу, – молвил молодой человек и **захлопнул блокнот**.

– **Что? Мою карточку? Это в ваши журнальчики? Вместе с этой чертовщиной, которую вы там пишете.** <...>

А на парадном входе института в это время начались **звонки**.

– Кошмарное убийство на Бронной улице!! – **завывали неестественные сильные голоса, вертась в гуще огней между колесами и вспыхками фонарей на нагретой июньской мостовой**, – кошмарное появление болезни кур у вдовы попадьи Дроздовой с ее портретом!.. Кошмарное открытие луча жизни профессора Персикова!!

Персиков мотнулся так, что чуть не попал под автомобиль на Моховой, и яростно ухватился за газету.

– Три копейки, гражданин! – закричал мальчишка и, вжимаясь в толпу на тротуаре, **вновь завыл**: – «Красная вечерняя газета», открытие икс-луча!!

Ошеломленный Персиков развернул газету и прижался к фонарному столбу. На второй странице в левом углу в смазанной рамке глянул на него лысый, с безумными и незрячими глазами, с повисшею нижнею челюстью человек, плод художественного творчества Альфреда Бронского. «В.И. Персиков, открывший загадочный красный луч», гласила подпись под рисунком. Ниже под

заголовком «Мировая загадка» начиналась статья словами:

Садитесь, – приветливо сказал нам маститый ученый Персиков...

Под статьей красовалась подпись «Альфред Бронский (Алонзо)».

Зеленоватый свет взлетел над крышей университета, на небе выскочили огненные слова «Говорящая газета», и тотчас толпа запрудила Моховую.

«Садитесь!!! – завыл вдруг в рупоре на крыше неприятнейший тонкий голос, совершенно похожий на голос увеличенного в тысячу раз Альфреда Бронского, – приветливо сказал нам маститый ученый Персиков! – Я давно хотел познакомить московский пролетариат с результатами моего открытия...»

Тихое механическое скрипение послышалось за спиной у Персикова и кто-то потянул его за рукав. Обернувшись, он увидел желтое круглое лицо владельца механической ноги. Глаза у того были увлажнены слезами и губы вздрагивали.

– Меня, господин профессор, вы не желали познакомить с результатами вашего изумительного открытия, – сказал он печально и глубоко вздохнул. – Пропали мои полтора червячка.

Он тоскливо глядел на крышу университета, где в черной пасти бесновался невидимый Альфред. Персикову почему-то стало жаль толстяка.

– Я, – пробормотал он, с ненавистью ловя слова с неба, – никакого садитесь ему не говорил! Это просто наглец необыкновенного свойства! Вы меня простите, пожалуйста, – но, право же, когда работаешь и врываются... Я не про вас, конечно, говорю...

– Может быть, вы мне, господин профессор, хотя бы описание вашей камеры дадите? – заискивающе и скорбно говорил механический человек. – Ведь вам теперь все равно...

– Из полуфунта икры в течение 3-х дней выплывается такое количество головастика, что их нет никакой возможности сосчитать, – ревел невидимка в рупоре.

– Ту-ту, – глухо кричали автомобили на Моховой.

– Го-го-го... Ишь ты, го-го-го – шуршала толпа, задирая головы.

– Каков мерзавец? А? – дрожа от негодования, зашипел Персиков механическому человеку, – как вам это нравится? Да я жаловаться на него буду!

– Возмутительно! – согласился толстяк.

Ослепительнейший фиолетовый луч ударил в глаза профессора, и все кругом вспыхнуло, – фонарный столб, кусок торцовой мостовой, желтая стена, любопытные лица.

– Это вас, господин профессор, – восхищенно шепнул толстяк и повис на рукаве профессора, как гири. В воздухе что-то заскрежетало.

– А ну их всех к черту! – тоскливо вскричал Персиков, выдираясь с гирей из толпы. – Эй, таксомотор. На Пречистенку!

Облупленная старенькая машина, конструкции 24-го года, заклокотала у тротуара, и профессор полез в ландо, стараясь отцепиться от толстяка.

– Вы мне мешаете, – шипел он и закрывался кулаками от фиолетового света.

– Читали?! Чего оруть?.. Профессора Персикова с детишками **зарезали** на Малой Бронной!! – кричали кругом в толпе».

Таким образом, спиритический сеанс с использованием автоматического письма¹ переводит сознание Персикова, как в случае с Бакстером, в измененное состояние: услышав звонки и крики мальчишек-газетчиков, превратившиеся затем в «вой неестественных сиплых голосов» в гуще летних огней, Персиков немедленно оказывается как бы снаружи. Все, что он видит и слышит в дальнейшем: «зеленоватый свет над крышей университета», «огненные слова» на небе, вспышку «фиолетового луча», рев невидимки – «неприятнейший тонкий голос, совершенно похожий на голос увеличенного в тысячу раз Альфреда Бронского», «механического человека», «полтора червячка», убийство «Персикова с детишками <...> на Малой Бронной» и т. п., говорит о продолжающемся состоянии гибернации, сопровождающемся вмешательством извне. Усиливает управление сомнамбулой так называемый спиритический двойник, мертвец бессмертный: «лысый, с безумными и незрячими глазами, с повисшею нижнею челюстью человек».

Другими словами, герой выступает запрограммированным, манипуляции, которые проводит над ним оккультный оператор Бронский, в старинной колдовской практике Руси назывались мороком, на языке современных СМИ зомбированием, в психоанализе – гипнозом. Только в состоянии глубокого транса мог возникнуть подобный чудовищный зрительный ряд и его акустическое сопровождение. В целом неопасное ночное расстройство психики лунатизм превратилось в трансмутацию, когда людям кажется, что они «выходят в астрал» и их эфирные двойники встают в полночь из могил и витают над землей. «...в полночь невидимые ми-

ры находятся близко к земной сфере и <...> души в этот час проскальзывают в материальное существование, – учили в институтах мистерий. – Мертвый хватает живого. Только тот, кто сведущ в элевсинской философии, может понять это. Это означает, что большинство людей управляется не их живыми душами, а мертвыми телесными чувственными оболочками» [6, с. 82]. В случае с Лори жених пытается материализовать тело невесты и слиться с ней, для чего во втором сеансе медиум вызывает с того света дух Эни, в случае с Персиковым Бронский, судя по портрету в газете, вызывает спиритического двойника Персикова – В.И. Ленина, как бы пародируя расхожую метафору, сочиненную В.В. Маяковским в 1924 г.: «Ленин и теперь живее всех живых» [12, с. 233].

Следующий визит Бронского в институт Персикова происходит через три дня после случившегося наваждения, в 5-й главе «Куриная история». Он вновь вводит читателя в пространство гипноза, и это заканчивается так же, как и приведенная выше сцена из романа «Вызыватели мертвых» – образом часов эпохи «Ампира». Этот сеанс гипноза по объему длиннее – растянут на две главы – 5-ю и 6-ю. В 5-й главе вновь включается автоматическое письмо, а в 6-й главе «Москва в июне 1928 года», которая дает панораму «Курино-го моря в республике», вновь описывается измененное состояние разума. Чтобы не отягощать читателя большим объемом, мы редуцируем 6-ю главу: выделим лишь элементы транса, фрагменты зрения зомби, создающие в литературном плане чудовищную фантазмагорию: шакалий «пир во время чумы», фейерверк в момент прихода «Антихриста» А.С. Рокка:

Глава 5: «За всеми этими делишками профессор не заметил трех суток, но на четвертые его вновь вернули к действительной жизни, и причиной этого был тонкий и визгливый голос с улицы.

– Владимир Ипатьич! – прокричал голос в открытое окно кабинета с улицы Герцена. Голосу повезло: Персиков слишком переутомился за последние дни. В этот момент он как раз отдыхал, вяло и расслабленно смотрел глазами в красных кольцах и курил в кресле. Он больше не мог. И поэтому даже с некоторым любопытством выглянул в окно и увидел на тротуаре Альфреда Бронского. Профессор сразу узнал титулованного об-

ладателя карточки по остроконечной шляпе и блокноту. Бронский нежно и почтительно поклонился окну.

– Пару минуточек, дорогой профессор, – заговорил Бронский, напрягая голос, с тротуара, – я только один вопрос и чисто зоологический. Позвольте предложить?

– Предложите, – лаконически и иронически ответил Персиков и подумал: «Все-таки в этом мерзавце есть что-то американское».

– Что вы скажете за кур, дорогой профессор? – крикнул Бронский, сложив руки щитком.

Персиков изумился. Сел на подоконник, потом слез, нажал кнопку и закричал, тыча пальцем в окно:

– Панкрат,пусти этого, с тротуара.

Когда Бронский появился в кабинете, Персиков настолько простер свою ласковость, что рывкнул ему:

– Садитесь!

И Бронский, восхищенно улыбаясь, сел на винтающийся табурет.

– Объясните мне, пожалуйста, – заговорил Персиков, – вы пишете там, в этих ваших газетах?

– Точно так, – почтительно ответил Альфред.

– И вот мне непонятно, как вы можете писать, если вы не умеете даже говорить по-русски. Что это за «пара минуточек» и «за кур»? Вы, вероятно, хотели спросить «насчет кур»? <...>

Тут Бронский вооружился карандашом. Победные искры взметнулись в глазах Персикова.

– Вы напрасно обратились ко мне, я не специалист по пернатым. Вам лучше всего было бы обратиться к Емельяну Ивановичу Португалову, в I-м университете. Я лично знаю весьма мало...

Бронский восхищенно улыбнулся, давая понять, что он понял шутку дорогого профессора. «Шутка – мало!» – черкнул он в блокноте.

– Впрочем, если вам интересно, извольте. Куры или гребенчатые... <...>

Бронский сидел, вытаращив глаза, и строчил.

– Еще что-нибудь вам сообщить?

– Я бы хотел что-нибудь узнать насчет куриных болезней, – тихонечко шепнул Альфред.

– Гм, не специалист я... вы Португалова спросите... А впрочем... <...>

Бронский вытер пот со лба цветным носовым платком.

– А какая же, по-вашему мнению, профессор, причина теперешней катастрофы?

– Какой катастрофы?

– Как, разве вы не читали, профессор? – удивился Бронский и вытащил из портфеля измятый лист газеты «Известия».

– Я не читаю газет, – ответил Персиков и насупился.

– Но почему же, профессор? – нежно спросил Альфред.

– Потому что они чепуху какую-то пишут, – не задумываясь, ответил Персиков.

– Но как же, профессор? – мягко шепнул Бронский и развернул лист.

– Что такое? – спросил Персиков и даже поднялся с места. Теперь искры запрыгали в глазах у Бронского. Он **подчеркнул острым, лакированным пальцем невероятнейшей величины** заголовочек через всю страницу газеты «Куриный мор в республике».

– Как? – спросил Персиков, сдвигая на лоб очки...

Глава 6: «прыгала электрическая разноцветная женщина»; «над театром вспыхивала и угасала зеленая струя»; «гигантский рупор» «завывал», «жаловался басом», «хохотал и плакал как шакал»; «Театральный проезд, Неглинный и Лубянка пылали белыми и фиолетовыми полосами, брызгали лучами, выли сигналами, клубились пылью»; «толпы народа теснились у стен у больших листов объявлений, освещенных резкими красными рефлекторами»; «на крыше «Рабочей газеты» на экране грудой до самого неба лежали куры», «неживой дым распухал и мотался клочьями, полз струей, выскакивала огненная надпись»; в «Петровских линиях зелеными и оранжевыми фонарями сиял знаменитый на весь мир ресторан «Амбир»; «бусинками жалобно горели китайские фонарики в неживой, задушенной зелени, на убивающей глаза своим пронзительным светом эстраде куплетисты Шрамс и Карманчиков пели куплеты»; «по Тверской, с фонариками по бокам морд, шли вереницею цирковые ослики, несли на себе сияющие плакаты», «мальчишки-газетчики рычали и выли между колес моторов:

– Кошмарная находка в подземелье! Польша готовится к кошмарной войне!! Кошмарные опыты профессора Персикова!! <...>

Не глядя ни на кого, никого не замечая, не отвечая на подталкивания и тихие и нежные зазывания проституток, пробирался по Моховой, вдохновенный и одинокий, увенчанный неожиданной славой Персиков **к огненным часам у манежа**. Здесь, не глядя кругом, поглощенный своими мыслями, он столкнулся со странным, старомодным человеком, пребольно ткнувшись пальцами прямо в деревянную кобуру револьвера, висящего у человека на поясе.

– Ах, черт! – пискнул Персиков. – Извините.

– Извиняюсь, – ответил встречный неприятным голосом, и кое-как они расцепились в людской каше. И профессор, направляясь на Пречистенку, тотчас забыл о столкновении».

Отметим, что именно во время сеансов Бронского возникают перед Персиковым ди-

ковинные незнакомцы: «механический человек» Степанов и «старомодный человек» Рокк. Они не кто иные, как духи церемониальной магии, вызванные с того света, чтобы испортить новейшее изобретение мирового научного светила. В дальнейшем именно с ними придется больше всего общаться и работать герою. С первым он совершит путешествие на автокатафалке в провинциальный г. Тамбов, самый настоящий гадец и эпицентр куриной чумы, второму поможет создать в московском городском районе Останкино центр по производству «гадов». Но это будет уже другая оккультная история, с другими ключевыми политическими фигурами 1920–1930-х гг.

Таким образом, мотивы черной порчи и спиритизма, заимствованные из произведений писателей Серебряного века А.И. Куприна и Р.Бенсона, придали сатирической фабуле «Роковых яиц» особенный, оккультный колорит. М.А. Булгаков сдвинул скрытый литературный силуэт А.К. Воронского от журнального жанра шаржа в сторону карикатуры, а сюжет превратил в модернистскую игру и мистификацию. Карикатуризации требовали изменения во внутренней государственной политике: усиливающаяся тоталитаризация власти, курс на единоличностный террор и борьба с инакомыслием. Только такой портрет, с одной стороны, отражал динамику в положении дел его носителя, а с другой – мог прощаться автору в случае его узнавания.

Лишь редкие посвященные, к числу которых относились И.В. Сталин и его оппонент А.К. Воронский, могли разглядеть черты портретируемого. В силу особенностей психики первый мог видеть в них злую карикатуру на идейного противника, второй, имея в качестве редактора сатирического журнала богатый опыт работы с шаржами, был способен воспринять тайный литературный силуэт как шарж, как оригинальную художественную манеру М.А. Булгакова запечатлевать время и образы в нем «братьев-писателей».

Примечание

1. Облик спирита, каковым мы находим Бронского, – с отточенным карандашом в руке, строчащего в блокнот, мог быть подсказан М.А. Булгакову и Я.П. Полонским. В его сатири-

ческих рассказах «На высотах спиритизма» и «Галлюцинат» говорится о фантастических приключениях героев-духовидцев с карандашом – Давиде Долгоглазове и «мастере добрых дел» Аркадии Николаевиче Трубине. Рассказы эти в свое время были хорошо известны читающей публике и вошли в «Прибавление к полному собранию сочинений» Я.П. Полонского под общим названием «На высотах спиритизма» (СПб.: И.Н. Скороходова, 1889).

Список литературы

1. Голубков М.М. Утраченные альтернативы: Формирование монистической концепции советской литературы. 20–30-е годы. М.: Наследие, 1992.
2. Воронский, Александр Константинович. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 10.01.2017)
3. Соколов Б.В. Булгаков. Энциклопедия. М.: Эксмо; Алгоритм; Око, 2005.
4. Яблоков Е.А. Мотивы прозы Михаила Булгакова. М.: РГГУ, 1997.
5. Булгаков М.А. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Голос, 1995. Т. 2. В дальнейшем цитируется это издание.
6. Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. Интерпретация секретных учений, скрытых за ритуалами, аллегориями и мистериями всех стран. СПб.: СПИКС, 1994.
7. Флоренский П. «Человек умирает только раз в жизни...» // Тибетская книга мертвых. СПб.: Амфора, 1999. С. 166-167.
8. Изумрудная Скрижаль // Гермес-Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада. К.: Ирис; М.: Алетейя, 1998.
9. Куприн А.И. Сочинения: в 2 т. М.: Худ. лит., 1981. Т. 1.
10. Белая Г.А. Дон Кихоты 20-х годов: Перевал и судьба его идей. М.: Сов. писатель, 1989.
11. Бенсон Р. Вызыватели мертвых: Роман. СПб.: Типо-литография Т-ва «СВЕТ», 1912.
12. Маяковский В.В. Владимир Ильич Ленин // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Худ. лит., 1957. Т. 6.

Поступила в редакцию 24.04.2017 г.

Отрецензирована 24.05.2017 г.

Принята в печать 26.07.2017 г.

Информация об авторе

КОЛЧАНОВ Владимир Викторович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, русской и зарубежной литературы, журналистики, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, e-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Для цитирования

Колчанов В.В. «Сквозь магический кристалл»: образ А.К. Воронского в сатирической повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» // Неофилология. 2017. Т. 3. № 3 (11). С. 61-74.

UDC 82-1/-9

**“THROUGH CRYSTAL BALL”:
THE IMAGE OF A.K. VORONSKIY
IN SATIRICAL STORY OF M.A. BULGAKOV “THE FATAL EGGS”**

© Vladimir Viktorovich KOLCHANOV

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000
E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Abstract. The novella “The Fatal Eggs” by M.A. Bulgakov is analyzed. The unique sort of literature genre portrait – the secret figure of A.K. Voronskiy, bounding with journal imitating genres of caricature and political caricature is considered. The nature of such borders as occultism and black arts is studied. Among occult phenomena the attention is paid to the motives of black abuse and spiritualism, attribute of mascot, astral barrier phenomena, mediumship, transmutation and automatic writing. The literature sources are analyzed, containing the pieces of “secret studies”: short novel by I.A. Kuprin “The Garnet Bracelet” (1910) and R. Benson “The Ringer of the Dead” (translated into Russian 1912). The important and lacking facts of A.K. Voronskiy biography are presented.

Keywords: A.K. Voronskiy; V.I. Lenin; I.V. Stalin; occultism; psychoanalytic therapy; spiritualism; hypnosis; caricature; portrait; silhouette

References

1. Golubkov M.M. *Utrachennye al'ternativy: Formirovanie monisticheskoy kontseptsii sovetskoy literatury. 20–30-e gody* [Lost Alternatives: the Formation of Monistic School of the Soviet Literature. 20–30s]. Moscow, Nasledie Publ., 1992. (In Russian).
2. *Voronskiy, Aleksandr Konstantinovich* [Voronsky, Aleksandr Konstantinovich]. (In Russian). Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (accessed 10.01.2017).
3. Sokolov B.V. *Bulgakov. Entsiklopediya* [Bulgakov. Encyclopedia]. Moscow, Eksmo Publ., Algoritm Publ., Oiko Publ., 2005. (In Russian).
4. Yablokov E.A. *Motivy prozy Mikhaila Bulgakova* [Mikhail Bulgakov's Prose Motives]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1997. (In Russian).
5. Bulgakov M.A. *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected Works: in 10 vols.]. Moscow, Golos Publ., 1995, vol. 2. (In Russian).
6. Khol M.P. *Entsiklopedicheskoe izlozhenie masonskoy, germeticheskoy, kabbalisticheskoy i rozenkreytserovskoy simvolicheskoy filosofii. Interpretatsiya sekretnykh ucheniy, skrytykh za ritualami, allegoriyami i misteriyami vseh stran* [Encyclopedic Narration of Masonic, Cabalistic and Rosicrucianism Symbolic Philosophy. Interpretation of Secret Doctrine, Hidden in Rituals, Allegories and Mysteries of All Countries]. St. Petersburg, SPIKS Publ., 1994. (In Russian).
7. Florenskiy P. «Chelovek umiraet tol'ko raz v zhizni...» [“A human dies only once in his life...”]. *Tibetskaya kniga mertvykh* [Bardo Thodol]. St. Petersburg, Amfora Publ., 1999, pp. 166-167. (In Russian).
8. Izumrudnaya Skrizhal' [Emerald Tablet]. *Germes-Trismegist i germeticheskaya traditsiya Vostoka i Zapada*. [Hermes Trismegistus and Hermetic Tradition of the East and West]. Kiev, Iris Publ., Moscow, Aleteyya Publ., 1998. (In Russian).
9. Kuprin A.I. *Sochineniya: v 2 t.* [Writings: in 2 vols.]. Moscow, Publishing House “Khudozhestvennaya Literatura”, 1981, vol. 1. (In Russian).
10. Belaya G.A. *Don Kikhoty 20-kh godov: Pereval i sud'ba ego idey* [Don Quixote of the 20s: the Turning Point and the Destiny of His Ideas]. Moscow, Sovetskiy pisatel Publ., 1989. (In Russian).
11. Benson R. *Vyzyvately mertvykh: Roman* [The Necromancers: Novel]. St. Petersburg, Typo-litography of Comradeship “SVET”, 1912. (In Russian).

12. Mayakovskiy V.V. Vladimir Il'ich Lenin [Vladimir Ilich Lenin]. In: *Mayakovskiy V.V. Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Mayakovskiy V.V. Complete Works: in 13 vols.]. Moscow, Publishing House "Khudozhestvennaya Literatura", 1957, vol. 6. (In Russian).

Received 24 April 2017

Reviewed 24 May 2017

Accepted for press 26 July 2017

Information about the author

KOLCHANOV Vladimir Viktorovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian Language, Russian and Foreign Literature, Journalism Department, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, e-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

For citation

Kolchanov V.V. «Skvoz' magicheskiy kristall»: obraz A.K. Voronskogo v satiricheskoy povesti M.A. Bulgakova «Rokovye yaytsa» [“Through crystal ball”: the image of A.K. Voronskiy in satirical story of M.A. Bulgakov “The Fatal Eggs”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2017, vol. 3, no. 3 (11), pp. 61-74. (In Russian, Abstr. in Engl.).

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 94(5-191.2)

КОГО СОИЗВОЛИЛ ПРИНЯТЬ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР РОССИИ 19 МАЯ 1881 ГОДА РОВНО В ОДИН ЧАС ПОПОЛУДНИ

© Мурадгелди СОЕГОВ

Национальный институт рукописей Академии наук Туркменистана
744000, Туркменистан, г. Ашхабад, ул. Пушкина, 13а
E-mail: msoyegov@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены вопросы, связанные с присоединением туркменских земель к Российской империи, а именно освещаются те вооруженные события, которые происходили в 1879 и 1881 гг. под командованием русских генералов, с одной стороны, и командиров туркменского ополчения, с другой. Основным источником для исследования этих вопросов служили ранее обнаруженные архивные документы. Обращено особое внимание к событиям непосредственно после завершения военных действий. После овладения русскими 12 января 1881 г. крепостью Денгиль-тепе, цитадели оборонившихся в Геок-тепе туркмен, путем взрыва порохом одной из ее стен М.Д. Скобелев внутренне не мог наслаждаться достигнутой победой: военный опыт подсказал ему, что пока ухитрившиеся до взятия русскими покинуть цитадель Дыкма-сердар и Махтумкули-хан не сложат оружие, об окончательной победе говорить не приходится. Генерал М.Д. Скобелев при помощи подставных лиц добился этого спустя два с половиной месяца в отношении пока одного из них. Дыкма-сердар 27 марта 1881 г. явился к нему повинностью и передал ему свой меч, а он в свою очередь уговорил его в ближайшее время поехать к Белому царю в Санкт-Петербург и лично выразить ему, Государю, свою покорность. Путем приложения ранее не обнаруженного документа вносится к самостоятельному рассмотрению прием, устроенный российским императором Александром III для Дыкма-сердара – одного из покоренных руководителей защитников героической Геок-тепинской крепости.

Ключевые слова: регулярные войска; народное ополчение; сражение; присоединение

За прошедшие 135 лет после вооруженного присоединения основных туркменских земель к Российской империи, начиная с работ непосредственных участников боевых действий, а именно с книг «Война в Туркмении» Н.И. Гродекова (в 4 томах, 1883, 1884 гг.) и «Завоевание Туркмении» А.Н. Куропаткина (1899), в досоветский и советский периоды, а также постсоветское время появилось немало количество больших и малых по объему трудов, в которых подвергались интерпретации события тех лет, в основном, в следующих трех измерениях: 1) это было триумф русского оружия, который остановил претензии Британской империи на Туркменистан и в целом на Среднюю Азию, предъявленные ей со своих Индийских владений через Афганистан и Иран (Персия); 2) присоединение

туркменских земель к России (несмотря на насильственное или добровольное) имело огромное значение в дальнейшей судьбе народа, означало предысторию новой (в последующем советской) эпохи в истории Туркменистана; 3) туркмены-защитники Геоктепинской крепости в 1879 и 1881 гг. были образцами храбрости и мужества, проявили себя настоящими героями в обороне Родины от иноземных захватчиков.

Указанные и возможные другие интерпретации вооруженных действий России в Туркменистане в первой половине 80-х гг. XIX века являются не только результатами постоянно изменившихся официальных взглядов на события тех лет, но одновременно представляют собой научные аспекты проведенных исследований по данной про-

блематике и вполне заслуживают внимания ученых и имеют полное право на свое существование в научной среде.

Если в тогдашних военных действиях в Туркменистане, вошедших в российскую военную историю под названием «Ахалтекинская экспедиция», русскими регулярными войсками командовали сначала генерал Н.П. Ломакин (1830–1902) и затем генерал М.Д. Скобелев (1843–1882), то руководителями туркменского ополчения, воевавшего против русских регулярных войск, были молодой Махтумкули-хан (1859–1924), назначенный правителем уполномоченными народными представителями в начале мая 1880 г. после смерти его отца Нурберди-хана и избранный в 1907 г. депутатом Второй Государственной думы России, и Дыкма (Тыкма)-сердар (1830–1882), сын которого генерал Ораз (Ураз)-сердар (1871–1929?) в 1918 г. руководил местным «белым» движением, занимая высокий боевой пост командующего Закаспийским фронтом [1]. Духовно-религиозными лидерами туркмен-ополченцев выступали тогда Курбанмурад-ишан и Керимберди-ишан, являющиеся представителями ордена суфизма накшбендийе-муджеддедийе.

После овладения русскими 12 января 1881 г. крепостью Денгиль-тепе, цитадели оборонившихся в Геок-тепе туркмен, путем взрыва порохов одной из ее стен М.Д. Скобелев внутренне не мог наслаждаться достигнутой победой: военный опыт подсказал ему, что пока ухитрившиеся до взятия русскими покинуть цитадель Тыкма-сердар и Махтумкули-хан не сложат оружие, об окончательной победе говорить не приходится. Генерал М.Д. Скобелев при помощи подставных лиц добился этого спустя два с половиной месяца в отношении лишь одного из них. Дыкма-сердар 27 марта 1881 г. явился к нему с повинностью и передал ему свой меч, а он в свою очередь уговорил его в ближайшее время поехать к Белому царю в Санкт-Петербург и лично выразить ему, Государю, свою покорность. После достижения взаимной договоренности М.Д. Скобелев вернул Дыкма-сердару его оружие и в апреле того же года уехал в Санкт-Петербург.

Другой организатор и руководитель защиты Геок-тепинской крепости Махтумкули-хан [2] добрался до Мары (Мерв) к своей мачехе Гульджемал-хатын, которая в честь

покойного мужа-хана, его отца, в последующем стала знаменитой в народе под именем Гульджемал-хан. Прожив более года в Мерве, Махтумкули-хан вернулся в Асхабад летом 1882 г. Прошел еще год, и летом 1883 г. вернули ему личное оружие, сданное при переезде в зону дислокации русской армии. В скором времени он принял российское подданство и перешел на службу в российской армии. В конце 1883 г. Махтумкули-хан вместе с Алихановым-Аварским (1846–1907) был отправлен на переговоры в Мерв с предложением к его населению принять русское подданство [3]. Поручение это было блестяще выполнено. В новогодний праздник, то есть 1 января 1884 г., поступило прошение от депутации мервского оазиса императору Александру III о принятии в подданство России [4]. Таким образом, в результате усилий Махтумкули-хана и некоторых других Мерв, в отличие от Ахала, присоединился к России без военного вмешательства, то есть без человеческих жертв с обеих сторон. Махтумкули-хан наряду со среднеазиатскими правителями – бухарским эмиром и хивинским ханом – был приглашен и принял участие в коронации последнего императора России Николая II Александровича и его супруги – императрицы Александры Федоровны, которая состоялась 14 (26) мая 1896 г. в Москве. По этому поводу в доступном нам архивном документе читаем, в частности, следующие слова: Махтумкули-хан, «который пользуется большим влиянием как сын известного Нурберды-хана, присутствовал на торжестве коронации и был по этому случаю всемиловитейше удостоен государем императором чина майора милиции» [5].

Следует отметить, что этапы войны в Туркмении (Ахалтекинской экспедиции русских войск) находили свое освещение на страницах периодики тех лет. Из подобных газетных сообщений особенно интересными являются те, которые посвящены описанию находившейся в мае 1881 г. в Санкт-Петербурге туркменской (текинской) депутации во главе с Тыкма-Сердаром. Так, например, из сообщения петербургской газеты «Вечернее время» от 15 мая 1881 г. о прибытии в Санкт-Петербург делегации от Ахалтекинского оазиса для представления императору Александру III и для ознакомления с русской столицей, узнаем, что тот день, то есть 15-го мая, в

восемь часов 15 минут утра с поездом Николаевской железной дороги прибыла в Санкт-Петербург депутация от новых подданных Российской державы, от туркменов племени теке. Депутация состояла из пяти лиц. Во главе ее находился бывший начальник вооруженных сил текинцев Тыкма-сердар, 55-ти лет, среднего роста, крепкого сложения; умное, смуглое лицо его окаймлено седой бородой, глаза пронизательные, лоб покрыт морщинами. Одет он в два пестрых халата, на бедре персидская сабля, на голове конусообразно-полукруглая из черных мерлушек шапка. Тыкма-сердар во время последней войны с русскими войсками был ранен пулею на вылет в правую сторону груди. Он привез с собой в Петербург своего сына по имени Уразберды, 10-ти лет (в будущем первый туркменский боевой генерал Ораз-сердар. – М. С.). Смугленькое личико его носит отпечаток добродушия и прямоты. Тыкма-сердар желает оставить его в Петербурге, в одном из военных учебных заведений, на воспитание [6].

Неслучайно «Вечернее время» обращает особое внимание на одного «из мервских старшин Халли-сердар, лет 60-ти, довольно высокого роста, с седой бородой. Этот Халли-сердар не принадлежит к ахал-текинской депутации в буквальном смысле, он только сопутствует ей, чтобы посмотреть на столицу Белого царя, на его войска и вообще на Россию и о своих впечатлениях сообщить своим родичам, находящимся в Мерве», ибо Мургабский оазис (Мерв) спустя лишь два с половиной года после описываемых событий был присоединен добровольно к России, как было указано выше, по письменной просьбе местных ханов и старейшин в начале 1884 г. Вскоре в этом оазисе было создано царское имение с администрацией в Байрам-Али. Далее в газете говорится, что туркменская депутация выбыла из Баи (село в Туркменистане, у подгорья Копетдага. – М. С.) 19-го апреля и следовала на Астрахань; в Москве пробыла день, остановившись в Кокоревской гостинице. Исторический Кремль с его высокими башнями, напоминающими турецкие минареты, и бойницами произвел на текинцев впечатление. В Петербурге депутация остановилась в Знаменской гостинице, в бельэтаже, в двух номерах, 25-м и 26-м. Данное сообщение газеты «Вечернее время» за-

фиксировано исследователями в качестве ценного источника и под номером 68 включено в изданный сборник документов, а также выставлено в Интернете для всеобщего обозрения [6].

В русскоязычной художественной прозе путем восстановления предполагаемого тогда диалога описаны следующие сцены из высочайшего приема:

– Ваше Императорское Величество, вожди текинского племени, новые подданные вашей державы, – начал представление М.Д. Скобелев. – Дыкма-хан, его сын Ораз, Авиз-хан, Халли-хан и Магомед-хан. Текинцы сняли папахи и, прижимая руки к сердцу, поклонились императору. – Приветствую вас, господа текинцы, – весело поздоровался император. – Здравствуйте, господа, – поздоровалась с сердарами императрица. – Хороши, хороши, ничего не скажешь, – усмехнулся император. – А признайтесь, Михаил Дмитриевич, нелегко было с ними совладать? – Да, Государь, это отчаянной храбрости воины, воевать они умеют лучше, чем мы думали. Текинцы такие молодцы, Ваше Императорское Величество, что свести несколько сотен такой кавалерии под Вену – не последнее дело. – Ну-ну, не забывайтесь, Михаил Дмитриевич, – недовольно поморщился император. – Австрийцы наши союзники, а речи ваши непозволительны, хорошо, что нас не слышат дипломаты. – Какой замечательный мальчик, – ласково улыбнулась Мария Федоровна, стараясь сменить неприятную тему. – Какой у вас замечательный сыночек, сердар. – Младший, – заметил Дыкма-хан, выслушав перевод М.Д. Скобелева. – Старший сын сердара погиб при Геок-Тепе, – от себя добавил генерал... – Когда мальчик немного подрастет, сердар хочет отдать его учиться в кадетский корпус, – заметил М.Д. Скобелев. – Зачем же кадетский корпус? – вскинула брови императрица. – Предлагаю зачислить Ораза в Пажеский корпус Его Императорского Величества. Что вы об этом думаете, Государь? – Мария Федоровна посмотрела на царя, явно ожидая одобрения. – Замечательная мысль! – поддержал жену Александр [7].

В вышеприведенной словесной картине из дворцовой жизни наличествует большой художественный вымысел, ибо присутствие на указанном приеме у Царя генерала

М.Д. Скобелева не подтверждено документально. Несмотря на это, мы сочли уместным включить ее в свою статью, напечатанную в журнале «Язык и культура» и обнародованную в 2013 г. по Интернету [7].

Прибытием туркменской (текинской) делегации в столицу, его членами, особенно приемом, устроенным для них Его Величеством Императором Александром III, заинтересовались не только центральные («Вечернее время» и др.), но и провинциальные периодические издания России. В качестве приложения 1 к настоящей статье предлагаем вниманию читателей материал из газеты «Олонекские губернские ведомости» (г. Петрозаводск) от 3 июня 1881 г. за № 40, который был напечатан под названием «Текинская депутация». По нашим наблюдениям, этот материал еще не стал источником для исследователей в деле изучения вопросов туркменско-русских взаимоотношений в XIX веке, хотя с фотокопией указанного номера газеты в настоящее время можно ознакомиться на соответствующих интернет-сайтах. В иллюстрациях, приведенных нами в приложении, использованы фоторепродукции картин и фотографии современных фотографов.

В конце также отметим, что в отношении Дыкма-сердара у туркмен, как и Иمامу Шамилу (1798–1871) у горских народов Северного Кавказа, существуют два противоположных взгляда в вопросе «Кто он: герой или предатель?», ибо по-разному оценивают не только факт его перехода на сторону русских после Геок-тепинского сражения, но и его временное и вынужденное нахождение в войсках генерала Н.П. Ломакина в 1879 г.

Подводя общие итоги, следует констатировать, что независимый Туркменистан, восстановивший свою государственность после распада Советского Союза в 1991 г., является нейтральной страной, данный статус которого подкреплен дважды специальными резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН в 1995 и 2015 гг., постоянно выступает против развязывания всяких войн, как «справедливых», так и «несправедливых», предлагая решать спорные вопросы между странами только за столом переговоров дипломатическим путем.

Список литературы

1. Соегов М. Туркмены-командиры царской и белой армий: генерал Ораз-сердар, сын Дыкма-сердара // Научный Татарстан. Казань, 2015. № 3. С. 43-49.
2. Соегов М. В 1907 году последнего туркменского хана избрали депутатом Государственной думы России (по страницам исторической и художественной литературы) // Jazyk a kultúra. Прешов, 2014. № 17-18. URL: http://www.ff.unipo.sk/jak/17-18_2014/soegov2.pdf (дата обращения: 17.03.2017).
3. Соегов М. К истории сражения 1885 г. при р. Кушка с участием туркмен под командованием офицера-аварца // Вестник Института истории, археологии и этнографии. Махачкала, 2016. № 2. С. 9-44.
4. Прошение от депутации мервского оазиса императору Александру III о принятии в подданство России от 01.01.1884 г. // ЦГВИА. Ф. 400. Д. 8. Л. 60-68. Документ № 101. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Russ_turkmenII/Razdel_VI/101.Htm (дата обращения: 09.04.2014).
5. Журнал Особого совещания по вопросам, касающимся Закаспийской области, Туркестанского края и Мерва // ЦГВИА. Ф. 400. Д. 64 (1884 г.). Л. 36-47. Документ № 94. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Russ_turkmenII/Razdel_VI/94.Htm (дата обращения 09.04.2014).
6. Сообщение петербургской газеты «Вечернее Время» от 15.05.1881 г. о прибытии в Петербург делегации от Ахал-Текинского оазиса для представления императору Александру III и для ознакомления с русской столицей // ЦГВИА (Центральный государственный военно-исторический архив). Ф. 400 (1881 г.). Л. 7. Документ № 68. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Russ_turkmenII/Razdel_V/68.htm (дата обращения: 10.03.2017).
7. Соегов М. «Белый» генерал Ораз-сердар в истории и литературе // Jazyk a kultúra. Прешов, 2013. № 16. URL: http://www.ff.unipo.sk/jak/16_2013/soegov.pdf (дата обращения: 18.03.2017).

Поступила в редакцию 16.05.2017 г.

Отрецензирована 12.06.2017 г.

Принята в печать 05.07.2017 г.

Информация об авторе

СОЕГОВ Мурадгелди, доктор филологических наук, профессор, действительный член (академик) Академии наук Туркменистана, главный научный сотрудник, Национальный институт рукописей Академии наук Туркменистана, г. Ашхабад, Туркменистан, e-mail: msoyegov@gmail.com

Для цитирования

Соегов М. Кого соизволил принять Его Величество Государь Император России 19 мая 1881 года ровно в один час пополудни // Неофилология. 2017. Т. 3. № 3 (11). С. 75-82.

UDC 94(5-191.2)

WHOM THE SOVEREIGN EMPEROR HIS MAJESTY OF RUSSIA HAS DEIGNED TO ACCEPT ON MAY 19, 1881 EXACTLY AT ONE O'CLOCK P.M.

© Muradgeldi SOYEGOV

National Manuscripts Institute of Academy of Sciences of Turkmenistan
13 A Pushkin St., Ashgabat, Turkmenistan, 740000
E-mail: msoyegov@gmail.com

Abstract. The questions connected with joining of the Turkmen earths to the Russian empire are considered, namely those armed events which occurred in 1879 and 1881 under command of Russian generals on the one hand and leaders of a Turkmen home guard on the other hand are considered. The basic source of study of these questions was the formerly manifested archive documents. The attention to the events after the end of warfare is paid. After the Russians invaded the fortress Dengil-tepe in January 12, 1881, the citadel of the defending Turkmen in Geok-tepe, by gunpowder explosion of one of the walls M.D. Skobelev could not enjoy the victory: the war experience gave him the cue that Dykma-serdar and Makhtumkuli-khan who managed to escape from the citadel before the Russians invaded it, it is impossible to establish the absolute victory. The general M.D. Skobelev with the help of front persons reached this in two months only concerning one of them. Dykma-serdar in March 27, 1881 came with obligation and gave his sword and he at the same time persuaded him to go the White tsar in Saint-Petersburg and to express submission personally to the Sovereign. By application of formerly non promulgated document the reception organized by the Russian Emperor Alexander III for Dykma-serdar – one of the conquered heads of aggressors of heroic geok-tepe fortress.

Keywords: active armed forces; a national home guard; battle; joining

References

1. Soyegov M. Turkmeny-komandiry tsarskoi i beloi armii: general Oraz-serdar, syn Dykma-serdara [Turkmen-commanders of Imperial and "White" Armies: general Oraz-serdar, son Dykma-serdar]. *Nauchnyi Tatarstan* [Scientific Tatarstan], 2015, no. 3, pp. 43-49. (In Russian). Available at: http://www.ff.unipo.sk/jak/16_2013/soegov.pdf (accessed 18.03.2017).
2. Soyegov M. V 1907 godu poslednego turkmenskogo khana izbrali deputatom Gosudarstvennoi dumy Rossii (po stranitsam istoricheskoi i khudozhestvennoi literatury) [In 1907 of last Turkmen khan have selected the deputy of the State Duma of Russia (thumbing through pages historical and fiction)]. *Jazyk a kultura – Language and Culture*, 2014, no. 17-18. (In Russian). Available at: http://www.ff.unipo.sk/jak/17-18_2014/soegov2.pdf (accessed 17.03.2017).
3. Soyegov M. K istorii srazheniya 1885 g. pri r. Kushka s uchastiem turkmen pod komandovaniem ofitsera-avartsa [To history of battle of 1885 at the river Kushka with participation the Turkmen under command of the officer-Avar]. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii – Herald of Institute of History, Archeology and Ethnography*, 2016, no. 2, pp. 9-44. (In Russian).
4. Proshenie ot deputatsii mervskogo oazisa imperatoru Aleksandru III o prinyatii v poddanstvo Rossii ot 01.01.1884 g. [The application from deputation an Merv oasis to emperor Alexander III about acceptance in citizenship of Russia from January 1, 1884]. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv* [The

- Central State Military and Historical Archive], fund 400, file 8, pp. 60-68, document no. 101. (In Russian). Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Russ_turkmenII/Razdel_VI/101.Htm (accessed 09.04.2014).
5. Zhurnal Osobogo soveshchaniya po voprosam, kasayushchimsya Zakaspiiskoi oblasti, Turkestanskogo kraia i Merva [Magazine of Special meeting on the questions, concerning Zakaspijsky Region, Turkestan krai and Merv]. *Tsentrall'nyy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv* [The Central State Military and Historical Archive], fund 400, file 64 (1884 g.), pp. 36-47, document no. 94. (In Russian). Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Russ_turkmenII/Razdel_VI/94.Htm (accessed 09.04.2014).
 6. Soobshchenie petersburgskoi gazety "Vechnyye Vremya" ot 15.05.1881 g. o pribytii v Peterburg delegatsii ot Akhal-Tekinskogo oazisa dlya predstavleniya imperatoru Aleksandru III i dlya oznakomleniya s russkoi stolitse [The message of the Petersburg newspaper "Evening" from May 15, 1881 about arrival in Petersburg delegations from the Akhal-Tekinsky oasis for representation to Emperor Alexander III and for acquaintance with Russian capital]. *Tsentrall'nyy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv* [The Central State Military and Historical Archive], fund 400 (1881 g.), p. 7, document no. 68. (In Russian). Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Russ_turkmenII/Razdel_V/68.htm (accessed 10.03.2017).
 7. Soyegov M. «Belyi» general Oraz-serdar v istorii i literature ["White" general Oraz Sirdar in the history and the literature]. *Jazyk a kultura – Language and Culture*, 2013, no. 16. (In Russian). Available at: http://www.ff.unipo.sk/jak/16_2013/soegov.pdf (accessed 18.03.2017).

Received 16 May 2017

Reviewed 12 June 2017

Accepted for press 5 July 2017

Information about the author

SOYEGOV Muradgeldi, Doctor of Philology, Professor, Full Member (Academician) of Academy of Sciences of Turkmenistan, Main Research Worker, National Manuscripts Institute of Academy of Sciences of Turkmenistan, Ashgabat, Turkmenistan, e-mail: msoyegov@gmail.com

For citation

Soegov M. Kogo soizvolil prinyat' Ego Velichestvo Gosudar' Imperator Rossii 19 maya 1881 goda rovno v odin chas popoldni [Whom the Sovereign Emperor His Majesty of Russia has deigned to accept on May 19, 1881 exactly at one o'clock p.m.]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2017, vol. 3, no. 3 (11), pp. 75-82. (In Russian, Abstr. in Engl.).

Приложение 1

Текинская депутация

В субботу 23 мая, утром, члены текинской депутации отправились в Гатчину для представления Их Императорским Величествам. Депутацию составили: Глава депутации Эвез Мурад-Тыкма-сердар с малолетним сыном своим, Уразберды, два текинца из Геок-Тепе и текинец из Мерва, Халли-Гаипбердиев. Все они были одеты в черные суконные халаты, обшитые серебряными галунами.

О приеме их и представлении Их Величествам «Голос» передает следующие подробности.

По прибытии в Гатчину, депутация была перевезена со станции железной дороги во дворец в придворных каретах. Во Дворце ей было отведено просторное помещение, где был предложен чай и шоколад с различными сладкими печеньями.

В исход 12 часа депутация, предшествуемая скороходом, направилась в собственные апартаменты Их Величеств. В первой приемной депутация была встречена военным министром, генерал-адъютантом Ванновским, которому тут же и представилась. В 12 часов 40 минут текинская депутация была приглашена в приемный зал на половине Великого Князя Константина Николаевича, где и расположилась в одну линию.

Ровно в один час пополудни из двери, ведущей в кабинет Его Величества, позволил выйти Государь Император в общегенеральском сюртуке с орденом Св. Георгия на шее. Все текинцы, по своему обычаю сложив почтительно руки, низко поклонились Его Величеству. Государь изволил подойти к Тыкма-сердару. Полковник Аминов представлял каждого из депутатов, начиная с Тыкма-сердара, который на несколько вопросов Государя Императора относительно его личного участия в нынешней ахал-текинской экспедиции отвечал через переводчика, что он был главным начальником всех текинских вооруженных сил, выставленных против русских войск, причем был два раза ранен – в правое плечо и ногу. При этом Тыкма-сердар заявил Его Величеству желание, как лично свое, так и всех своих соплеменников, оставаться «на веки вечные» верноподданными слугами Белого царя. После нескольких милостивых слов Его Величество изволил спросить о сыне Тыкма-сердара; отец выразил желание оставить своего сына в одном из военно-учебных заведений.

В это время из внутренних покоев изволили выйти Ее Величество Государыня Императрица в сопровождении Их Высочеств Наследника Цесаревича Николая и Великого Князя Георгия Алек-

сандровичей. Текинцы приветствовали Государыню и Великих Князей низкими поклонами.

Государь Император удостоил каждого из текинцев милостивыми расспросами и разговором. Текинец из Мерва Государь изволил спросить о цели его приезда в Петербург, на что он ответил, что с согласия своих родичей воспользовался случаем приехать в Петербург, чтобы иметь счастье представиться Белому царю и посмотреть на Россию для передачи о ней полных сведений своим родичам, желающим иметь защиту и покровительство могущественной России.

Его Величество собственноручно пожаловал Тыкма-сердару серебряные майорские эполеты, поздравил его с чином майора милиции и вручил ему почетную саблю и глухие золотые карманные часы с цепочкою. Всем остальным членам текинской депутации Его Величество также собственноручно удостоил пожаловать золотые часы с цепочками. Сверх того, Его Величество изволил приказать заготовить всем членам бархатные халаты и медали.

Затем Его Величество, высказав пожелание текинцам жить мирно и трудиться, изволил с Августейшим Семейством удалиться в свои апартаменты.

До слез тронутые милостивым приемом, текинцы были в неопишемом восторге. «Я и во сне не видал такого счастья», – говорил Тыкма-сердар. Сын его будет определен сперва в пансион николаевского кавалерийского училища, потом в пажеский корпус. Когда сказали сыну Тыкма-сердара, что его будут учить, он попросил объяснить ему, как он будет учиться и сколько? Ему объяснили, прибавив, что в свободное время он будет гулять и бегать. «Нет, – заметил мальчик. – Я не буду бегать, я буду лучше учиться, чтоб других обегать в науках».

По окончании приема текинская депутация была отведена обратно в свое помещение, где ей был предложен роскошный завтрак. После завтрака Тыкма-сердар опоясался своим Царским подарком, почетной саблей; тут же были пришиты на плечи черного халата майорские эполеты; все находившиеся в этом помещении русские поздравили с Высочайшей милостью. «Велик, могуществен, славен и добр Белый царь наш», – повторял Тыкма-сердар, делая ударение на слове «наш».

«Мы будем верные слуги нашего Белого царя, мы умрем за него», – твердили текинцы по возвращении из Гатчины, совершенно очарованные Высочайшим приемом.

Олонецкие губернские ведомости
Петрозаводск, 1881. 3 июня. № 40.

Фото 1. Генерал М.Д. Скобелев

Фото 2. Овезмурад Дыкма-сердар

Фото 3. Бывшая гостиница «Кокоревское подворье» в Москве, где в апреле–мае 1881 г. остановились члены туркменской (текинской) делегации во главе с Дыкма-сердаром (современный вид)

Фото 4. Гостиница «Знаменская» (ныне «Октябрьская») в Санкт-Петербурге, где в мае 1881 г. на первом этаже в номерах 25 и 26 остановились члены туркменской (текинской) делегации во главе с Дыкма-сердаром (современный вид)

ПЕРСОНАЛИИ

УДК 81-11

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА! К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.Г. РУДЕЛЕВА

Аннотация. Посвящается 85-летию доктора филологических наук, профессора Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, Заслуженного работника высшей школы РФ, почетного работника высшего профессионального образования Владимира Георгиевича Руделева. Рассмотрен вклад В.Г. Руделева в деятельность Тамбовской лингвистической школы, в ее формирование и развитие.

Ключевые слова: В.Г. Руделев; научная школа; Тамбовская лингвистическая школа; юбилей

В июле 2017 г. отметил свой 85-летний юбилей известный ученый, Заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник высшего профессионального образования, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка факультета филологии и журналистики Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина Владимир Георгиевич Руделев.

Широко известны в России и за рубежом научные труды, монографии, многочисленные научные статьи В.Г. Руделева, которые

актуальны и значимы для современного этапа развития лингвистики в целом и русистики в частности.

40 лет назад он приехал в Тамбов и приступил к работе в Тамбовском государственном педагогическом институте (ныне Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина). С тех пор тамбовская земля стала для него родной. Именно здесь раскрылись его многочисленные таланты выдающегося ученого, руководителя, одаренного педагога и поэта. Профессиональная деятельность Владимира Георгиевича многогранная и богата знаменательными событиями.

В.Г. Руделев сумел сплотить творческий коллектив квалифицированных исследователей и создать Тамбовскую лингвистическую школу и лабораторию «Экология языка и речи» при кафедре русского языка, которой он заведовал с 1972 по 2004 г. Была открыта аспирантура, а несколько позже и докторантура по русскому языку.

В настоящее время коллектив ученых-единомышленников разрабатывает нестандартные и значимые для научного сообщества сложнейшие и актуальные вопросы теории и практики русского языка на основе предложенного и разработанного В.Г. Руделевым оппозитивного метода исследования на всех лингвистических уровнях в синхронии и диахронии – изучение слова как глобальной единицы языка, с проникновением в смысл грамматических категорий и шифруемых ими семантических различий.

Значительно влияние научных взглядов В.Г. Руделева на молодых ученых. Под его научным руководством успешно защитили кандидатские диссертации более 30 аспирантов и соискателей, три докторанта, ставшие сегодня стали видными учеными России и зарубежья, выступающие под флагом Тамбовской лингвистической школы.

Особое место среди работ ученого занимают учебно-методические и научно-популярные издания (Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. Ч. 1. 182 с.; Ч. 2. 181 с. // Избранные работы по русскому языкознанию («Друг мой – язык»). Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002; «Вначале было слово...» (Популярная лингвистическая теория, для учеников национальных школ. V–VII классы). Тамбов, 1995. 176 с.) Эти книги пользуются большим спросом у учителей и всех, кто интересуется русским языком.

В научных трудах тамбовского ученого отражена разработка трехаспектной теории фонем (синтез, анализ и коррекция); описана функциональная модель слогораздела в русском языке; теория нейтрализации и оппозиций за пределами фонологии; частеречная

русская грамматическая система; синтаксис и поэтика, диалектология. Особое место в его исследованиях занимает язык «Слова о полку Игореве» и произведений русских классиков, в научный обиход им был введен термин «поэтема».

По инициативе В.Г. Руделева в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина проводится Международная научная конференция «Экология языка и речи», которая в ноябре этого года состоится уже в 6-й раз. В настоящее время ученый-лингвист активно разрабатывает проблемы *эсперантизации, междометизации и депоэтизации* современного русского языка, связанные с осмыслением проблем экологии языка и речи.

Мы поздравляем Владимира Георгиевича с юбилеем и желаем ему счастья, здоровья и успешной реализации творческих планов, новых свершений в филологической науке.

А.С. Щербак,
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой русского языка

*Ректорат Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина,
коллектив факультета филологии и журналистики,
объединенная редакция научных журналов, друзья и коллеги
сердечно поздравляют Владимира Георгиевича с юбилеем
и желают здоровья, долгих-долгих лет неиссякаемой энергии и оптимизма
в осуществлении замыслов и устремлений!*

UDC 81-11

CONGRATULATIONS TO THE HERO OF THE ANNIVERSARY! TO THE 85th ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF V.G. RUDELEV

Abstract. It is devoted to the 85th anniversary of doctor of philology, professor of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, honoured worker of higher school of the Russian Federation, honorary worker of higher professional education Vladimir Georgievich Rudelev. The contribution of V.G. Rudelev in the activity of Tambov Linguistic School, in its formation and development are considered.

Keywords: V.G. Rudelev; scientific school; Tambov Linguistic School; jubilee

Information about the author

SHCHERBAK Antonina Semenovna, Doctor of Philology, Professor, Head of Russian Language Department, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, e-mail: ant_scherbak@mail.ru

